

B/L 820
V 6T9

Gen. Lit

Cult of Vesta

КУЛЬТЪ ВЕ

An Ancient Roman
ВЪ ДРЕВНЕМЪ

Ivan Turcewicz
ИВАНА ТУРЦЕВИЧА,

Teacher of 1st Kiev
УЧИТЕЛЯ КІЕВСКОЙ I-ой гимназіи

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

Kiev
КІЕВЪ.

Въ университетской типографіи (В. І.)
1887.

Кни. 11

Кни. 11

ВЕСТЫ

Роман
ЕМЪ РИМЪ.

Турсевича,
ТУРЦЕВИЧА,

№ 1-й Казанской
1-ой I-ой гимназии.

ПЕРВЫЙ.

ПЕРВЫЙ.

фотографии (В. И. Завадского).

1887.

КУЛЬТЪ ВЕСТЫ

ВЪ ДРЕВНЕМЪ РИМѢ.

I. B. Turkevich

ИВАНА ТУРЦЕВИЧА,

УЧИТЕЛЯ КІЕВСКОЙ I-ой ГИМНАЗИИ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

КІЕВЪ.

Въ университетской типографіи (В. І. Завадзкаго).

1887.

Оттискъ изъ Циркуляра по управленію Кіевскимъ Учебнымъ Округомъ.

Введеніе.

Въ настоящей статьѣ мы намѣрены разсмотрѣть культъ Весты и институтъ весталокъ. Но прежде чѣмъ приступитъ къ самому изложенію, мы скажемъ нѣсколько словъ объ интересѣ, представляемомъ изученіемъ вообще того цѣлаго, къ которому относится избранный нами сюжетъ, а также укажемъ, почему мы обратили наше вниманіе и желаемъ обратить вниманіе читателей именно на культъ Весты и въ какомъ объемѣ, въ какихъ отношеніяхъ и какой связи мы будемъ его разсматривать.

Изученіе естественной языческой религіи древнихъ представляеть многосторонній интересъ, какъ часть изученія природы человѣка и его исторіи. Мы знакомимся здѣсь съ древнимъ человѣкомъ, съ созданною имъ религіею подѣ влияніемъ природы и его своеобразнаго національнаго характера, склада, тѣсно связаннаго съ его частною и общественно-государственною жизнью. Изученіе религій и религіозной жизни классическихъ народовъ имѣетъ еще особенный интересъ по многимъ причинамъ. Народы эти, не смотря на всѣ своеобразныя стороны ихъ жизни, намъ сродни, наиболѣе намъ близки лучшими проявленіями ихъ жизни, и мы достаточно знакомы съ ихъ политическою и частною жизнью, ихъ поэзіею и вообще искусствомъ; тѣмъ болѣе нужно и большой интересъ представляеть изученіе ихъ религіозной жизни, и потому-же мы имѣемъ много и разнаго рода данныхъ для этого изученія; они проходятъ передъ нами съ ихъ религіями отъ начала ихъ историческаго развитія до упадка его, вырожденія и вымиранія, слѣдовательно мы имѣемъ дѣло съ изученіемъ религій завершившими болѣе или менѣе полный циклъ развитія. Это обстоятельство для насъ весьма важно; эти языческія религіи не были вытѣснены на первой стадіи своего развитія,

но существовали при весьма значительномъ развитіи народнаго самосознанія вообще, при весьма значительномъ умственномъ и политическомъ развитіи народовъ; въ ихъ литературѣ мы находимъ важные для насъ отзывы интеллигентныхъ представителей народа, старающихся уяснить себѣ смыслъ унаслѣдованныхъ отъ предковъ вѣрованій и культовъ, и то не удовлетворяющихся ими и относящихся къ нимъ скептически, то защищающихъ ихъ отъ сторонниковъ невѣрія и критики представителей новой религіи, отнимающей все болѣе и болѣе почву у язычества, — христіанства.

Религія Римлянъ, каковъ бы ни былъ ея характеръ, представляетъ для насъ великій интересъ уже потому, что она лежала въ основаніи необыкновенно богатой исторической жизни великаго народа, имѣвшей большое вліяніе на народы древняго и христіанскаго міра; черты частнаго быта этого народа полны интереса, ибо и въ нихъ въ значительной мѣрѣ лежитъ разгадка его политическаго могущества и вліянія, основаніе его своеобразнаго и величественнаго государственнаго строя; но въ основаніи его здоровой, строго упорядоченной и чистой семейной жизни, его быта лучшихъ временъ (а это время и основало величіе Рима) лежалъ тоже религіозный элементъ, и государственная жизнь была проникнута имъ, была какъ-бы сросшеюся съ народною религіею.

Религія Римлянъ болѣе обстрактна, не такъ богата образами, не такъ поэтична, соотвѣтственно духовному складу народа, какъ религія Грековъ; отъ послѣднихъ Римляне заимствовали многія религіозныя представленія и образы и элементы культа; не надо впрочемъ думать, чтобы въ этомъ усвоеніи было что-то очень странное, и что оно осталось неорганическимъ; нѣтъ, это заимствованное было очень естественно при извѣстныхъ религіозныхъ воззрѣніяхъ классическаго язычества, коему чужда религіозная исключительность и догматизмъ — и Греки заимствовали у другихъ народовъ въ области религіи — и при ближайшемъ родствѣ обоихъ классическихъ народовъ и слѣдовательно и ихъ религій; въ римской религіи жили такимъ образомъ родственные ей элементы греческіе въ сочетаніи съ специально римско-италійскими.

Эти исконные, народные элементы главнымъ образомъ опредѣляютъ характеръ религіи Римлянъ. Какъ вообще въ настоящее время лучше, болѣе научно, чѣмъ когда либо прежде уясненъ характеръ римской религіи, ея генезисъ, и не имѣетъ мѣста такъ сказать сухое, механическое представленіе ея роста, такъ и въ частности особенное вни-

маніе обращено на обще-италійскіе элементы въ ней ¹⁾, и сдѣланы значительные успѣхи въ опредѣленіи ихъ, такъ что римское перестало считаться исключительно римскимъ, и такимъ образомъ римская религія представляетъ теперь еще большій интересъ и сама по себѣ и какъ главная болѣе извѣстная представительница религій отдѣльныхъ италійскихъ племенъ.

Въ римской религіи въ ея исконныхъ чертахъ выразился ясно духъ народа, трезваго, практическаго, строгихъ нравовъ, съ преобладаніемъ разсудочности надъ воображеніемъ.

Соотвѣственно долго сохранявшейся строгости и чистотѣ нравовъ, серьезности (*gravitas*) характера, народъ отличался необыкновенною набожностью; сами Римляне это отлично сознавали и этому приписывали свое величіе и силу, и то-же свидѣлствуютъ и другіе. Титъ Ливій говоритъ: „Или меня обманываетъ пристрастіе къ избранной мною задачѣ, или дѣйствительно не было государства болѣе великаго, святаго и представляющаго болѣе хорошихъ образцовъ, не было гражданства, среди котораго такъ поздно водворились корыстолюбіе и разсточительность, среди котораго бѣдность и довольство малымъ въ такой мѣрѣ и такъ долго были въ уваженіи“. Блаженный Августинъ (*De C. D.*, V, 12) признаетъ и доказываетъ, что Римляне своими удачами и величіемъ обязаны ихъ нравственности и великой нравственно-патріотической традиціи, столь сильной и живой у нихъ. При сравнительномъ упадкѣ нравовъ, который впрочемъ легко преувеличивается подъ вліяніемъ сатириковъ и отъ недостаточнаго пониманія древней языческой жизни вообще, не мало было людей, желѣвавшихъ старинный римскій идеалъ доблести; не раздѣляя вполнѣ старыхъ народныхъ вѣрованій, они справедливо видѣли въ нихъ источникъ великой народной силы.

Саллюстій называетъ предковъ набожнѣйшими людьми (*nostri maiores religiosissimi mortales*). Цицеронъ говоритъ: „Если сравнивать нашу народность съ другими, то въ остальномъ мы окажемся равными или даже ниже другихъ, но въ отношеніи религіи, т. е. почитанія боговъ значительно выше“. Онъ же, какъ бы дополняя высказанную мысль, говоритъ: „Нравы и учрежденія, порядки жизни домашней и семейной мы конечно хранимъ лучше и чище“. Великій римскій поэтъ (Горацій) такъ обращается къ своему народу: „Оттого ты, Римлянинъ, властвуешь

¹⁾ См. объ этомъ вообще у Преллера, *R. Mythologie*, 3 A. I, стр. 6.

надъ другими, что смиряешься предъ богами; боги, пренебреженные, послали много бѣдъ несчастной Гесперіи ¹⁾“!

Набожность Римлянъ выражалась между прочимъ и въ особенности въ необыкновенной строгости въ отношеніи выполненія всѣхъ обрядовыхъ предписаній религіи, обрядности, доходившей до мелочныхъ крайностей, и этотъ религіозно-обрядовой уставъ Римляне твердо и неприкосновенно хранили много вѣковъ. Поливій, историкъ 2 вѣка до Р. Х., хорошо, изъ непосредственнаго наблюденія знавшій римскую жизнь, свидѣтельствуетъ о необыкновенной *δεισιμασμονία* Римлянъ какъ въ частной, такъ и въ государственной жизни. Тертуліанъ сравниваетъ обрядовыя установленія ихъ культа по его строгости и точности съ установленіями Моисеева закона.

Но рядомъ съ такою строгостью въ выполненіи обрядовъ характерною чертою обрядовъ была ихъ простота, несложность, отсутствіе пышности и роскоши въ культѣ—по крайней мѣрѣ въ болѣе древній періодъ—согласно установленіямъ Нумы ²⁾. Съ теченіемъ времени, съ измѣненіемъ нравовъ народа, накопленіемъ богатствъ, естественно и обстановка культа сдѣлалась болѣе роскошною, храмы богато украшались и наполнялись драгоценными приношеніями и пр.; но и при этомъ также отчасти проявлялась та-же набожность. Римлянинъ, естественно, долженъ былъ послѣ каждаго великаго триумфа приносить Юпитеру, даровавшему ему великіе успѣхи, славу и богатство, соотвѣтственные великіе дары и все великолѣпнѣе украшать его святилище и роскошнѣе устраивать въ честь его процессіи и жертвоприношенія.

Римляне въ области религіи заимствовали отъ Грековъ между прочимъ и нѣкоторыя особенности этой внѣшней, болѣе роскошной и поэтической обстановки; но, заимствуя вообще, они однако не усваивали такихъ особенностей и крайностей греческаго культа, которыя противны были духу ихъ религіи, напротивъ ихъ по возможности устранили или сгла-

1) „Dis te minorem quod geris, imperas

.

Di multa neglecti dederunt

Hesperiae mala luctuosae“.

2) Цицеронъ De Rep. говоритъ о Нумѣ; „Sacrorum ipsorum diligentiam difficilem, apparatus perfacilem esse voluit; nam quae perdiscenda, quaeque observanda essent, multa constituit, sed ea sine impensa“.

живали. Ихъ религія была болѣе отвлеченна, но болѣе чиста въ нравственномъ отношеніи и выполненіе обрядовъ требовало полного спокойствія, сосредоточенности,

Хотя образы собственно римскихъ божествъ сравнительно блѣдны, міеологія Римлянъ бѣдна, но за то въ ней не было тѣхъ оеогоническихъ и оеологическихъ сказаній и представленій, которыя, конечно, имѣли свой естественный *raison d'être*, и для насъ въ научномъ отношеніи представляютъ важный интересъ, но нѣкогда при постепенномъ развитіи религіозно-нравственного сознанія народа смущали совѣсть вѣрующихъ и вообще въ практическомъ отношеніи были по меньшей мѣрѣ бесполезны. Далѣе богопочитанію Римлянъ оставался чуждъ чувственный оргіастическій элементъ, съ его непривлекательными крайностями, хотя и въ ихъ культѣ музыка и религіозныя пляски играли извѣстную роль, и многія празднества въ честь боговъ сопровождались непремѣнно всенародными пиршествами и играми и вообще веселіемъ.

Грекъ Діонисій Галикаравасецъ (современникъ Августа) съ удивленіемъ указываетъ на послѣднія, указанныя нами, характерныя черты римской религіи сравнительно съ греческою, именно на отсутствіе въ ихъ міеологіи возмущающихъ нравственное чувство человѣка сказаній о богахъ и въ культѣ—экстаза ¹⁾).

Мы не отрицаемъ, конечно, того, что греческіе и греческо-азиатскіе культы съ ихъ оргіазмомъ и мистеріями могли въ лучшихъ случаяхъ болѣе удовлетворять религіозное чувство древняго человѣка, чѣмъ менѣе содержательный, абстрактный римскій, и потому къ нимъ прибѣгали и Римляне въ періодъ упадка ихъ религіи и находили, если не полное религіозное удовлетвореніе и успокоеніе, то по крайней мѣрѣ нѣкоторое возбужденіе религіознаго чувства въ культѣ и нѣкоторую пищу для воображенія и ума въ мистицизмѣ; по оргіастическій характеръ

¹⁾ Діонисій въ этомъ мѣстѣ (II, 18) между прочимъ говоритъ, что перенесъ къ себѣ культъ Кибелы, выполненіе всѣхъ обрядностей его, несоотвѣтствовавшихъ характеру собственно римскаго культа, предоставили жрецамъ изъ Фригіи, откуда усвоены культъ.

Не говоря уже о культахъ съ оргіастическимъ характеромъ, Римляне вообще всегда отдѣляли отъ собственно римской обрядности, *ritus patrius*, заимствованный ими *ritus Graecus*. Децемвиры или квиндецемвиры *sacris faciundis* завѣдывали культами хотя и государственными, но заимствованными, главнымъ образомъ у Грековъ.

культъ зато съ другой стороны скорбе можетъ вырождаться и при не-порченности нравовъ становится иногда даже убѣжищемъ и разсадникомъ безнравственности ¹⁾).

Въ римской религіи преобладающее значеніе имѣла обрядность, религія не давала высшаго религіознаго поученія и освященной ею системы правоученія, у римскихъ героевъ часто не находятъ религіозности въ высшемъ христіанскомъ смыслѣ слова. Но это-же самое должно сказать и о религіи Грековъ; это общая черта религій обоихъ классическихкихъ народовъ; впрочемъ мы коснемся ея еще ниже въ самой статьѣ.

Въ Римѣ всегда религія находилась въ болѣе тѣсной связи съ государствомъ, чѣмъ въ государствахъ греческихъ; культъ, который принавало государство, находился подъ контролемъ и защитою, государство давало необходимыя для него матерьяльныя средства, *ius sacrum* было только частью общаго государственнаго права (*ius publicum*), жрецы были слугами государства, не имѣли своихъ особыхъ интересовъ, подчинялись одной и той-же государственной власти, исключая разумѣется сферы собственно религіозныхъ дѣлъ, высшею инстанціею въ религіозныхъ дѣлахъ былъ сенатъ, не было никакого высшаго духовнаго авторитета и источника духовной власти внѣ государства; допускалось совмѣстительство жреческаго званія съ магистратурою; нѣкоторые духовные сановники въ послѣдніе вѣка республики даже избирались въ народномъ собраніи, впрочемъ неполномъ, и вообще жрецы не избираются народомъ, какъ магистраты, но назначаются самими жреческими коллегіями; равнымъ образомъ можно принять за правило, что жрецы остаются въ своихъ должностяхъ пожизненно, несмѣняемы.

Намъ болѣе извѣстна собственно именно эта государственная религія Рима (*sacra publica* и *sacerdotes publici*).

Переходимъ къ нашему спеціальному вопросу.

Культъ Весты и институтъ весталокъ представляютъ и общія черты

¹⁾ Когда въ 186 г. до Р. Х. римскія власти открыли существованіе въ Римѣ и другихъ мѣстахъ Италіи Вакханалій, ночныхъ оргій въ честь Вакха уже съ весьма безнравственнымъ характеромъ, произведено было тщательное разслѣдованіе дѣла, и для того, чтобы искоренить ихъ, принимались самыя жестокія мѣры; много лицъ, принимавшихъ въ нихъ участіе, было казнено. См. Бодянский, Р. Вакханаліи. Срв. De legibus Цицерона, гл. 9.: *Nocturna mulierum sacrificia ne sunt praeter olla, quae pro populo rite fiant: neve quoi initianto, nisi, ut adsolet Cereri.*

римскихъ религіозныхъ учрежденій а также и многія свои особенныя, и притомъ очень любопытныя. Они можетъ быть болѣе, чѣмъ другія римскіе культы и религіозныя учрежденія, вообще извѣстны каждому образованному человѣку; но тѣмъ болѣе стоитъ познакомиться обстоятельнѣе со всѣми подробностями, составляющими вмѣстѣ это общеизвѣстное понятіе, разсмотрѣть вопросъ въ связи съ другими подобными учрежденіями и общимъ характеромъ религіи Римлянъ.

Съ культомъ Весты и весталками мы встрѣчаемся при первомъ нашемъ знакомствѣ съ исторіею Рима, въ самомъ началѣ его исторіи, и просуществовалъ онъ болѣе тысячи лѣтъ. Это исконный италійскій культъ и притомъ первостепенной важности; онъ всегда поддерживался съ величайшею заботливостію и пользовался особеннымъ уваженіемъ народа.

Жрицы Весты, Вестины дѣвы пользовались всегда особеннымъ уваженіемъ у народа и занимали въ государствѣ весьма почетное положеніе; внѣ ихъ спеціального культа онѣ припимали участіе въ весьма многихъ религіозныхъ актахъ какъ при республикѣ, такъ и при императорахъ, и не только пользовались необыкновеннымъ уваженіемъ за свою святость, но имѣли также значительное вліяніе.

Представляя большой интересъ по своей важности, большому значенію роли въ сакральной и государственной жизни Рима, культъ Весты кромѣ того имѣетъ, можетъ быть, болѣе симпатичныхъ сторонъ для современнаго читателя, чѣмъ какой-либо другой римскій; онъ является намъ въ извѣстіяхъ древнихъ окруженнымъ какимъ-то ореоломъ таинственности и поэзіи.

Италіанскій археологъ Ланчани говоритъ ¹⁾ о немъ: „Слѣдя въ моихъ топографическихъ штудіяхъ за ходомъ раскопокъ въ Римѣ, я не находилъ доселѣ сюжета болѣе привлекательнаго, чѣмъ этотъ. Говоря о дѣвахъ Весты, ихъ монастырѣ, ихъ жилищѣ, никогда не оскверненномъ профана и которое мы теперь можемъ освѣрять въ его самыхъ завѣтныхъ тайникахъ, позволительно дать волю воображенію и представить себѣ при этомъ эти залы, эти атриі, эти портики оживленными присутствіемъ дѣвъ одѣтыхъ въ бѣлое, чистыхъ душою, прекрасныхъ наружностью, въ цвѣтѣ юности и силы, происходящихъ отъ самыхъ знаменитыхъ фамилій, причастныхъ государственнымъ тайнамъ, довѣренныхъ имъ

¹⁾ L' Atrio di Vesta. Roma 1884.

ператорской фамилии, неусыпных хранительниц роковых залогов римской державы. Самые преступления, которыми некоторые из них себя пачкали, изменяя во весьма редких случаях данным клятвам, и наказания, коими они искупляли вины, или стеноя под ударами бича великаго понтифика, или твердо встрѣчая смерть во мраке могилы, въ которую ихъ задылывали живыми,—эти вины и эти искупленія также производятъ сильное обаяніе на душу посѣтителя атрія Весты, а еще болѣе на душу тѣхъ, которые избрали этотъ атрій сюжетомъ для спеціальнаго изученія“.

Ближайшимъ поводомъ для насъ къ изданію въ настоящее время обстоятельнаго изображенія во многихъ отношеніяхъ интереснаго культа Весты, какъ и для другихъ въ послѣдніе годы, послужили весьма важныя раскопки, произведенныя въ Римъ въ концѣ 1883 и въ 1884 годахъ. результатомъ которыхъ было открытіе жилища весталокъ и вообще увеличеніе нашихъ свѣденій объ этомъ культѣ, который вслѣдствіе этихъ открытій обратилъ на себя особенное вниманіе не только присяжныхъ археологовъ и филологовъ, но и вообще образованной публики.

Вслѣдствіе выше указанной важности этого культа въ жизни Рима, естественно, что мы находимъ о немъ у древнихъ авторовъ довольно много свѣденій; къ нимъ уже давно присоединилось нѣкоторое количество надписей въ честь великихъ весталокъ; уже до 1883 года при раскопкахъ найдены были остатки храма Весты; теперь же предъ нами не только гораздо болѣе значительныя по сохранности остатки самаго жилища весталокъ, но кромѣ того подлинныя статуи весталокъ, кромѣ того опять нѣсколько надписей въ ихъ честь и пр.

Въ русской литературѣ до сихъ поръ, сколько намъ извѣстно, не явилось ни одной сколько нибудь обстоятельной статьи объ этихъ раскопкахъ; намъ приходилось только встрѣчать въ газетахъ краткія замѣтки о нихъ, часто съ искаженіями: поэтому то и въ виду существенныхъ приращеній нашихъ свѣденій о культѣ Весты и весталкахъ, а также въ виду отсутствія у насъ вообще монографіи объ этомъ культѣ мы нашу настоящую работу находили весьма своевременною ¹⁾. Мы

¹⁾ На русскомъ языкѣ есть книжка Бутковского о весталкахъ; но намъ не смотря на всѣ поиски, къ сожалѣнію, не удалось ее достать; намъ неизвѣстно ея научное достоинство, но, каково бы оно ни было, наша монографія между прочимъ уже и потому имѣетъ *raison d'être*, что сочиненіе названнаго автора совсѣмъ вышло изъ продажи и вообще составляетъ рѣдкость.

предлагаемъ читателямъ между прочимъ и исторію раскопокъ на мѣстѣ храма Весты и жилища весталокъ.

При изученіи языческихъ религій мы можемъ съ одной стороны интересоваться вѣрованіями народа и культомъ его, отыскивая ихъ начала и первоначальный смыслъ, который часто не былъ ясенъ и самому язычнику, и съ другой стороны стараться только или главнымъ образомъ представить себѣ какъ можно живѣе и вѣрнѣе его религіозныя представленія въ данную эпоху, характеръ и обстановку его культа и то, какъ онъ былъ понимаемъ имъ и какъ дѣйствовалъ на него. Мы въ нашей работѣ преслѣдуемъ главнымъ образомъ послѣднюю задачу, антикварно-историческую.

Внѣшній культъ въ религіи Римлянъ игралъ преобладающую роль, а потому и изученіе его занимаетъ первое мѣсто; мифологія ихъ и вообще была бѣдна, и кромѣ того свѣденія наши о ней далеко не полны и часто запутанны вслѣдствіе смѣшенія исконно-римскихъ и греческихъ представленій; поэтому уясненіе характера и значенія римскихъ божествъ представляется дѣломъ крайне труднымъ и поэтому-же и въ этомъ случаѣ при такого рода изслѣдованіяхъ наиболѣе цѣлесообразно исходить изъ культа, значеніе божества опредѣлять и угадывать по обрядамъ въ культѣ, которые сохранялись неизмѣнно въ ихъ древнемъ видѣ, тогда какъ въ представленіяхъ о божествахъ все болѣе и болѣе входили чуждые элементы, синкретизмъ.

Толкованія самими древними разныхъ сторонъ ихъ религіи, въ частности культа, конечно, весьма часто не научны; но съ нашей точки зрѣнія они заасуживаютъ вообще полнаго вниманія. Религіозныя разномѣнія, суевѣріе и двоевѣріе простаго народа въ настоящее время справедливо обращаютъ на себя вниманіе между прочимъ потому, что его извращенныя и грубыя понятія во всякомъ случаѣ непосредственно вліяютъ на его жизнь; тѣмъ болѣе важное значеніе въ этомъ смыслѣ имѣли народныя истолкованія предметовъ религіи у язычниковъ Римлянъ, у которыхъ никогда не было никакихъ общеобязательныхъ, такъ сказать, каноническихъ объясненій истинъ ихъ вѣры и значенія обрядовъ, и не только простой народъ, но одинаково и люди образованные были предоставлены въ этихъ вопросахъ самимъ себѣ. Въ виду этого мы приводимъ сохранившіяся у древнихъ авторовъ толкованія разныхъ сторонъ культа Весты и народныя легенды о весталкахъ.

Для яснаго пониманія и живаго представленія религіозной жизни язычниковъ и въ частности Римлянъ не достаточно знанія даже всѣхъ,

имѣющихся науки данныхъ объ этомъ предметѣ. Если для полнаго пониманія напр. политической жизни ихъ, хотя болѣе близкой намъ, нужно много вдумываться въ нее, стараться, усваивая отдѣльныя черты и стороны ея, оживлять ихъ, изъ сохранившихся часто разрозненныхъ свѣдѣній воссоздавать ее, то тѣмъ болѣе это необходимо при изученіи религіозной жизни ихъ для насъ иногда представляющей юродство, безуміе. Чтобы понимать ее и глубоко интересоваться ею, мы должны непремѣнно нисходить до уровня представленій язычника, какъ нисходимъ къ пониманію дитяти и простаго человѣка, стать на время на его мѣсто, какъ-бы сдѣлаться язычниками. При этомъ мы также никогда не должны забывать, что имѣемъ дѣло во всякомъ случаѣ съ религіею, величайшею святынею человѣка.

Религіи Римлянъ и Грековъ не давали человѣку тѣхъ высокихъ истинъ о Богѣ и чистыхъ нравственныхъ ученій, какія дало христіанство; но эти религіи были такъ близки язычнику, онѣ какъ бы срослись у него съ его домомъ, городомъ, полями и рощами, его боги были близъ него.

„Alles wies den eingeweihten Blicken,
Alles eines Gottes Spur.

.
Und was nie empfinden wird, empfand“... (Шиллеръ)

Ставъ на точку зрѣнія язычника, представивъ себѣ близость языч-
ники къ жизни природы, ея одухотворенія его мировоззрѣніе, вполне на-
родное, жившее много вѣковъ, мы поймемъ великую привязанность языч-
ника къ его религіи.

Культь огня вообще и культь очага.

Огонь играет весьма важную роль во всѣхъ естественныхъ (языческихъ) религіяхъ, какъ божественное существо, сила, то благодѣтельная то грозная, и разрушающая. Природа огня должна была рано остановить на себѣ вниманіе человѣка и поразить его умъ и воображеніе, онъ видѣлъ нѣчто живое, сіяющее и палящее, грозное, неукротимое (*ἄκαματον πῦρ* у Гомера) и жадное, но съ другой стороны согрѣвающее, чистое и благодѣтельное для него, помогающее ему въ его борьбѣ съ враждебными силами природы; имъ обуславливалось начало культуры, высшей ступени жизни; въ жилищѣ онъ представляетъ начало жизни: когда въ жилищѣ нѣтъ огня, оно какъ будто лишается жизни. Мы должны еще помнить также, что для первобытнаго человѣка добываніе огня было далеко не такъ легко, какъ для человѣка, находящагося уже на извѣстной степени развитія. Этотъ великій цивилизующій элементъ человѣкъ похитилъ съ неба. Мы имѣемъ свѣдѣнія о культѣ огня напр. у древнихъ Египтянъ, Индѣйцевъ, Персовъ. Чтобы приводить только примѣры болѣе близкіе, у нашихъ предковъ главнымъ богомъ былъ Перунъ, богъ грома и небснаго огня, отъ котораго казалось язычнику, происходилъ всякій другой огонь; передъ его идоломъ горѣлъ огонь. И теперь у простаго народа считается грѣхомъ осквернять чѣмъ-либо огонь, напр. плевать въ него и под. Это-же самое находимъ уже напр. у древнихъ Персовъ (Геродотъ). У древнихъ Литовцевъ Перкунасъ олицетворялъ по преимуществу стихію огня, вмѣстѣ разрушительную и благодѣтельную. Огнепоклоненіе Литовцевъ выражалось неугасимыми кострами, которые горѣли въ ихъ святилищахъ передъ идолами Перкуна. Этотъ священный огонь назывался Зничъ и находился подъ вѣдѣніемъ особой богини Прауримы ¹⁾ (Д. Иловайскій, Исторія Россіи). Чистая

¹⁾ Литовцы, какъ и Славяне почитали также Солнце, источникъ свѣта и
и тепла.

стихія огня не терпитъ никакого оскверненія и она же обнаруживаетъ неправду; посему огонь игралъ роль при очищеніяхъ (какъ и вода) и при опредѣленіи виновности человѣка въ извѣстныхъ судахъ Германцевъ (срв. также костры въ ставкѣ хана Татарскаго). Соотвѣтственно такому характеру огня и служеніе божествамъ огня требовало въ особенности чистоты со стороны жрецовъ и жрицъ.

У обоихъ классическихъ народовъ культъ огня и соотвѣтственныхъ божествъ болѣе дифференцировался соотвѣтственно двумъ различнымъ дѣйствіямъ этой стихіи, принималъ весьма опредѣленные и сходныя формы, относился къ твердо установившимся личнымъ божествамъ.

Гефесту Грековъ, сыну Зевса, соотвѣтствовалъ у Латинянъ вообще и Римлянъ Волканъ, богъ огня. Сказанія называютъ Пренестскаго (лат.) героя Цекула (Caeculus, *Виргилій*) его сыномъ. Волканъ иногда является благодѣтельнымъ богомъ, богомъ очага и семьи, а также божественнымъ мастеромъ, кузнецомъ (*Mulciber*); въ одинъ изъ праздниковъ его, 23 мая, всѣ, употреблявшіеся при жертвоприношеніяхъ трубы и другая храмовая металлическая утварь очищались, и при этомъ ему приносилась жертва. Но обыкновенно это богъ грозный и разрушающій, въ его власти пожары, онъ же поэтому можетъ и защитить отъ нихъ, и потому къ нему обращались съ мольбами, его умилоствовали жертвами объ отвращеніи этого бѣдствія; иногда онъ упоминается даже между божествами войны, у Римлянъ былъ исконный обычай послѣ побѣды менѣе значительную часть добычи посвящать ему (или Марсу) и сжигать ее на полѣ битвы. Въ Римѣ у фोरума Волкану было посвящено мѣсто *Volcanal*, а также и въ городѣ ему строили храмы и жертвенники, между прочимъ послѣ пожара построили храмъ укротившему свой гнѣвъ богу спокойному Волкану (*Volcanus Quietus*); ¹⁾ но обыкновенно предпочитали воздвигать храмы грозному богу внѣ стѣнъ города также какъ божествамъ войны Марсу и Беллонѣ. Главный праздникъ въ честь Волкана, *Volcanalia*, справлялся въ августѣ, слѣдовательно въ сильную жару, когда въ Лациумѣ вслѣдствіе мѣсяцы непрерывно длящагося солнечнаго зноя при безоблачномъ небѣ наступаетъ лѣтній сонъ природы, когда однолѣтніе травы и кустарники засыхаютъ, и пастбища, давашія

¹⁾ Почиталась также какъ укротительница силы огня *Stata Mater*, женское божество исключительно благодѣтельное, напоминающее уже Весту.

зимою стадамъ обильный кормъ, представляютъ изъ себя сѣрую, выжженную степь; въ это же время, конечно, наиболѣе часты и опустошительны пожары.

Извѣстно, что почва латинской равнины, *Лаціума* вулканическаго происхожденія, вблизи Рима находятся кратеры угасшихъ вулкановъ, въ самомъ Римѣ даже въ историческое время извѣстны явленія вулканическаго характера ¹⁾. Замѣчательно, что не смотря на это божествъ собственно восканическаго характера, празднествъ въ честь ихъ и умиловленій въ Римѣ не встрѣчаемъ, тогда какъ культъ водныхъ и лѣсныхъ божествъ на римской почвѣ весьма распространенъ (Г. Иорданъ), и, хотя теперь обычный терминъ „вулканическій“ заимствованъ отъ имени латинскаго и римскаго бога, однако представленіе о Волканѣ какъ богъ подземнаго огня, такъ сказать, какъ бы о вулканическомъ Гефестѣ не было никогда въ Италіи народнымъ („*war nie in Italien heimisch*“ Иорданъ); греческій же Гефестъ въ особенности почитался на Лемнѣ, островѣ вулканическаго характера вообще приурочивался къ мѣстамъ проявленія вулканической силы.

Богиня Веста (по однимъ это слово значить живущая, домовая, это же есть и толкованіе древнихъ, по другимъ — горящая; послѣднее теперь, читается болѣе вѣроятнымъ (см. Preller, *Mythologie*, II.) олицетворяла исключительно благодѣтельную силу огня, огонь очага, основаніе осѣдлой и домовитой жизни и слѣдовательно въ концѣ концовъ общины и государства.

Прекрасный, глубоко содержательный и въ простотѣ свой поэтический культъ общественной Весты очага установился совершенно по образцу такого-же домашняго культа. Здѣсь мы очень ясно можемъ видѣть, какъ античная городская община — государство слагалось по образцу семьи на тѣхъ-же началахъ и съ тѣми-же культами.

Съ развитіемъ культуры, комфорта въ домашнемъ устройствѣ очагъ и кухня теряютъ свое первоначальное центральное значеніе въ домѣ, такъ бываетъ вездѣ и такъ было и у Италиковъ и Римлянъ.

Въ древнѣйшемъ италійскомъ домѣ атрій со своимъ очагомъ и домашними божествами, его хранителями, составлялъ главную часть дома

¹⁾ См. Иорданъ, *Topographie*, I, 1, стр. 122. Gatta, *Italia, i suoi vulcani e terremoti*. Римъ, 1882, Г. Ниссенъ, *Italische Landeskunde*, I, стр. 254, также наше Водоснабженіе Р. въ первомъ выпускѣ настоящаго сборника.

центр домашней жизни семьи, собственно домъ, можетъ быть даже атрій получилъ названіе отъ очажнаго огня, находившагося посрединѣ его (atrium между прочимъ производятъ отъ ater черный и сопоставляютъ съ греческимъ μέλατρον)¹⁾. Это и есть именно кухня съ очагомъ въ срединѣ помѣщенія, имѣвшая въ срединѣ вверху надъ нимъ отверстіе, чрезъ которое выходилъ дымъ и проникалъ воздухъ и свѣтъ. Здѣсь варили, ѣли, приносили жертвы, здѣсь помѣщался денежный ящикъ или сундукъ, семейная казна, а на противоположной сторонѣ отъ входа стояло брачное ложе (lectus genialis, adversus); у очага сидитъ за прялою или другою работою хозяйка со служанками, распоряжается по хозяйству и наблюдаетъ за всѣмъ домашнимъ порядкомъ; она не помѣщалась, какъ у Грековъ, въ особомъ женскомъ отдѣленіи дома (γυναικωνίτις) съ дѣтьми, нѣтъ, здѣсь въ атріѣ мать семейства имѣетъ свое настоящее мѣсто (mater familias primas partes tenet aedium atque in celebritate versatur), и въ то-же время оно главное мѣсто общенія семьи между прочимъ и религіознаго. Ибо главное центральное мѣсто въ атріѣ очагъ (focus, culina) есть мѣсто священное, очагъ съ огнемъ Весты и изображеніями домашнихъ боговъ хранителей Ларовъ и Пенатовъ есть святилище семьи, съ которымъ у всякаго язычника были связаны самыя дорогія и святыя чувства и воспоминанія: ²⁾ у него росъ человѣкъ подъ защитою этихъ добрыхъ геніевъ семьи, у него онъ получалъ благословеніе, отправляясь въ дальній путь ³⁾, ему-же онъ спѣшитъ принести благодарственную жертву, воквратившись; у него онъ даетъ клятвы и пр. Если переселенецъ беретъ съ собою даже частичку родной почвы, то

¹⁾ „Тосканскій атрій національный типъ дома древней Италіи“ Г. Ниссенъ.

²⁾ „Нѣтъ другого у человѣка болѣе святаго и дорогаго мѣста, какъ очагъ, ἐστίας οὔτε δαίμονες χωρίον ἐν Ἀνθρώποις οὔτε ἥδιον οὐδέν“ Діонисій Гал., II, 65. Срв. Ксенофонтъ, Киropедія, VII, 5, 50.

³⁾ Овидія постигло великое несчастье, онъ долженъ покинуть Римъ и свою семью и отправиться въ изгнаніе; обезумѣвшая отъ горя жена его обращается съ мольбами къ очагу и къ домашнимъ богамъ:

„Illa etiam ante lares passis prostrata capillis
Contigit extinctos ore tremante focos,
Multaque in adversos effudit verba penates
Pro deplorato non valitura viro“.

во сколько же разъ числѣннѣ древній еловѣкъ привязывался къ родному очагу и его хранителямъ.

Съ культомъ Весты (какъ домашней, такъ и общинной) неразрывно было связано почитаніе упомянутыхъ добрыхъ боговъ ссмы, Пенатовъ и Ларовъ (*focus ara deorum Penatium*, очагъ жертвенникъ боговъ Пенатовъ). Эти божества, существо коихъ такъ-же трудно опредѣлить, какъ и другихъ исконно италійскихъ и римскихъ, часто упоминаются вмѣстѣ и вообще такъ, что трудно между ними установить различіе, но первоначально все таки между ними должно было быть существенное различіе. Пенаты это боги хранители кладовой, домашняго склада (*penus, cella penaria*), помѣщавшейся въ римскомъ домѣ сначала рядомъ съ атриемъ, а впоследствии въ задней части дома, они же вообще множители домашняго богатства, они витають въ особенности въ домашнемъ складѣ и кухнѣ, который имъ посвященъ, въ который могутъ входить только лица совершенно чистыя, незамужнія и неженатыя, или очень воздержныя, или по крайней мѣрѣ требовалось омовеніе *flumine aut perenni aqua*; очагъ дома въ атриѣ, какъ сказано, былъ также жертвенникомъ Пенатовъ; у него стоятъ ихъ изображенія (ихъ всегда пара).

Ларъ (*Lar familiaris*), тоже что *Genius* семьи, былъ, полагають, покойный хозяинъ или родоначальникъ семьи, коего геній (*manes*) незримо виталъ среди своихъ потомковъ и имѣлъ силу помогать имъ и въ особенности предотвращать вымираніе семьи. Ларъ у каждаго дома былъ одинъ, по крайней мѣрѣ въ древнѣйшее время; со времени Цицерона встрѣчаемъ у писателей рядомъ съ однимъ Ларемъ также и *Lares familiares* ¹⁾.

Очагу и домашнимъ богамъ вообще приносились ежедневно прости жертвы, и въ особенности, разумѣется, это дѣлается при всѣхъ семейныхъ праздникахъ и выдающихся случаяхъ жизни семейства. Еще въ концѣ IV в. нашей эры приходилось императорамъ воспрещать при такихъ случаяхъ въ семейныхъ божницахъ возжигать передъ Ларами свѣчи, увѣнчивать ихъ, сожигать на очагѣ благовонія въ честь ихъ; также приносилось въ жертву вино, медъ, лепешки. Передъ обѣдомъ обыкновенно молились; затѣмъ послѣ главной части обѣда, прежде чѣмъ по-

¹⁾ О причинѣ этой перемѣны, также вообще о группѣ Ларовъ и Пенатовъ см. Марквардъ, *R. Staatsverwaltung*, III, стр. 121 сл. 2. Aufl.

давалась *secunda mensa*, при благовѣйномъ молчаніи всѣхъ часть пищи (*missa patella*—Овидій) относилась на очагъ и возлагалась на огонь. Мы видѣли, что въ древнѣйшее время обѣдали у самого очага въ атріѣ.

Съ теченіемъ времени порядокъ жизни добраго стараго времени въ домѣ Римлянина уступилъ мѣсто другому новому: атріѣ сталъ параднымъ приемнымъ заломъ (но все таки у имплувія жертвенный столъ, называвшійся *curtibus*), очагъ же и кухня съ Пенатами перенесены были въ заднюю часть разросшагося дома, и кушали уже или въ особыхъ столовыхъ въ этой-же части дома или во второмъ этажѣ (*саенacula*. Марквардтъ, *Privatleben*, стр. 234); поэтому и сакрарій и ларарій домашнихъ боговъ изъ атріѣ перешли въ другое мѣсто и туда имъ приносили на столъ жертвы; въ Помпеяхъ они помѣщаются въ разныхъ мѣстахъ дома, причемъ встрѣчаемъ иногда для этой цѣли особое помѣщеніе, какъ-бы домашнюю капеллу, молельню (весьма естественно, что подобный большой *sacrarium* находимъ въ императорскомъ дворцѣ), обыкновенно въ той части, гдѣ сосредоточивалось хозяйство, въ кухнѣ.

Домъ Римлянина въ деревнѣ долѣе сохранялъ свой старинный простой типъ, и здѣсь-то мы встрѣчаемъ и въ императорскую эпоху старинное обыкновеніе собираться и кушать у домашнего очага, а равно и болѣе близкое отношеніе рабовъ къ господамъ; эта простая жизнь, какъ извѣстно, такъ правилась Горацию ¹⁾.

Кто не знаетъ, что въ нашемъ простонародіи еще господствуетъ такой-же самый простой видъ домашняго быта, а равно и остатки древняго языческаго домашняго культа. Преллеръ въ поясненіе стариннаго римскаго домоустройства и культа домашнихъ геніевъ приводитъ параллель изъ германской старины. „И въ древне-германскомъ, особенно сѣверо-германскомъ домѣ—говоритъ онъ—очагъ составлялъ центръ, за которымъ возсѣдала (*thronte*) хозяйка дома и стояло супружеское ложе, такъ что она могла обзрѣвать все, и днемъ и ночью имѣла передъ своими глазами. На этомъ очагѣ горѣлъ огонь цѣлый день и даже теплился въ продолженіе ночи; только когда умиралъ хозяинъ дома, его гасили. Даже въ болѣе богатомъ домѣ горожанина кухня есть видное, иногда съ красивымъ сводомъ помѣщеніе (*schön gewölbte Halle*) и въ часы

¹⁾ „O noctes cenaеque deorum, quibus ipse meique

Ante Larem proprium vescor vernasque procaces

Pasco libatis dapibus“. Сатира II, 6. Срв. эпод. II, 61.

общенія семейство собиралось въ кухнѣ и ужинало у домашняго очага. И всегда народное вѣрованье помѣщало здѣсь добрыхъ домашнихъ духовъ и въ небольшихъ, нарочно сдѣланныхъ у очага, нишахъ вѣлали имъ пищу, также немного хворосту, а иногда шапочку и платице въ благодарность за ихъ вѣрную помощь“.

Замѣчательно и, пожалуй странно, что вообще о Вестѣ въ домашнемъ культѣ въ Римѣ находимъ очень мало упоминаній у древнихъ авторовъ и еще меньше въ надписяхъ,¹⁾ между тѣмъ какъ весьма часто упоминается *Vesta publica* и также весьма часто упоминается домашній культъ и въ частности Лары, Маны и Пенаты. Но нѣтъ сомнѣнія, что Веста господствуетъ и въ очагахъ всѣхъ частныхъ домовъ и отсюда заботится о благоденствіи членовъ семействъ. Хотя она здѣсь царить не безраздѣльно, очагъ домашній есть олтарь домашнихъ Ларовъ.

Почему же мы рѣдко слышимъ о домашней Вестѣ? Прейнеръ видитъ причины этого въ слѣдующемъ. Можетъ быть потому мы находимъ рѣдко упоминанія о ней въ домашнемъ культѣ и древніе дѣйствительно вообще рѣдко о ней говорили, что она богиня всякаго очага и жертвенника. Цицеронъ (*De nat. deor.* II, 27, 67.) говоритъ, что сила Весты простирается на жертвенники и очаги („*Vis eius ad aras et focos pertinet*“). Овидій *Fast.*, IV, 317 называетъ ее „владычицею очаговъ“ (*domina focorum*). Далѣе онъ указываетъ на то, что государственная Веста затмила собою домашнюю Весту и что эта великая богиня, единая Веста, одинаково печется о государствѣ и о каждомъ домѣ, гдѣ только есть ея очагъ. „Хотя Веста, говоритъ онъ на стр. 244, и царить на очагахъ частныхъ домовъ и находится въ самой близкой связи съ богами покровителями дома, но, очевидно, благоговѣніе предъ все увеличивавшеюся святостію этой богини въ Римѣ было причиною того, что стали опасаться впредь это-же имя давать и обыкновенному очагу. Для обозначенія очага стало господ-

¹⁾ Прейнеръ. *Hestia-Vesta*, 232: Der Privatkult der Göttin wird in der That wider Erwarten selten erwähnt. Die *Vesta privata* zu Rom ist fast ganz aufgegangen in die *Vesta publica populi Romani Quiritium*.—Считаемъ нужнымъ здѣсь замѣтить, что уже только послѣ того какъ второй и третій листъ настоящей работы были набраны, мы имѣли возможность воспользоваться сочиненіемъ Прейнера: *Hestia-Vesta*, 1884, въ которомъ собранъ богатый матеріалъ о культѣ Весты, а также статью Фразера о томъ-же культѣ и программой Г. Иордана: *Vesta und die Laren*, 1865. Этими трудами мы воспользовались, по возможности, и для этихъ листовъ, но болѣе обстоятельно только для слѣдующихъ.

ствующимъ слово *focus*, а для жертвеннаго очага въ узкомъ смыслѣ стали употреблять слово *ага*“. На стр. 245 тотъ-же авторъ говоритъ, сравнивая государственную Весту Рима съ греческой Гестіею: „Въ Греціи эта богиня не выдѣлялась въ такое опредѣленное, конкретное лицо. Она распадается вездѣ на отдѣльные моменты, отдѣльныя *ἑστία* (очаги), въ которыхъ она царитъ. Италійская Веста стала настоящею, великою богинею. Очагъ государства здѣсь превосходитъ святостію и значеніемъ въ такой мѣрѣ всѣ прочіе очаги, что богиня, которая въ немъ царитъ одновременно изъ этого центра печется какъ о государствѣ, такъ и объ отдѣльныхъ лицахъ. И въ тѣхъ случаяхъ также, гдѣ Веста почитается въ домашнемъ культѣ, это единая Веста, великая богиня, которая и здѣсь на этомъ очагѣ дѣйствуетъ точно такъ-же, какъ на всѣхъ, но какъ-бы только изъ одного центра, огня государственнаго очага. Веста не есть богиня отдѣльнаго семейства, отдѣльнаго дома. Таковы боги Пенаты и Лары. Богиня же, дѣйствующая на очагѣ частнаго дома, не имѣетъ отдѣльнаго самостоятельнаго существованія, какъ Пенаты и Лары cadaго отдѣльнаго дома“.

Сила Весты проявляется и въ очагахъ частныхъ домовъ. Мы приведемъ нѣкоторыя изъ немногихъ свидѣтельствъ и нѣкоторыя догадки о домашнемъ культѣ огня и Весты въ Римѣ.

Христіанскій писатель апологетъ 14-го вѣка Фирмикъ Матернъ говоритъ, что Веста есть домашній огонь¹⁾. Блаженный Августинъ такъ опредѣляетъ сферу дѣйствія Весты: *in focus domesticis Vesta*. У Римлянъ былъ обычай и въ частной жизни при жертвоприношеніяхъ другимъ богамъ поминать и Весту—обыкновенно на послѣднемъ мѣстѣ.²⁾ Вестѣ были посвящены въ домѣ пороги (*Vestae limen consecratum est*—Сервій къ Эн. VI, 278). Въ числѣ свадебныхъ обрядностей была слѣдующая: новобрачная при вступленіи въ домъ жениха не дол-

¹⁾ De errore profanarum religionum 21—14: Vesta quid sit, discite.. *Ignis est domesticus*, qui in focus cotidianis usibus servit, quapropter cocos habeat, non miseras virgines sacerdotes.

²⁾ Цицеронъ, De nat. deor. II, 23: dea, quae est rerum custos intimarum, omnis et praecatio et sacrificatio extrema est. Сервій къ Эн. I, 292: „... nullum sacrificium sine igne est, unde et ipsa (Весты) et Ianus in omnibus sacrificiis invocantur (Янусъ на первомъ мѣстѣ, какъ богъ всякаго начала).

жна была касаться порога, а переносилась через него ¹⁾). Здѣсь слѣдуетъ также упомянуть, что новобрачную встрѣчалъ—непосредственно послѣ упомянутаго перенесенія черезъ порогъ—женихъ въ своемъ домѣ огнемъ и водою (*igni et aqua accipiebatur*). Въ домѣ родителей новобрачной съ очага зажигали брачный факелъ, его несли въ свадебной помпѣ къ дому жениха отроки, дѣти свободнорожденныхъ родителей, а женихъ съ своей стороны зажигалъ на своемъ очагѣ свѣточъ изъ „счастливаго“ дерева, и съ нимъ, а также сосудомъ съ водою въ рукахъ встрѣчалъ свою будущую жену ²⁾).

Древніе производили слово *vestibulum*, извѣстная часть дома, отъ слова Веста. Прейнеръ (стр. 229) полагаетъ, что это вѣрная этимологія слова ³⁾, и что въ этомъ производномъ словѣ сохранилось первоначальное болѣе нарицательное значеніе слова *Vesta*. (Слово это одного корня съ греческимъ *Ἑστία*, а это означало одинаково и богиню и очагъ).

У Римлянъ было вѣроятно въ обычаѣ въ частныхъ домахъ поддерживать непрерывно священный огонь; къ сожалѣнію объ этомъ интересномъ вопросѣ нѣтъ у насъ достаточно свѣдѣній ⁴⁾. Также вѣроятно возобновляли огонь ежегодно 1-го марта. Объ изображеніяхъ Весты въ частныхъ домахъ удобнѣе будетъ сказать нѣсколько словъ при разсмотрѣніи вопроса объ изображеніяхъ и статуяхъ Весты государственной

Государственный культъ Весты (государственный очагъ.)

Этому домашнему частному культу, какъ сказано, соответствуетъ самымъ точнымъ образомъ по образцу его установившійся общинный и государственный культъ общей Весты и общихъ Пенатовъ; государство римское, какъ всякое другое, начавшее свое развитіе съ самаго начала

1) Различныя мнѣнія о значеніи этого обычая см. у Прейнера, стр. 23.

2) См. Прейнеръ, стр. 69., „Марквардтъ, *Das Privatleben der Römer* I.

3) Срв. Марквардтъ *D. Privatleben* К. I. и Г. Ниссенъ, *Pompejan. Studien*.

4) Прейнеръ, 234: „in Wirklichkeit ist diese Sitte sicher nicht allgemei und consequent durchgeführt. worden“ Упомянутія римскихъ авторовъ о храненіи въ домахъ неугасаемаго огня мы приведемъ ниже, говоря вообще о т. наз. вѣчномъ огнѣ.—Обычай гасить огонь въ домѣ послѣ смерти домочадца (хозяина?) по видимому тоже существовалъ у Римлянъ (и у Грековъ). Фразеръ указываетъ для доказательства этого предположенія на Апулея, *Metamorph.* II, 24.

съ самых простых формъ быта, основывалось вначалѣ на родовомъ патриархальномъ строѣ ¹⁾).

Какъ у всѣхъ Грековъ было обычно почитаніе общественнаго очага, такъ было оно и у Италиковъ, составлявшихъ часть великой вѣтви народовъ греко-италійской. Культъ Весты есть исконно италійскій и не былъ исключительно римскимъ; впрочемъ несомнѣнно констатировано его существованіе только въ городахъ латинскаго племени и Сабинянъ, относительно другихъ народностей или совсѣмъ нѣтъ никакихъ свидѣтельствъ или есть только весьма сомнительныя.

Въ средѣ латинскаго племени по крайней мѣрѣ, вѣроятно, каждый городъ имѣлъ свою Весту и своихъ Пенатовъ. Какъ у Грековъ, такъ и у Италиковъ и Латиновъ существовалъ обычай при основаніи колоніи брать огонь для новаго города съ очага метрополи и почитать общихъ боговъ хранителей (Пенатовъ). Этотъ обычай по видимому былъ причиною извѣстной тѣсной связи, существовавшей между Вестою и Пенатами городовъ Лавинія, Альбы-Лонги и Рима.

Культъ Весты и институтъ весталокъ среди Латиновъ и въ Лаціумѣ восходитъ несомнѣнно къ глубокой древности и во всякомъ случаѣ къ до-римской эпохѣ. Намъ извѣстенъ онъ въ Лавиніи, Альбѣ-Лонгѣ, Тибурѣ и Римѣ. Римъ всегда воздавалъ особенно должное почтеніе Вестѣ и Пенатамъ Лавинія, который былъ будто бы метрополіей Рима, имен-

¹⁾ Вѣдь и всегда въ Римѣ существовали рядомъ съ государственнымъ общенароднымъ культомъ (*sacra publica*, *ἱερά πολιτικά*) частные отдѣльныхъ родовъ, гентильные, *sacra gentilia*, *ἱερά συγγενικά*. Даже нѣкоторые *sacra publica* государство поручало выполнять и блюсти навсегда отдѣльнымъ родамъ и кромѣ того каждый родъ (*gens*) имѣлъ свой специальный культъ или культы, которые онъ сообщалъ на общія средства поддерживалъ изъ рода въ родъ и въ которыхъ принимали участіе только члены рода (*gentiles*); это жертвенное сакральное общеніе составляло всегда одно изъ объединяющихъ установленій въ римскомъ родѣ (въ *ius gentilicium*). Переходя по усыновленію въ другой родъ, Римлянинъ долженъ былъ выйти изъ сакральнаго общенія съ прежнимъ родомъ (*detestatio sacrorum*) и быть приобщенъ къ *sacra* новаго рода. Государство съ своей стороны требовало и принимало мѣры, чтобы гентильные культы не прекращались. И культъ отдѣльной *familia* при наслѣдованіи непремѣнно долженъ былъ продолжаться наслѣдникъ, такъ что „наслѣдство безъ культа, *hereditas sine sacris*“ какъ пословичное выраженіе означало полное счастье безъ всякихъ неудобствъ.

но консулы и диктаторы Рима при вступленіи въ должность и при оставленіи ея отправлялись въ Лавиніи и приносили тамъ жертвы между прочимъ мѣстнымъ Вестѣ и Пенатамъ при ассистенціи понтификовъ и другихъ жрецовъ. Жена царя Латина пазывается Аматою и этимъ-же именемъ великій понтификъ въ Римѣ называлъ новоизбираемую весталку; вода въ культѣ Весты въ Лавиніи приносилась изъ рѣчки (Нумиціи); одна изъ двухъ спящихъ дѣвъ (весталокъ) въ храмѣ Пенатовъ поражена была молніею вслѣдствіе ея порочности.

Часто повторяемое древними мнѣніе, что огонь Весты и Пенаты Лавинія, а равно и другихъ городовъ ведутъ свое начало отъ Троянской Весты и Пенатовъ и привезены Энеемъ, разумѣется, въ вопросѣ о происхожденіи Латинскаго культа Весты не имѣютъ никакого историческаго значенія.

Далѣе извѣстенъ очень дурной культъ Весты и Пенатовъ въ Альбѣ-Лонгѣ. По сказанію сынъ Энея (Асканій, иначе Юль) перенесъ сюда Пенатовъ изъ Лавинія, основаннаго Энеемъ, но они будто дважды сами возвращались изъ Альбы на прежнее мѣсто, послѣ чего рѣшено было оставить священныя изображенія въ Лавиніи и для попеченія о нихъ возвратитъ изъ Альбы 600 поселенцевъ. Въ этомъ сказаніи нѣкоторые хотятъ видѣть одно изъ доказательствъ того, что и Лавинія былъ колоніею Альбы.

Въ самомъ дѣлѣ представляется весьма вѣроятнымъ, что высокая Альба была метрополіею не только Рима, но Лавинія и др. латинскихъ городовъ ¹⁾. Гдѣ естественнѣе въ Лаціумѣ мо. ло возникнуть раньше другихъ большое и сильное поселеніе, какъ не на командующихъ всѣмъ Лаціумомъ высотахъ Альбанскихъ, въ мѣстности наиболѣе защищенной и безопасной и притомъ весьма плодородной, обильной водами? Какъ Юпитеръ на Альбанской горѣ былъ обще-латинскимъ (*Latiaris*), центральное главное святилище, такъ рядомъ съ нимъ храмъ Весты и Пенатовъ (*Vesta Albana*) въ близи лежащей Альбѣ-Лонгѣ, вѣроятно, былъ главнымъ и центральнымъ святилищемъ этой богини для всего латинскаго племени или союза. Римъ постарался очень рано (при Туллѣ Гостиліи) своего наиболѣе опаснаго соперника стереть съ лица земли и это было причиною запутанности и противорѣчій въ позднѣйшемъ сказаніи объ отношеніяхъ

¹⁾ Раскопки некрополя Лавинія на мѣстѣ Pratica показываютъ, что поселенія въ этомъ мѣстѣ возникли позже чѣмъ у Альбанскаго озера (Гельбигъ).

латинскихъ городовъ. Но и послѣ разрушенія Альбы культъ ея высокаго Латинскаго Юпитера и Весты были сохранены и продолжали существовать и въ историческое время Рима; Римляне заботливо поддерживали ихъ, послѣ того какъ голосъ съ горы будто повелѣлъ имъ свято чтить ихъ (Ливій). Правда, эта старѣйшая Веста занимала только второе мѣсто послѣ римской, какъ и высокій Юпитеръ Альбанской горы послѣ Капитолійскаго. Сохранились упоминанія объ Альбанской Вестѣ и Альбанскихъ весталкахъ, Альбанскихъ дѣвахъ (*Virgines Albanae*) и отъ императорскаго періода, такъ Ювеналь (IV, 60) говоритъ: „*quamquam diruta servat ignem Trojanum et Vestam colit Alba minorem* (хоть и разрушенная Альба хранитъ Троянскій огонь и чтитъ меньшую Весту). Одна надпись (CIL, VI, 2172) говоритъ о *Virgo Vestalis maxima arcis Albanae*. Даже въ послѣдніе дни язычества, въ IV вѣкѣ мы еще встрѣчаемъ Вестину жрицу въ Альбѣ (*Vestalis antistes apud Albam* у Симмаха, *epist.* IX, 128. 129. X, 118—9) ¹⁾.

Переходимъ къ Вестѣ города Рима, римскаго народа Квиритовъ, *Vesta publica populi Romani Quiritium*, которая стала особенно знаменита; потому и культъ ея намъ болѣе извѣстенъ и по немъ мы можемъ заключать объ остальныхъ. Разъ мы знаемъ, что культъ Весты исконно латинскій, то вопросы, когда и гдѣ въ Римѣ онъ организованъ, уже не имѣютъ особеннаго значенія, и удовлетворительнаго отвѣта на нихъ дать нельзя при извѣстномъ плачевномъ состояніи нашихъ свѣдѣній о началѣ Рима и его первоначальной исторіи; несомнѣнно, онъ долженъ былъ имѣть общія черты съ другими и введенъ очень рано (Весту римскіе писатели называютъ сѣдою (*cana*) и древнею (*antiquissima*)).

Съ культомъ Весты, весталкою мы встрѣчаемся уже въ древне-римскихъ народныхъ сказаніяхъ объ основателѣ Рима. Въ сказаніи Рея Сильвія мать Ромула и Рема является Альбанскою весталкою, дочерью

¹⁾ Тибуръ (*Tivoli*) старинный латинскій городъ на краю Лаціума, лежащій уже на предгоріи Апенинъ, знаменитый своимъ водопадомъ Аніена, святилищемъ Геркулеса и оракуломъ звонкой Альбунеи, также имѣлъ и въ позднѣйшее время свой древній культъ Весты и своихъ весталокъ. См. надпись у Орелли n. 2289 (*Saufeia Alexandria V. V. Tiburtium*) и другую въ *Annali dell' Istituto di corr. arch.* 1882, стр.: 116 *virginis Vest. libertus*. Сохранившійся отчасти въ Тиволи храмъ (ротунда) нѣкоторые считаютъ храмомъ Весты. (напр. Прейнеръ).

царя Нумитора, именно братъ его дѣлаетъ ее весталкою, чтобы отъ нея не было потомства, а когда она все таки родила отъ Марса близнецовъ, онъ бросилъ ее въ темницу и умертвилъ (или она впоследствии, по его умерщвленіи, освобождается).

Культь Весты и коллегію ея жриць весталокъ въ Римѣ, какъ сообщаютъ нѣкоторые древніе писатели, учредилъ самъ Ромуль, именно перенесъ его сюда изъ Альбы-Лонги (Ливій и Діонисій). Греку Діонисію Галикарнасцу кромѣ того извѣстно было, что Ромуль не устроилъ общаго государственнаго очага Весты, а были при немъ отдѣльные очаги у каждой куріи и представитель куріи былъ также и хранителемъ ея очага; весталокъ для этой цѣли Ромуль не назначилъ потому, что, помня трагическую судьбу своей матери весталки, онъ боялся, что не будетъ въ силахъ казнить ужасною смертью весталокъ.¹⁾ По мнѣнію другихъ древнихъ изслѣдователей культь Весты введенъ въ Римѣ и учреждены весталки царемъ Нумою, религіознымъ законодателемъ Рима. (Цицеронъ). Онъ построилъ небольшой круглый храмъ Весты на склонѣ Палатина, обращенномъ къ форуму, и учредилъ для ея культа и храненія огня четырехъ весталокъ (Вестинныхъ дѣвъ). Учрежденіе нѣкоторыхъ другихъ жречествъ (коллегій жрецовъ) также единогласно приписывается Нумѣ; упомянемъ здѣсь однако только, что ему приписывается учрежденіе понтификата, имѣвшаго самое близкое и непосредственное отношеніе къ культу Весты; но одинъ ли былъ, сначала понтификъ или болѣе, нельзя вывести изъ противорѣчивыхъ свидѣтельствъ древнихъ. Учрежденіе общаго культа Весты Нумою по преданію было бы завершеніемъ объединенія Сабинскаго и римскаго элемента въ римской общинѣ, а сѣятилище Весты съ очагомъ было бы священнымъ символомъ этого политическаго и религіознаго единенія, которое преданіе также приписываетъ Нумѣ.

Религіозное законодательство, приписываемое Нумѣ, не создавало, конечно, новыхъ культовъ. Это было дѣломъ цѣлаго народа, но онъ организовалъ, упорядочилъ обрядовую сторону, какъ человѣкъ особенно въ духовныхъ дѣлахъ свѣдующій и облеченный высшимъ авторитетомъ, и можетъ быть и ввелъ почитаніе нѣкоторыхъ божествъ др. родственнаго близкаго племени. Съ именемъ Нумы соединяется представленіе о Са-

¹⁾ У нѣкоторыхъ писателей (Варронъ, De l. L. V, 41 и Проперцій) измѣнница Тарпей является весталкою римскою.

бинскомъ вліяніи на Римъ въ ту первоначальную эпоху города. Древніе говорятъ намъ о серьезномъ характерѣ, глубокой религіозности и чистотѣ правовъ этого италійскаго горнаго племени даже въ сравнительно позднюю эпоху; но оно несомнѣнно близко родственно латинскому и слѣдовательно о вліяніи на Римъ религіозныхъ элементовъ существенно различныхъ при этомъ общеніи не могло быть рѣчи; оба племенные элемента слились и образовали одну общину: законоположенія Сабинянина Нумы охотно принимаются и снискиваютъ ему необыкновенную популярность.

Римскій полигисторъ (энциклопедистъ) Варронъ (L. L. V, 74) упоминаетъ о Сабинской Вестѣ; ничего нѣтъ удивительнаго въ виду вышесказаннаго, что и у Сабинянъ почиталась Веста, но Йорданъ (Preller, R. Mythologie II, 3 Aufl., стр. 155) замѣчаетъ по поводу этого мѣста, что эта Веста латинская, какъ и прочія въ этомъ мѣстѣ приводимыя божества „Сабинянина“ Нумы, совсѣмъ не сабинскія, а латинскія.

Судя по римскому италійскій или латинскій культъ Весты не представлялъ слѣдовъ инородныхъ (греческаго) вліяній, ¹⁾ а напротивъ очень

¹⁾ Моммзенъ (Р. ист., I.) полагаетъ, что святилище Весты и вообще культъ ведутъ начало отъ болѣе поздняго времени царской эпохи и видитъ въ этомъ греческое вліяніе. „И домъ царскій съ городскимъ очагомъ есть вполне греческій пританей, и круглый, обращенный лицомъ на востокъ и даже не освященный аѳгурами храмъ Весты построенъ совсѣмъ не по италійскому, а напротивъ вполне по эллинскому обряду.“ Прейнеръ (Hestia Vesta, стр. 248)—оспариваетъ это мнѣніе Моммзена. Онъ приходитъ къ слѣдующему заключенію: „Ни Гестія въ царскомъ домѣ у Грековъ не соответствуетъ Гестіи въ храмѣ Весты въ Римѣ, ни пританей республиканскаго времени въ Элладѣ не соответствуетъ регіи (regia) съ святилищемъ Весты, и притомъ ни въ республиканскій періодъ, ни въ царскій. И различія заключаются не въ какихъ нибудь модификаціяхъ, какія могутъ быть и при заимствованіи, это родовыя общія различія“. Фразеръ (J. G. Frazer) помѣстилъ недавно въ Journal of Philology, изд. W. Wright, омъ и др., именно vol. XIV. №. 26 за 1885 годъ статью подъ заглавіемъ: The prytaneum, temple of Vesta, the Vestals and the perpetual fires, которую мы вообще приняли къ свѣденію въ настоящей работѣ—на нее обратилъ наше вниманіе проф. Ю. А. Кулаковский. Въ ней авторъ между прочимъ старается доказать совершенно одинаковое происхожденіе греческихъ пританеевъ и храма Весты въ Римѣ, именно, что пританей и храмъ Весты первоначально были жилищемъ царя или вообще главы народа или общины;

оригинальный, именно очень простой, но въ тоже время строгій и возвышенный, чистый.

Важную и характерную черту латинскаго (италійскаго) и римскаго культа Весты составляет то, что какъ въ домахъ, такъ и въ государствѣ очагъ хранятъ жрицы дѣвы. У Римлянъ, какъ и у Грековъ, культы нѣкоторыхъ, именно женскихъ божествъ поручались жрицамъ женщинамъ, напр. Благой богини, *Vona dea*, Венеры ¹⁾ и др.; также жена *rex sacrficulus* (называлась *regina*, царица), жена Юпитерова фламينا *flaminica* отправляли извѣстныя сакральныя обязанности. Но культъ государственнаго очага у Грековъ поручался вездѣ и всегда мужчинамъ. „Такъ назыв. пританей, говоритъ Діонисій, у Грековъ святилище Гестіи (Ἑστία) и завѣдуетъ имъ высшій сановникъ въ городѣ“ (*ἑταρπεύεται πρὸς τὸν ἐχόντων μέγιστον ἐν πόλει κράτος*). У Римлянъ же и вообще Латинянъ этотъ палладіумъ всего государства и народа поручался охранѣ заботливой бдительности женщины, ²⁾ въ чемъ нельзя не видѣть одного очень яркаго свидѣтельства о болѣе высокомъ сравнительно положеніи и болѣе значительномъ влияніи женщинъ въ общественной жизни у Римлянъ и вообще Латинянъ ³⁾.

при этомъ онъ между прочимъ указываетъ на Діонисія Галикарнасца, по которому храмъ Весты представляетъ прямое подражаніе греческому пританею и на выше приведенное мѣсто Моммзена.

¹⁾ Цереры, Флоры срв. *virgines Saliarēs*. Нѣкоторые праздники и жертвоприношенія справлялись исключительно женщинамъ.

²⁾ Діонисій II, 66 говоритъ о Нумѣ: *τὴν τε φυλακὴν τῶν ἱερῶν κατὰ τὸν πατριὸν τῶν Λατίνων νόμον διὰ παρθένων ἐνομοθέτησε γίνεσθαι*.

³⁾ Какъ бы ни представляли себѣ первоначальное отношеніе римской Весты къ Гестіи Грековъ, несомнѣнно, что въ извѣстномъ намъ развитіи въ историческое время идея богини у Римлянъ болѣе опредѣлилась, и богиня и культъ ея имѣли гораздо болѣе важное значеніе, чѣмъ у Грековъ, и притомъ культъ ея представляетъ многія оригинальныя и замѣчательныя стороны. „Гдѣ въ Элладѣ говоритъ Прейнеръ, находимъ слѣдъ института весталокъ, который столь характеристиченъ для италійскаго культа Весты, безъ котораго этого послѣдняго нельзя себѣ и представить? Плутархъ (Numa 9), сказавъ, что Нума устновилъ культъ вѣчнаго огня и поручилъ храненіе его дѣвамъ, прибавляетъ: „Ἐπεὶ τὴν τῆς Ἑλλάδος ὅπου πῦρ ἀσβεστόν ἐστιν ὡς Πῦρὸς καὶ Ἀσκήνη σιν, οὐ παρθένοι, γυναῖκες δὲ πεποιημένοι γὰρ αὐτῶν ἔχουσι τὴν ἐπιμελείαν.“

По Плутарху вѣчный огонь у Грековъ поддерживаютъ вдовы; но Діонисіи ничего такого не знаетъ, что очень странно. Плутархъ притомъ не говоритъ,

Но какъ у Грековъ пританей (а въ немъ алтарь Гестіи) находился у агоры, центра и политической и религіозной жизни города, такъ и у Римлянъ храмъ Весты находился всегда у стариннаго и главнаго форума города (forum Romanum), центра политической жизни.

Извѣстно, какое особенное, исключительное значеніе имѣлъ Римъ Urbs въ римскомъ государствѣ, какое важное значеніе имѣла его городская черта въ государственномъ правѣ; это центръ государства, здѣсь только могли вершиться государственныя дѣла, здѣсь обязательно мѣсто центральнаго правительства, sedes imperii, и завѣтная святыня народа и государства; послѣднее, разрастаясь, все таки оставалось de iure городомъ, такъ сказать втискалось въ рамки города. Когда Италики получили право гражданства, то они стали гражданами города Рима, cives Romani, Италія стала городомъ, хотя весьма разросшимся, отдѣльныхъ меньшихъ центровъ, но все же городомъ, оболочка оставалась таже городская, тѣже комиціи по центуріямъ и трибамъ, установленныя нѣкогда для жителей города Рима, обнимали теперь всѣхъ Италиковъ, горожанъ Римскихъ по всей Италіи, которые и могли подавать свои голоса, только являясь въ Римъ. Эта оригинальная особенность вообще государственной жизни обоихъ классическихъ народовъ древности имѣла первостепенное значеніе въ государственной жизни Рима и въ особенности привлекаетъ наше вниманіе у Римлянъ, завершившихъ циклъ развитія древней жизни, особенно государственной, такъ какъ съ одной стороны со свойственною имъ послѣдовательностью они сохраняли этотъ городской типъ государства, но въ то-же время постепенно шли къ новому типу, увеличивая число гражданъ, и создали великое государство. Только при императорахъ совершалась постепенно эманципация центральной власти отъ стѣснительныхъ условій мѣста, но

кто поддерживалъ огонь въ пританеяхъ, огонь (и очагъ) Весты по преимуществу, а Діонисій говоритъ именно объ огнѣ пританеевъ. Прейнеръ (стр. 270) полагаетъ, что едвали эти вдовы имѣли какое отношеніе къ пританеямъ, а на стр. 191, пр. 3 (гдѣ онъ однако вовсе не привлекаетъ свидѣтельства Діонисія) говоритъ: „Во всякомъ случаѣ жертвы приносились вообще не ими, а пританами“. Онъ полагаетъ, въ виду того, что римскій культъ Весты былъ такъ выработанъ и знаменитъ и съ распространеніемъ римской власти извѣстенъ, нѣкоторые представленія о Гестіи у греческихъ писателей позднѣйшаго времени слѣдуетъ объяснять римскимъ вліяніемъ.—Священный неугасаемый огонь поддерживали, какъ у Римлянъ, дѣвы несомнѣнно также у древнихъ Кельтовъ, Литовцевъ, въ Перу и др. (см. ниже).

и императорская власть сохраняла все таки нѣкоторыя спеціальныя особенности древней магистратуры Рима, связана была великими традиціями мѣста, императоръ беретъ въ свое непосредственное ближайшее завѣдываніе управленіе городомъ, это послѣднее, подобно тому какъ и при республикѣ, не отдѣляется отъ центральнаго государственнаго управленія, Римъ сохраняетъ свое исключительное положеніе и привилегіи.

При такомъ исключительномъ положеніи въ государствѣ великаго города понятно то особенное значеніе тѣхъ мѣстъ, къ которымъ особенно приурочена была, и тѣхъ святынь, подъ защитою которыхъ по преимуществу находилась государственная жизнь этой *sedes imperii*, употребляя выраженіе Мадвига „*eigentliche Heimstätte des Reiches*.“ Въ этомъ городѣ, представлявшемъ государство, было одно преимущественно мѣсто, откуда исходила и могла только исходить жизнь, собственное сердце мірودержавнаго города, „съ ударами пульса коего сообразовалась жизнь трехъ частей свѣта“,—форумъ Рима. Надъ нимъ возвышался на Капитоліѣ храмъ божественнаго покровителя государства, великаго и всеблагаго Юпитера, возлѣ него стояло зданіе *amplissimi consilii*, „отцовъ“ построенная царемъ Туллиемъ курія ¹⁾, возлѣ нея офиціальное „сходбище“ для народнаго собранія (*comitium*) и ораторская трибуна (*rostra*); тутъ же на другой сторонѣ у Палатина и священной улицы (я не упоминаю другихъ святынь, не имѣвшихъ такого первостепеннаго значенія) пылалъ въ небольшомъ храмѣ Весты всегда таинственный, неугасаемый огонь государственнаго очага, *ignis perpetuus foci publici*, съ коимъ таинственно связана была самая жизнь государства; тутъ-же находились жилище великаго понтифика, *regia*, первоначальное жилище царя (Нумы). Мѣсто, на которомъ стояли храмъ Весты и остальные названныя зданія, одинъ новый писатель называетъ Ватиканомъ древняго Рима, (понимая слово Ватиканъ въ его новомъ значеніи ревиденціи высшей власти при знаменитомъ храмѣ надъ мощами Св. Петра).

Число весталокъ и назначеніе ихъ.

Царь Нума, по преданію учредилъ четырехъ жрицъ Весты ²⁾. а Тарквиній Древній или, по другому извѣстію, Сервій Туллій прибавилъ

1) Собственное зданіе для сената была всегда одно это.

2) Онѣ назывались обыкновенно дѣвами или дѣвственницами Весты.

еще двухъ, такъ какъ будто было въ это время уже больше священнодѣйствій, при которыхъ должны были присутствовать весталки (Діонисій). Число шесть оставалось всегда нормальнымъ и неизмѣннымъ; только отъ конца 4-го вѣка нашей эры, когда институтъ весталокъ близокъ былъ къ концу, находимъ упоминанія о семи весталкахъ.

Такимъ образомъ весталки составляли всегда духовную коллегію жрицъ и слѣдовательно въ этомъ отношеніи похожи на многія другія sacerdotia Рима.

Многіе жрецы у Римлянъ составляли извѣстныя корпораціи, *collegia sacerdotum*. Это начало коллегіальности, какъ извѣстно, составляло характеристическую черту и государственной жизни Рима, гдѣ оно постоянно примѣнялось въ магистратурѣ. Главныя жреческія коллегіи составляли (при императорахъ они называются *quattuor amplissima collegia*) понтифики, аугуры, эпулоны и XV-viri sacris faciundis (отъ 306 года до Суллы *decemviri s.f.*).

Весталки составляли тоже духовную коллегію, состоявшую всегда изъ опредѣленнаго числа жрицъ со старшею весталкою во главѣ, но въ точномъ смыслѣ слово коллегія къ нимъ не приложимо, и не говорили *collegium virginum Vestalium*. Весталки находились вполнѣ подъ властью великаго понтифика, не имѣли права сами выбирать новыхъ членовъ (кооптаціи) и вообще подчинялись нѣкоторымъ ограниченіямъ, находившимся въ связи съ положеніемъ ихъ, какъ женщинъ ¹⁾.

Всѣ жрецы выбирались первоначально только изъ патриціевъ исключительно; но по закону Огульніеву 300 года до Р. Х. плебеи получили доступъ къ понтификату и аугурату (децемвиратъ открытъ былъ имъ уже въ 367 году, а эпулонами могли быть плебеи съ самаго начала установленія ихъ въ 196 году); послѣ этого закона все таки только изъ па-

Virgines Vestales, Virgines Vestae, также Sacerdotes Vestae, у греческихъ писателей *ἱέρσαι ἀειπάρθενοι*, *ἱερὰὶ πάρθενοι*, Ἑστιάδες, ἱερόποιοι, ἀρτίπολοι Ἑστίας.

¹⁾ Rex sacrorum или sacrificulus и высшіе фламины, Юпитера, Марса и Квирина, хотя всегда назначались великимъ понтификомъ и ему подчинялись, иногда причисляются къ коллегіи понтификовъ. Моммзенъ (*Staatsrecht* II, 94). называетъ весталокъ „das einzige Collegium von Priesterinnen, welches die römische Ordnung kennt“. Но вѣдь есть хоть и очень отрывочныя свидѣтельства о подобномъ-же, по видимому, коллегіи жрицъ Благой богини. См. ниже о *maximatus*.

триціевъ могли быть избираемы *rex sacrorum*, три высшихъ фламиновъ (*flamines maiores*) и Салии

Весталками первоначально, по всей вѣроятности, могли быть только чистокровныя патриціанки) но въ республиканскій періодъ—не извѣстно точно, начиная съ какого времени—весталки могли быть и изъ плебейскихъ семействъ ¹⁾.

¹⁾ Едва-ли вѣроятно, чтобы съ самаго начала могли быть весталки изъ плебейскихъ семействъ, какъ полагаетъ Моммзентъ.

„Между именами, которыя сказаніе даетъ первымъ избраннымъ (Плутархъ, Numa' 10), есть одно несомнѣнно плебейское, именно Канулея. Впрочемъ между именами, упоминаемыми у писателей, по крайней мѣрѣ для времени республики, находимъ имена изъ высоко уважаемыхъ или вообще знатныхъ фамилій, напр. Клавдія, Эмилиа, Лицинія (плеб.) и Марція, изъ которыхъ три послѣднія были обвинены въ 113 году до р. Х.; далѣе у Цицерона сестру претора Фонтія (плеб.), а также сестру консула Мурены (плеб.) и изъ того-же времени Фабію, двоюродную сестру жены М. Цицерона Терентіи (Ascon. ad Cic in toga cand. p. 116“). Мадвигъ.

Прейнеръ (Hestia—Vesta, 273) предполагаетъ, что допущеніе плебеевъ къ званію весталокъ было слѣдствіемъ допущенія плебеевъ къ сану понтификовъ, столь тѣсно связанныхъ съ институтомъ весталокъ, т. е. въ 300 г. до р. Х.. Хотя и упоминаются весталки изъ плебейскихъ фамилій отъ гораздо болѣе древняго времени, но имена первыхъ весталокъ (царскаго періода) несомнѣнно де сочинены въ позднее время и слѣдовательно не имѣютъ значенія для рѣшенія вопроса; немногія имена плебейскихъ весталокъ изъ первыхъ временъ республики тоже очень мало достовѣрны между прочимъ и потому, что нѣкоторые роды (*gentes*), намъ извѣстные какъ плебейскіе, могли быть прежде патриційскими. „Въ самомъ дѣлѣ, продолжаетъ Прейнеръ, было бы въ высшей степени страннымъ, еслибы патриціи съ самаго начала дозволили плебеямъ доступъ къ одному изъ самыхъ священнѣйшихъ ихъ жреществъ, въ особенности когда притомъ изъ фламинивъ, которые представляютъ ближайшую аналогію весталкамъ по крайней мѣрѣ три высшіе всегда были изъ патриціевъ и аугура-тъ и понтификатъ только позже стали доступны для плебеевъ.“ Моммзентъ полагаетъ, что весталками могли быть плебеи и въ древнѣйшее время и объясняетъ это тѣмъ, что избраніе въ весталки представляло въ сущности усыновленіе (*adoptio*) и что для усыновленія не важно юридическое положеніе усыновляемаго, а только правомѣрное совершеніе акта манципаціи (см. о ней ниже). Г. Фразеръ (въ выше названной статьѣ) вопросъ о происхожденіи весталокъ ставитъ въ тѣсную связь съ вопросомъ о греческомъ при-

Во всякомъ случаѣ онѣ должны были быть непременно изъ самыхъ лучшихъ и ничѣмъ незапятнанныхъ фамилій города, не говоря уже о томъ, что родители весталки должны были быть люди свободные и свободно рожденные (*liberi et ingenui*) и не заниматься какимъ либо низкимъ ремесломъ. Только уже Августъ дозволилъ брать въ весталки также и дочерей либертиновъ (вольноотпущенниковъ) въ виду того, что въ его время и чистокровныхъ патриційскихъ фамилій было мало и при упадкѣ религіозности мало готовности отдавать своихъ дочерей на трудное служеніе. Родители весталки должны были кромѣ того имѣть постоянное мѣстожительство въ Италіи, сначала надо полагать и въ Римѣ.

таней и *aedes Vestae* въ Римѣ, которые, по его мнѣнію, какъ мы видѣли, были первоначально жилищами царя или вообще главы общины, и доказываетъ, что весталки первоначально были дочерми царя. Вотъ его доводы въ пользу этого предположенія. У нѣкоторыхъ народовъ напр. полудикихъ племенъ Африки констатировано существованіе обычая храненія неугасаемаго огня; онъ поддерживается въ жилищѣ главы племени, и ближайшая забота о его поддержаніи принадлежитъ дочери или женѣ вождя (примѣры, приводимые Фразеромъ, и мы приведемъ ниже, говоря о вѣчномъ огнѣ). При первобытномъ простомъ строѣ жизни жены и дочери были въ большей или меньшей степени работницами даже въ домѣ главы народа. Вспомнимъ Навсикаю принцессу, моющую вмѣстѣ со служанками бѣлье своей семьи и ту дѣвицу царскаго рода, которая, идя за водою, нашла Деметру усталую и опечаленную, сидѣвшую въ тѣни оливковаго дерева. Такъ какъ дочери царя древняго времени были работницами въ его хозяйствѣ, то онъ, естественно старался удерживать подолбе при себѣ по крайней мѣрѣ одну дочь. Весталки по мнѣнію Фразера, были именно эти незамужнія дочери царя, которыхъ онъ удерживаетъ дома для того, чтобы онѣ вели домашнее хозяйство. Таково де простое происхожденіе весталокъ. Обязанности весталокъ тѣ-же, что и женщинъ въ домѣ царя или вождя племени древнѣйшаго времени: онѣ смотрятъ за огнемъ, носятъ воду и пекутъ хлѣбы. Весталки по видимому находились *in patria potestas* царя, а потомъ великаго понтифика, получившаго извѣстную часть его правъ (въ сферѣ религіозной); слѣдовательно—заключаетъ Фразеръ—онѣ были жены царей или дочери, но такъ какъ весталки всегда были дѣвицами, то значитъ первоначально онѣ были дочерьми царя. Такое ихъ первоначальное происхожденіе подтверждается, по мнѣнію Фразера, 1) тѣмъ, что до Августа *rex sacrificulus*, жрецъ, унаслѣдовавшій титулъ царя и нѣкоторые его обязанности (жертвоприношенія), жилъ въ *regia* (?), находившейся близъ храма Весты, и весталки,

Далѣ требовалось, чтобы весталки были изъ семейства, въ которыхъ были бы въ живыхъ еще родители, онѣ должны были быть *patrimae et matrimae* (конечно, это условіе соблюдалось только при избраніи весталки: она вѣдь должна была служить богинѣ обязательно тридцать лѣтъ); далѣ онѣ не должны были имѣть никакихъ тѣлесныхъ недостатковъ, и при поступленіи быть не моложе 5 и не старше 10 лѣтъ.

Нѣкоторыя положенія освобождали отъ обязанности принять званіе весталки, именно освобождались отъ нея сестра весталки—по общему сакральному римскому принципу два лица изъ одного и того же семейства не могли занимать одинаковой жреческой должности, быть членами одного и того же жреческаго коллегія; далѣ дочь каждаго фламينا, аугура, *quindecemvir'a* (или *decemvir'a sacris facundis*), эпулона, Салия и невѣста понтифика и „жертвеннаго трубача (*tubicen sacrorum*), наконецъ—только при имперіи—дочь лица, имѣвшаго такъ наз. право трехъ дѣтей, *jus trium liberorum*¹⁾.

въ зданіи, смежномъ съ этой царской палатой (*regia*); 2) тѣмъ, что онѣ, по-видимому были первоначально непременно изъ патриційскихъ семействъ и 3) высокимъ положеніемъ весталокъ и необыкновенными, присвоенными ихъ званію привилегіями, которыя де приличествуютъ только лицамъ царскаго рода, (см. о нихъ ниже). Ближайшія заботы о поддержаніи огня, полагаетъ Фразеръ, принадлежали дочерямъ царя, но отвѣтственность за поддержаніе его лежала на царѣ самомъ.

Въ опредѣленный день въ году весталки приходили къ жертвенному царю и говорили ему: „*Vigilasne rex? Vigila* (Сервій къ Эн X, 228). Фразеръ предполагаетъ, что въ этомъ обрядѣ воспоминаніе объ отвѣтственности за поддержаніе огня, лежавшей на царѣ. Отчего у Грековъ не выработался институтъ весталокъ? На этотъ вопросъ Фразеръ отвѣчаетъ: царь де могъ не имѣть дочерей, или имѣя поручать надзоръ за огнемъ рабамъ; въ классическое время огонь пританея поддерживался пожилыми вдовами (Плутархъ, *Numa* 9); можетъ быть также, что Греки тоже нѣкогда поручали храненіе огня дѣвамъ, но нашли этотъ порядокъ неудовлетворительнымъ.

1) Августъ, заботясь о поддержаніи здоровой семейной жизни, предоставилъ нѣкоторыя особыя права и преимущества гражданамъ, имѣвшимъ отъ законнаго брака по крайней мѣрѣ троихъ дѣтей, *jus liberorum* или *jus trium liberorum*; но эта привилегія давалась иногда также лицамъ бездѣтнымъ какъ отличіе и назывались одинаково *jus trium liberorum*.

Въ вышеуказанныхъ случаяхъ дѣвушка только имѣла право отказаться отъ званія весталки (*excusabatur*), но не устранялась отъ него.

Въ царскій періодъ весталокъ назначалъ самъ глава государства, онъ же и верховной жрецъ, а въ республиканскій и императорскій онѣ назначались или избирались великимъ понтификомъ, т. е. въ послѣдній періодъ опять таки главою государства, императоромъ въ качествѣ великаго понтифика.

Способъ назначенія весталокъ былъ установленъ точно или урегулированъ особымъ закономъ, Папіевымъ — неизвѣстно именно какого времени; предписанія этого закона сохранены намъ писателемъ 2 вѣка нашей эры Аўломъ Гелліемъ ¹⁾. Великій понтификъ имѣлъ право выбрать въ кандидаты по своему усмотрѣнію двадцать дѣвушекъ, разумѣется, удовлетворявшихъ всѣмъ выше исчисленнымъ условіямъ, необходимымъ для вступленія въ жрицы Весты, и изъ этого числа выбиралась одна уже жребіемъ публично въ народномъ собраніи подъ предсѣдательствомъ того-же великаго понтифика. Геллій прибавляетъ, что въ его время окончательный выборъ посредствомъ жребія не считался необходимымъ, и что если безупречный гражданинъ предлагалъ свою дочь на служеніе Вестѣ, и дѣвушка по своему положенію, возрасту и пр. могла быть принята въ весталки, то она объявлялась просто весталкой сенатскимъ декретомъ, разрѣшавшимъ въ данномъ случаѣ отступленіе отъ Папіева закона.

Если случаи добровольнаго предложенія были и во времена Геллія, то, конечно, это случалось и значительно раньше, и во времена старинной религіозности и высокаго гражданскаго духа, надо полагать, гораздо чаще; но законъ имѣлъ важное значеніе въ случаяхъ, когда ни-

¹⁾ *Noctes Atticae*, rec. Hertz, XII: De more.. ritumque capiendae virginis litterae quidem antiquiores non exstant, nisi quae capta prima est, a Numa rege esse captam. Per Papiam legem invenimus, qua cavetur, ut pontificis maximi arbitratu virgines e populo viginti legantur sortitioque in contione ex eo numero fiat et, cuius virginis ducta est, ut eam pontifex maximus capiat eaque Vestae fiat. Sed ea sortitio ex lege Papiae non necessaria nunc videri solet. Nam si quis, honesto loco natus, adeat pontificem maximum atque offerat ad sacerdotium filiam suam, cujus dumtaxat salvis religionum observationibus ratio haberi possit, gratia Papiae illae legis per senatum fit.

кто не желалъ самъ добровольно отдать дочь на трудное служеніе Весты, и едвали случаи добровольнаго предложенія были часты въ послѣдній вѣкъ республики и при императорахъ. О выборѣ весталки жребіемъ упоминается нѣсколько разъ у писателей времени имперіи и въ одномъ мѣстѣ (Касій-Діонъ, LV, 22) сообщается, что таковой происходитъ въ сенатѣ (при императ.). Светоній сообщаетъ объ Августѣ, (Div.) August. гл. 31) что, когда однажды надо было выбрать новую весталку на мѣсто умершей и многіе заискивали у него, чтобы не подвергать своихъ дочерей жребію, онъ поклялся, что, будь хоть одна изъ его внучекъ подходящаго возраста, онъ бы добровольно предложилъ ее ¹⁾.

Другой случай, совсѣмъ противоположнаго характера, именно примѣръ усердія и религіозности изъ времени Тиберія сообщаетъ Тацитъ (Annales изд. Гальча, II, 86): (Въ 19 году) „Цезарь сдѣлалъ докладъ сенату о назначеніи дѣвушки (сариendam virginem) на мѣсто Окція, которая въ продолженіи 57 лѣтъ съ величайшею святостью завѣдывала культомъ Весты и выразилъ благодарность Фонтею Агриппѣ и Домитію Полліону за то, что они соревнуютъ въ усердіи къ государству, предлагая своихъ дочерей. Отдано было предпочтеніе дочери Полліона по той только причинѣ, что мать ея жила съ первымъ мужемъ. Агриппа умалилъ чистоту своей семьи разводомъ. Но и отвергнутую Цезарь утѣшилъ, назначивъ ей въ приданное 1000000 сестерціевъ“.

Избранную по жребію или просто принятую весталку великій понтифікъ „бралъ“ (сариебат ²⁾) за руку и произносилъ слѣдующія слова: „Sacerdotem Vestalem, quae sacra faciat, quae ius siet sacerdotem Vestalem facere pro populo Romano Quiritium, uti quae optima lege fuit, ita te, Amata, сарио“, т. е. „Въ жрицы Весты совершать священнодѣйствія Весты, какія надлежатъ совершать жрицѣ Весты за народъ Римскій Квиритовъ, я беру тебя, Амата (Воз-

¹⁾ Cum in demortuae locum aliam capi oporteret ambirentque multi, ne filias in sortem darent, adiuravit, si cuiusquam neptium suarum competeret aetas, oblaturum se fuisse eam.

²⁾ Геллій (XII) говоритъ, что по мнѣнію большинства авторовъ глаголь сари должно употреблять только по отношенію къ избранію весталки, но что онъ употреблялся также и по отношенію къ Юпитерову фламину, также понтификамъ и аугурамъ и приводитъ въ доказательство мѣсто изъ мемуаровъ диктатора Суллы и другое изъ рѣчи старшаго Катона

любленная) ¹⁾, какъ ты, была она законно наилучшею для служенія богинѣ“ ²⁾.

Геллій говоритъ въ поясненіе объ актѣ взятія весталки: „Слово хватать о назначеніи весталки употребляется, думаю, потому, что она взятая рукою великаго понтифика уводится отъ отца, во власти котораго состоитъ, какъ-бы захваченная на войнѣ“ ³⁾. Дѣйствительно, актъ, совершаемый въ данномъ случаѣ великимъ понтификомъ, представляетъ какъ-бы видъ манципаціи т. е. юридическаго акта, коимъ пріобрѣтается и укрѣпляется право собственности; въ немъ находимъ, какъ и во всѣхъ юридическихъ актахъ, извѣстную постоянную формулу и условное дѣйствіе, ту-же *captio*.

Манципація (срв. эманципація и реманципація), какъ опредѣляетъ юристъ Гай, есть по виду продажа и производится слѣдующимъ образомъ: приглашаются свидѣтелями пять совершеннолѣтнихъ римскихъ гражданъ и одинъ такой-же гражданинъ, который держитъ мѣдные вѣсы и называется вѣсовщикомъ (*libripens*); и вотъ тотъ, кто получаетъ что въ собственность (*qui mancipio accipit*), держа монету, говоритъ: *Hunc ego hominem ex iure Quiritium meum esse aio isque mihi emptus esto hoc aere aeneaque libra* т. е. „Я объявляю этого человѣка принадлежащимъ мнѣ по праву Квиритовъ, онъ купленъ мною этими деньгами и мѣдными вѣсами“ ⁴⁾. Затѣмъ ударяетъ монетою о вѣсы и отдаетъ ее лицу, отъ котораго пріобрѣтаетъ собственность—какъ-бы вмѣсто платы. Этимъ способомъ пріобрѣтаются во владѣніе поземельная собственность въ Италіи, нѣкоторыхъ животныхъ, но также и люди, *et servils et liberae personae*; и эти послѣднія должны были быть непременно при этомъ актѣ на лицо; необходимо, говоритъ тотъ-же Гай, чтобы получающій въ собственность взялся за данный предметъ купли; отчего и само названіе манципація т. е. взятіе рукою (*„adeo, ut eum, qui mancipio accipit, adprehen-*

¹⁾ Такъ называетъ ее понтификъ будто бы потому, что первая весталка носила это имя (Геллій).

²⁾ Эти слова Гелій нашелъ (только?) въ первой книгѣ анналиста II вѣка до Р. Х. Фабія Пиктора.

³⁾ XII: „Capi virgo propterea dici videtur, quia pontificis maximi manu prepassa ab eo parente, in cuius potestate est, veluti bello capta abducitur“.

⁴⁾ Это формула и обрядъ ведутъ свое начало отъ того времени, когда деньги считались по вѣсу, какъ замѣчаетъ и Гай.

dere id ipsum, quod ei mancipio datur, necesse sit, unde etiam mancipationis dicitur, quia manu res capitur).

По римскому праву дитя принадлежить отцу какъ собственность, онъ имѣлъ право продать его (сына до трехъ разъ, а дочь только разъ по законамъ 12 таблицъ). Проданный былъ in mancipio купившаго и служилъ послѣднему, какъ рабъ, но, будучи выкупленъ, становился опять свободнымъ. Такая дѣйствительная продажа дѣтей имѣла мѣсто развѣ въ древнѣйшее время и то въ случаяхъ крайней нужды; обыкновенно же описанный нами актъ употреблялся по отношенію къ свободнымъ людямъ только какъ фиктивная продажа (*imaginaria venditio*), какъ формальность въ актахъ усыновленія и отпущенія на волю (*манумиссія*), причемъ повторялась нѣсколько разъ манципация и реманципация. Такъ изъ подъ власти отца (*patria potestas*) сынъ выходилъ между прочимъ и mancipatione, т. е. посредствомъ акта купли со стороны того, подъ чью власть онъ переходилъ (Гай, *Institut. I, 132*), именно тройною манципациею, *tribus mancipationibus*

И въ выше описанномъ актѣ, беря за руку будущую весталку и произнося формулу, великій понтификъ какъ-бы манциповалъ ее богинѣ Вестѣ ¹⁾; съ момента взятія новонареченная выходитъ изъ прежней семьи и отцовской власти, становится какъ-бы in mancipio deae, а великій понтификъ какъ-бы ея (духовнымъ) отцомъ. Гай говоритъ: „Кромѣ этого (т. е. другихъ причинъ) выходятъ изъ-подъ власти отца лица мужскаго пола, если инаугуруются фламинами Юпитера, и лица женскаго пола, если берутся въ весталки“ ²⁾. Да, это дитя и притомъ дѣвочка становится вдругъ выше обыкновенныхъ юридическихъ отношеній семейнаго права, становится *persona sui juris* навсегда, и по окончаніи срока служенія она самостоятельная женщица, она имѣетъ право свободно завѣщать свое имущество; ея же имущество, какъ уже не принадлежащей семьѣ, а богинѣ, въ случаѣ отсутствія завѣщанія не переходитъ къ роднымъ, а принадлежитъ храму Весты ³⁾.

¹⁾ Виссова указываетъ для сравненія на одну надпись (*CIL., IX, п. 4874*), въ которой посвященіе богинѣ выражается словами *mancipio do* вмѣсто *consecro*, именно: *Feroniae mancipio do*.

²⁾ *Praeterea exeunt liberi virilis sexus de potestate, si flamines Diales, inaugurentur, et feminini sexus, si virgines Vestales capiantur.* Спрв. Геллій.

³⁾ Геллій, I, 12, 9: *Virgo Vestalis, simul est capta atque in atrium Vestae deducta et pontificibus tradita est, eo statim tempore sine emancipatione ac*

Актъ „взятія“ былъ главнымъ и рѣшающимъ при назначеніи весталки; но онъ сопровождался еще нѣкоторыми церемоніями, именно отведеніемъ новоизбранной въ ея будущее жилище въ обитель весталокъ, постриженіемъ, можетъ быть, также инаугураціей и др.

„Взятую“ весталку отводили въ атрій Весги и одѣвали въ соответствующую одежду, при этомъ ей также обрѣзывали волосы и вѣшали ихъ на одномъ деревѣ, находившемся вблизи атрія и храма Весты, именно лотосѣ, который и назывался отъ этого „волосатымъ“, *lotus capillata* ¹⁾. Можетъ быть впрочемъ облаченіе въ бѣлую одежду слѣдовало за постриженіемъ. Послѣ этого, вѣроятно, дѣвушку заставляли произнести обычные обѣты весталки.

Что же касается инаугураціи т. е. испрашиванія благоприятныхъ знаменій (ауспійцій), отъ божества, на вступленіе жреца или жрицы то при поставленіи весталокъ о таковой нѣтъ упоминаній, хотя упоминается эксаугурація т. е. такой-же актъ при выходѣ весталки изъ коллегии по истеченіи ея тридцатилѣтняго служенія. Вѣроятно инаугураціи для весталки вовсе не требовалось, а достаточно было одного акта „взятія“ *capitio*. Въ выше приведеномъ мѣстѣ Гая (I, 130) говорится объ инаугураціи фламينا и взятіи (*capitio*) весталки, какъ одинаково освобождающихъ отъ отцовской власти (*flamen Dialis* также и *capiebatur*) ²⁾.

Великій понтификъ, *pontifex maximus* ³⁾ и коллегія понтификовъ.

О великомъ понтификѣ, который какъ видѣли, бралъ весталку, *capiebat virginem* ⁴⁾, намъ придется упоминать еще не разъ и потому находимъ нужнымъ уже здѣсь сказать нѣсколько словъ о власти и зна-

sine capitis deminutione e patris potestate exit et ius testamenti faciendi adipiscitur“.

¹⁾ Дереву этому во время Плинія Старшаго, т. е. въ 1 вѣкѣ послѣ Р. Х. было уже болѣе 500 лѣтъ. *Nat. hist.*, XVI, 85.

²⁾ Моммзенъ, *K. Staatsrecht*, II, 32, Anm. 1. и Марквардтъ, *Staatsverw.*, III, 338, 2. 3-го изданія.

³⁾ Эпитетъ *maximus* имѣли также *Virgo Vestalis maxima*, вѣроятно *augur maximus*, *curio maximus*.

⁴⁾ Срв. выше у Геллія: *Virgo Vestalis in atrium Vestae deducta atque pontificibus tradita*.

ченіи этого важнаго духовнаго сановника въ религіозныхъ дѣлахъ вообще и его отношеніи къ культу государственнаго очага и жрицамъ Весты.

Учрежденіе коллегіи понтификовъ приписываютъ древніе царю Нумѣ, именно этотъ царь будго назначилъ нѣскольио жрецовъ съ этимъ именемъ, по Цицерону пять (по Ливію сначала былъ только одинъ понтификъ). Но при царяхъ эта духовная коллегія—вмѣстѣ съ коллегіею аугуровъ древнѣйшая—и въ особенности глава ея, великій понтификъ не имѣли, по видимому, особо важнаго значенія и во всякомъ случаѣ роль ихъ и значеніе для этого времени не достаточно ясны по скудости свѣдѣній; наши источники знаютъ понтификовъ слѣдующаго періода. Но съ учрежденіемъ республики, надо полагать, эта коллегія получаетъ болѣе видное значеніе и въ особенности измѣняется положеніе великаго понтифика, выбираемаго изъ членовъ ея: онъ является уже главнымъ духовнымъ лицамъ съ наибольшимъ вліяніемъ и властію въ сакральной сферѣ.

При преобразованіи государственной власти на новыхъ началахъ, въ сакральныхъ учрежденіяхъ, естественно, должны были остаться сравнительно гораздо болѣе остатковъ стараго монархическаго строя. Для нѣкоторыхъ священнодѣйствій исключительно, которыя прежде регулярно выполнялъ самъ царь и которыя имѣли исключительно религіозный, а не религіозно-государственный характеръ, назначенъ былъ жрецъ съ титуломъ царя, жертвенный царь, *rex sacrorum* или *sacrificulus*; но онъ имѣлъ только *primatus honoris* и не могъ никогда занимать магистратуръ и вообще не имѣлъ никакого политическаго вліянія, какъ и старшіе фламины. Высшая же общая власть въ религіозныхъ дѣлахъ царя—перво-священника перешла къ великому понтифику, хотя и съ ограниченіями необходимыми при новомъ государственномъ строѣ. Не будучи жрецомъ спеціально какого либо одного божества, какъ и всѣ члены этой коллегіи ¹⁾, онъ имѣетъ надзоръ за всѣми жрецами и наблюдаетъ за неукоснительнымъ и правильнымъ выполненіемъ обрядовъ государственныхъ культовъ, а также въ родахъ и семьѣ; онъ назначаетъ или избираетъ нѣкоторыхъ жрецовъ и имѣетъ надъ всѣми жрецами вообще дисциплинарную и судебную власть, онъ одинъ изъ жрецовъ имѣетъ въ извѣстной мѣрѣ

¹⁾ Цицеронъ, *De legib.*: *Divisque ollis sacerdotes, omnibus pontifices, singulis flamines.*

самостоятельныя *auspicia* и *imperium* (т. е. напр. созываетъ народныя собранія для избранія жрецовъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ и руководить ими), вообще представляетъ элементъ магистратуры въ жречествѣ (сакральной сферѣ); онъ хранитель и истолкователь сакрального права (*iudex et arbiter rerum divinarum humanarumque*) и слѣдовательно въ извѣстной степени и установитель его; онъ съ коллегіею даетъ свои заключенія по религіознымъ вопросамъ сенату, народу и разрѣшаетъ недоразумѣнія частныхъ лицъ, касающіяся тѣхъ-же вопросовъ, между прочимъ онъ регулировалъ календарь (Ю. Цезарь въ качествѣ великаго понтифика совершилъ извѣстную великую реформу календаря) и велъ государственную лѣтопись (пока таковая существовала). Оффиціальное жилище великаго понтифика въ „царской палатѣ“, *regia*, здѣсь же хранится архивъ коллегіи понтификовъ, главный духовный архивъ.

Каждый понтификъ оставался въ своемъ званіи пожизненно, какъ и другіе жрецы, былъ несмѣняемъ; но, тогда какъ другія жреческія коллегіи имѣли большею частью ежегодно смѣнявшихся выборныхъ предсѣдателей, магистровъ, великій понтификъ былъ пожизненнымъ главой понтификовъ ¹⁾; кромѣ того онъ дѣйствительно глава своей коллегіи съ болѣе монархическимъ характеромъ; принципъ коллегиальной равноправности и одинаковой компетентности членовъ, который имѣлъ мѣсто въ ординарной магистратурѣ и въ нѣкоторыхъ жреческихъ коллегіяхъ, понтификату чуждъ (Моммзенъ, R. Staatsrecht); великій понтификъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ магистратскаго характера, какъ то „спекціи“, назначеніи жрецовъ, предсѣдательствѣ на выборномъ собраніи, сакральной юрисдикціи былъ единственнымъ носителемъ понтификальной власти и представителемъ всѣхъ ея правъ, а не только равноправнымъ членомъ коллегіи; коллегія была для него *consilium*, она совѣтуетъ ему и помогаетъ въ выполненіи постановленій и общемъ надзорѣ.

Кромѣ выше названныхъ функцій великій понтификъ совершалъ съ понтификами нѣкоторыя самостоятельныя регулярныя жертвоприношенія, и также обязательно ассистовали магистраты въ нѣкоторыхъ важныхъ религіозно-государственныхъ актахъ (напр. при *piacula*, *vota*, *consecratio*).

¹⁾ Пожизненно стояли во главѣ жреческихъ коллегій также *summus haruspex*, *Summus Caeninensis* и *virgo Vestalis maxima*. Большинство же коллегій имѣло годичныхъ (эпонимныхъ) одного (напр. Арвальское братство) или нѣсколькихъ „магистровъ“.

Кромѣ этого, наконецъ, они имѣли ближайшее отношеніе къ нѣкоторымъ культамъ и жрецамъ. Такъ *rex sacrorum* и 3 вышіе фламينا прямо назначались великимъ понтификомъ и прямо зависѣли отъ него; *rex sacrorum*, хотя и имѣлъ всегда почетное предсѣдательство на религіозныхъ пирахъ понтификовъ, во всѣхъ религіозныхъ функціяхъ зависѣлъ отъ великаго понтифика; фламинею Юпитера даже домъ свой могъ покидать только съ его разрѣшенія. Эти жрецы иногда даже причисляются къ коллегіи понтификовъ (Циц., *pro domo*, 52 и *de harusp resp.*, 6).

Этотъ-же блюститель *juris divini* и первосвященникъ находился еще въ болѣе близкомъ и тѣсномъ отношеніи къ культу государственнаго очага и хранительницамъ огня Весты, которыя были непосредственно подчинены ему и еще въ большей степени, чѣмъ выше упомянутые жрецы. Величайшей важности культъ Весты составлялъ предметъ его особенныхъ попеченій и бдительнаго надзора. Онъ распоряжался у государственнаго очага какъ *pater familias*—его официальное жилище не даромъ находилось какъ разъ у храма Весты, смежно съ жилищемъ весталокъ; весталки, а равно фламинею, представляютъ какъ-бы его *familia*, семью. Поэтому великій понтификъ иногда называется жрецомъ Весты, *sacerdos Vestae* (у Овидія *Fast.* III, 699 такъ называется Юлій Цезарь, великій понтификъ). Когда императоръ Ауреліанъ (275) учредилъ понтификовъ Солнца, то прежнюю старинную коллегію этого имени стали называть въ отліііе *pontifices maiores* или понтификами Весты (*pont. Vestae*) отъ культа, который и въ это время все еще принадлежалъ къ ихъ главнѣйшимъ обязанностямъ. Сверхъ того замѣчательно, что какъ понтифики и ихъ глава, такъ и весталки фигурировали вмѣстѣ во многихъ религіозныхъ церемоніяхъ. Какъ выше сказано, Весталки выходятъ изъ—подъ отеческой власти; отсюда понятнo и то, что надъ ними великій понтификъ (и именно онъ одинъ) имѣетъ особенную власть, какъ отецъ въ силу *patria potestas*, весталки подчинялись только великому понтифику одному, не коллегіи понтификовъ.

Великій понтификъ имѣлъ право контролировать и названныхъ фламинновъ и наказывать, но только наложеніемъ штрафовъ или удаленіемъ отъ *sacra*; весталокъ же онъ могъ даже приговаривать къ смерти.

Извѣстно, что отецъ въ силу своей отеческой власти могъ наказывать, продать (см. выше) и даже умертвить сына или дочь; по строгому древнему праву дѣти собственность отца, и вполнѣ подчинялись ему, хотя бы уже были въ зрѣломъ возрастѣ и занимали государственныя должности. Въ формулѣ, произносимой при усыновленіи (*аррогаціи*), лицу усы-

новляющему тоже присваивается право жизни и смерти надъ усыновляемымъ (*jus vitae necisque*). Но по обычаю въ случаѣ важныхъ преступлений сына или дочери отецъ долженъ былъ, прежде чѣмъ принять извѣстное рѣшеніе, выслушать мнѣнія фамилнаго совѣта родственниковъ; и смертный приговоръ изрекалъ лишь въ случаяхъ тяжкихъ преступлений, напр. покушенія на жизнь родителей и политическихъ преступлений (См. напр. Сенека *De clem.* I, 15).

Безпримѣрная отеческая власть древнѣйшаго римскаго права постепенно умѣрлялась и ограничивалась обычаемъ, и это ограниченіе было утверждено закономъ въ императорской періодъ, именно сначала запрещено было умерщвлять сына *inaudito*, а предписывалось въ случаѣ преступленія обвинять передъ столичнымъ префектомъ или намѣстникомъ провинціи; позднѣе *jus vitae necisque* совсѣмъ отмѣнено; однако только съ Константина Великаго умерщвленіе отцомъ сына приравнялось убійству (*patricidium*); теперь уже за нѣкоторые наказанія отецъ обязанъ былъ эмансиповать сына.

Но въ сакральномъ правѣ вообще старина держалась долѣе или въ болѣе рѣзкихъ формахъ. По отношенію къ жепципамъ примѣненіе отцовской власти, естественно, было еще чѣще, ибо для женщины былъ только судъ отца и мужа ¹⁾.

Это строгое право жизни и смерти имѣлъ первосвященникъ надъ Весталками; но при осужденіи виновной на смерть обыкновенно также привлекался совѣтъ понтификовъ (*collegii*), хотя приговоръ опять таки не постановлялся здѣсь коллегею по большинству голосовъ, какъ обыкновенный судебный приговоръ.

Въ 12 году до Р. Х. Августъ принималъ санъ великаго понтифика со всѣми его правами ²⁾ и послѣ него по его примѣру всѣ слѣдующіе

¹⁾ Вотъ одинъ примѣръ приводимый Ливіемъ XXXIX, 190 (рѣчь идетъ о замѣшанныхъ въ оргіяхъ преступныхъ Вакханалій: *mulieres damnatas cognatis aut in quorum manu essent, tradebant, ut ipsi in pirato animadvertent in easi nemo erat idoneus supplicii exactor, in publico animadvertebatur.* Марквардтъ, VII, 5.

²⁾ Пока жилъ послѣдній великій понтификъ республики, Эмилиѣ-Лепидъ, Августъ не имѣлъ этого сана, ибо, какъ сказано, это высокое положеніе было пожизненнымъ; впрочемъ народъ предлагалъ ему этотъ санъ и при

императоры были великими понтификами, нося этот духовный титулъ (по-гр. *архипресбѣ*); титулъ этотъ удерживали и христіанскіе императоры— когда уже былъ и римскій епископъ—до Граціана, который въ 375 году отказался носить его ¹⁾; онъ же положилъ конецъ и культу Весты и учрежденію весталокъ.

Съ принятіемъ Августомъ первосвященническаго сана весталки такимъ образомъ стали въ непосредственное отношеніе къ главѣ государства.

Срокъ служенія весталокъ.

Званіе весталки не было пожизненнымъ, но она должна была обязательно провести на служеніи богинѣ тридцать лѣтъ, все это время и вообще, пока была весталкою, должна была жить близъ храма богини въ упомянутомъ атриѣ Весты* (Діонисій Галик., Плутархъ); только въ случаѣ болѣзни она переводилась въ частный домъ и поручалась заботамъ и надзору матронъ,—конечно, прежде всего родныхъ, если таковыя у нея были; это наблюдалось еще въ IV вѣкѣ послѣ Р. Х. ²⁾.

По истеченіи обязательнаго срока служенія весталка могла, будучи слѣдовательно отъ 36—40 лѣтъ отъ роду, послѣ эксаугураціи оставить атрий, возвратиться въ прежнюю семью и къ прежнему положенію,

жизни Лепида (1), но онъ отказался. Monum. Ancyranum: 'Αρχιερεὺσύνῃ, ἦν ὁ πατὴρ μου ἐσχηκε, τοῦ θεῖμου μου καταφέρωντος εἰς τὸν τοῦ ζῶντος τέκνον οὐ προσεδέξαμην.

¹⁾ Но этому знаменитому языческому римскому титулу суждено было имѣть дальнѣйшую свою исторію въ христіанскомъ мірѣ. Римскій епископъ (послѣ императоровъ Рима, имѣвшихъ духовную власть) принялъ—впрочемъ только уже въ вѣкѣ гуманизма—этотъ языческій титулъ „великаго мостостроителя“, говорящій о глубокой языческой старинѣ, и носить его доселѣ (Philolog. Wochenschrift, 1884). Папская область официально называлась (напр. на монетахъ) *Stato pontificio*.

²⁾ Плиній Младшій (epist. VII, 21) пишетъ о Фанніи, женѣ извѣстнаго Гельвидія Приска и дочери Фразеи Пета, заболѣвшей при ухаживаніи за родственницей своей весталкой Юніей: *Angit me Fanniae valetudo. Contraxit hanc, dum adsidet Iuniae virgini sponte primum (est enim adfinis), deinde etiam ex auctoritate pontificum. Nam virgines, cum vi morbi atrio Vestae coguntur excedere, matronarum curae custodiaeque mandantur. Quo munere Fannia dum sedulo fungitur, hoc discrimine implicita est.* Срв. Геллій, I, 129.

причемъ впрочемъ она была самостоятельною женщиною (см. выше), и даже имѣла право выйти замужъ ¹⁾. Но онѣ рѣдко пользовались этимъ правомъ и обыкновенно оставались жрицами до смерти. Лучшіе годы жизни были проведены на служеніи богини внѣ семьи; ихъ положеніе, съ которымъ они все таки должны были свыкнуться впродолженіе тридцати лѣтъ, сообщало имъ извѣстный отпечатокъ, привычки; вслѣдствіе названныхъ причинъ онѣ и не могли обыкновенно рассчитывать вступить въ бракъ. Съ другой стороны онѣ за отреченіе отъ радостей семейной жизни находили полное удовлетвореніе своему честолюбію во всеобщемъ великомъ уваженіи къ нимъ и необыкновенныхъ привилегіяхъ, присвоенныхъ имъ. Плутархъ (Numa) говорить, что по преданіямъ, многія весталки воспользовались правомъ оставить служеніе богинѣ и выйти замужъ, что будто тѣ, которыя дѣйствительно сдѣлали это, были несчастливы и остальное время своей жизни провели въ раскаяніи и мрачной меланхоліи и этимъ поселили и въ другихъ такой суевѣрный страхъ, что вообще онѣ остаются дѣвственницами до старости и до смерти (Срв. Діон. Гал., II, 67).

Юнія Торквата (*priscæ sanctimoniae virgo*—Тацитъ, *Annal.*, III, 69), называется въ одной надписи (CIL., VI, n. 2128) „жрицею Весты 64-й годъ“; ей должно было быть, слѣдовательно, въ это время по меньшей мѣрѣ 70 лѣтъ отъ роду; но она упоминается въ надписи еще позже, какъ старшая весталка. Выше мы привели мѣсто Тацита о весталкѣ Окціи, проходившей служеніе богинѣ въ продолженіи 57 лѣтъ.

Тридцатилѣтнее служеніе весталки дѣлилось на три равные періода, именно въ первое десятилѣтіе она готовилась, обучалась всему, что требовалось ея назначеніемъ, во второе собственно отправляла обязанности жрицы Весты и наконецъ въ послѣднее учила новопоставленныхъ (Діонисій, II, 67. Плутархъ, Numa; Сенека, *De otio sapientis*).

Такъ свидѣлствуютъ древніе; но это сообщеніе ихъ въ такомъ видѣ безъ всякихъ поясненій возбуждаетъ сомнѣнія, во всякомъ случаѣ не полно. Въ самомъ дѣлѣ такое подраздѣленіе весталокъ по ихъ занятіямъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ было невыполнимо; если напр. умирали двѣ старшія весталки, то могло случаться, что учить приходилось и такимъ, которыя еще не вступили въ періодъ учительства, обязанность блюсти по ночамъ за священнымъ огнемъ иногда приходилось бы напр. двумъ весталкамъ или одной, такъ какъ остальные могли быть отъ нея

¹⁾ Діонисій, II, 62. Геллій, VI, 7.

свободны. Несомнѣнно по крайней мѣрѣ, что *virgo Vestalis maxima* принимала главное участіе въ священнодѣйствіяхъ въ честь Весты и участвовала въ другихъ религіозныхъ церемоніяхъ; на медаляхъ предъ храмомъ Весты видимъ шесть весталокъ ¹⁾).

Мы сказали, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ молодыя весталки должны были приступать къ дѣлу служенія до истеченія перваго десятилѣтія. Въ продолженіе десяти лѣтъ можно конечно пройти цѣлую ееологическую школу; но мы должны помнить, что въ весталки брались иногда дѣвочки даже шести лѣтъ; необходимо было, слѣдовательно, дать имъ уже въ атріѣ Весты хоть элементарное общее образованіе; ибо, хотя модное образованіе женщинъ позднѣйшаго времени считалось неприличнымъ и недозволеннымъ для весталокъ, но онѣ не могли при ихъ высокомъ положеніи и отношеніяхъ оставаться невѣждами; однако главнымъ дѣломъ ихъ въ то десятилѣтіе было религіозное образованіе. Въ чемъ же оно заключалось?

Существенную характерную черту религій Римлянъ и Грековъ составляло, какъ мы уже упоминали, отсутствіе въ нихъ догматическаго элемента и религіозно-нравственнаго кодекса и потому священныя книги, такъ сказать ихъ Библии ²⁾. Не было никакого полнаго систематическаго догматическаго и нравственнаго вѣроученія, которое имѣло бы значеніе обязательное, канона. Отсюда необыкновенная экспансивность античнаго политеизма, отсутствіе исключительности, свойственной восточнымъ религ. системамъ. Нравственный кодексъ народа вырабатывался независимо отъ религіи, на основаніи здраваго смысла народа, его исконнаго обыч-

¹⁾ Мадвигъ о подраздѣленіи на періоды тридцатилѣтія весталки замѣчаетъ: „eine Eintheilung, die übrigens vielleicht der Phantasie der griechischen Schriftsteller entsprungen ist“ (Verfassung und Verwaltung d. röm. St., II, 676.). Но почтенный авторъ не указываетъ на свидѣтельство латинскаго писателя, именно Сенеки *De otio sapientis*, II. (29) изд. Гааззъ: *possit hoc (т. е. contemplationi veritatis totum se tradere) aliquis emeritis iam stipendiis, profligatae aetatis iure optimo facere et ad alios actus referre virginum Vestalium more, quae annis inter officia divisim discunt facere sacra et cum didicerunt docent*“. Ср. также „*omnes gradus sacerdotii*“ въ надписяхъ старшихъ весталокъ.

²⁾ У Римлянъ были только литургическія книги или тексты и пророческія книги Сивиллы, а также книги *libri, commentarii* отдѣльныхъ жреческихъ коллегій, именно содержавшія обрядовыя предписанія, протоколы ихъ рѣшеній и под.

наго права и отчасти измѣнялся съ его общимъ развитіемъ; поэтому же отчасти могла такъ быстро и свободно развиться философія у Грековъ и у Римлянъ и нашла у нихъ такое широкое практическое примѣненіе въ жизни (*vitae dux*). Конечно, то, что сознанію народа въ каждый данный періодъ представлялось нравственно хорошимъ, святымъ, считалось угоднымъ и богамъ и отъ нихъ исходящимъ; но нигдѣ не были формулированы нравственные заповѣди и не выставлялись какъ непреложный общеобязательный нравственный законъ.

Входили въ моду и у Римлянъ учителя краснорѣчія и школы, но религіознаго обученія тутъ не было, религіозныя познанія сообщались въ семьѣ, переходили по традиціи отъ отца къ сыну и состояли въ изученіи обрядовъ и церемоній.

Съ ораторской трибуны магистраты дѣлали народу нужныя сообщенія, уясняли ему разные государственные вопросы; магистраты же въ *contiones* иногда говорили и о религіозныхъ вопросахъ, но только съ практической или политической точки зрѣнія (см. напр. у Ливія, XXXIX); но никто и съ трибуны не поучалъ народъ вопросамъ вѣры и нравственности. Вообще у Римлянъ (какъ и у Грековъ) не было жрецовъ, на обязанности которыхъ лежало бы поучать народъ вѣрѣ и нравственности, не было проповѣдниковъ и проповѣдей. Мы читаемъ у древнихъ объ религіозномъ учительствѣ (*docere*) великаго понтифика и вообще коллегіи понтификовъ (см. напр. Цицеронъ, *de domo*, 55, 14); но эти толкованія касались только обрядовой стороны религіи и то не въ смыслъ уясненія религіозно-нравственнаго и догматическаго значенія обрядовъ, а въ опредѣленіи времени ихъ совершенія, сообщеніи указаній относительно способа выполненія и под.

Что касается передачи обрядности и литургическихъ дѣйствій, то прежде всего обратимъ вниманіе на то, что сначала всѣ жреческія должности (государственнаго культа) замѣщались исключительно патриціями и слѣдовательно религіозныя вообще и культовые традиции могли легко передаваться въ этомъ болѣе тѣсномъ кругу. Такъ какъ члены нѣкоторыхъ фамилій могли послѣдовательно сынъ послѣ отца и т. д. занимать одну и ту-же жреческую должность — извѣстно, что жреческія коллегіи были склонны при выборѣ членовъ давать предпочтеніе сыновьямъ умершихъ жрецовъ — то являлась какъ-бы нѣкоторая наслѣдственность жречества и наслѣдственная передача религіозно-культовыхъ знаній и опытности. Но наслѣдственнаго жреческаго сана въ Римѣ ни одного не было (наслѣдственность впрочемъ всег-

да имѣла мѣсто только въ родовыхъ культахъ, *sacra gentilitia*) ¹⁾. Съ тѣхъ поръ, какъ жреческія должности стали доступны и плебеямъ, случаи такой преемственности религіозной традиціи стали болѣе рѣдки. Съ этого времени особенно, хотя въ извѣстной мѣрѣ и прежде, знанія и практическая опытность въ области культа прибрѣтались молодыми людьми такимъ-же практическимъ способомъ, какой практиковался и для усвоенія необходимыхъ знаній и приемовъ въ области политической жизни. Извѣстно, что сыновья сенаторовъ могли присутствовать съ отцами въ засѣданіяхъ сената, молодые люди поручались руководству извѣстныхъ государственныхъ мужей и ораторовъ, слѣдуя за ними на форумъ и пр., и такимъ образомъ изучали практически краснорѣчіе, законы, знакомились съ ходомъ и характеромъ судебныхъ и политическихъ преній.

При актахъ богослуженія кромѣ собственно взрослыхъ прислужниковъ (*apparitores*) помогали жрецамъ также мальчики, дѣти гражданъ. Это имѣло мѣсто при самыхъ священныхъ церемоніяхъ, они назывались *sacilli* (и *sacillae*); иногда они называются еще *pueri ingenui patrimi matrimi* т. е. свободорожденные, у которыхъ живы родители (ср. греч. ἀμφιδάλεις). Они должны были быть непременно *pueri ingenui patrimi matrimi* при культахъ и жрецахъ болѣе древняго происхожденія, въ особенности при фламйнѣ Юпитера, фламиникѣ, его женѣ (вообще этотъ жрецъ служилъ своему богу со всѣмъ своимъ семействомъ), жрецахъ курій (куріонахъ). Въ нѣкоторыхъ культахъ эти камиллы служивали при религіозныхъ пиршествахъ (напр. 4 *pueri ingenui patrimi et matrimi filii senatorum* во время пиршества Полеваго братства, *fratres Arvales*).

Весьма вѣроятно, что эти мальчики и дѣвочки присутствовали при жертвоприношеніяхъ, играхъ и пиршествахъ не только для прислуживаній, но и для изученія обрядовъ; во всякомъ случаѣ, часто участвуя ассистентами жрецовъ отцовъ, они невольно знакомились съ обрядностью и такимъ образомъ болѣе другихъ оказывались подготовленными стать преемниками отцовъ въ жреческихъ званіяхъ. Если же въ жреческую коллегію избиралось лицо, неподготовленное спеціально для его задачи, то должно было предварительно употребить нѣкоторое время на соответствующую подготовку.

Итакъ, какъ мы видѣли, для другихъ жречествъ часто прибрѣта-

¹⁾ Въ Греціи были въ разныхъ мѣстахъ наслѣдственные жречества, напр. въ родахъ Этеобутадовъ, Вериковъ. См. Шеманъ, *Griech. Alt.* II.

лись нужныя познанія и вообще подготовка въ дѣтствѣ; на служеніе ж Весты всегда брали дѣвушекъ въ весьма раннемъ дѣтскомъ возрастѣ („*parvae teneris capiuntur in annis*“ — Пруденцій) и съ самаго момента „взятія“ онѣ отрѣшались отъ семьи и становились жрицами, дѣвами Весты, но сначала нѣсколько лѣтъ обязательно приготавлились, учились, безъ сомнѣнія при этомъ тоже кое въ чемъ помогая служащимъ весталкамъ.

За это время нужно было новопостриженную пригготовить въ нравственномъ отношеніи достойною высокаго служенія, воспитать въ ней извѣстнаго рода монашескій идеалъ, а также сообщить необходимыя свѣдѣнія и практическую подготовку для выполненія ея обязанностей.

Римляне вообще наблюдали необыкновенно строго обрядовую сторону религіи и культъ Весты въ частности требовалъ особенно тщательнаго отношенія жрицъ къ дѣлу, точнаго знанія обрядовъ, необыкновенной чистоты нравственной и привычки къ особенной опрятности и блдтельности. Этого можно было достигнуть, только поручая новіцятку въ столь раннемъ возрастѣ непрерывному, внимательному и опытному руководству самихъ же старшихъ весталокъ.

Между прочимъ новоизбранная весталка должна была изучать тексты молитвъ, такты и напѣвы священныхъ гимновъ и кромѣ священнодѣйствій собственно относящихся къ культу Весты знакомиться также съ другими священнодѣйствіями, въ которыхъ, какъ увидимъ, весталки принимали участіе.

Въ одной изъ надписей (364 года по Р. X.) старшей весталкѣ—имя ея уничтожено ~~полтифити~~—воздается хвала за ея цѣломудріе а также за удивительныя знанія въ сакральной сферѣ (*ob meritum castitatis pudicitiae adque in sacris religionibusque doctrinae mirabilis*); на другой надписи (Флавія Публиция) стоитъ между прочимъ: *cuius in sacris peritissimam operationem respublica in dies feliciter sentit* (R. Lanciani, *Atrio di Vesta*, стр. 20 и 23).

Ученіе новой весталки, кажется, главнымъ образомъ было обязанностью старѣйшей весталки, *virgo Vestalis maxima*¹⁾.

¹⁾ Валерій Максимъ, 1, 1, 7 упоминаетъ *maximae virginis Aemiliae discipulam*, ученицу старшей весталки Эмилиі.

Старшинство, *maximatus, virgo Vestalis maxima*.

Старшинство ¹⁾ между весталками опредѣлялось возрастомъ и сч-мая старшая между ними, *virgo Vestalis maxima* (ἡ πρεσβύουσα, ἡ ἀρχιέρεια) была какъ-бы настоятельницаю ²⁾.

У одного писателя (комментарій Сервія къ Энеидѣ VIII, 82) говорится о трехъ *Vestales maximae*; но, можетъ быть, это не точное выраженіе; во всякомъ случаѣ въ смыслѣ титула это наименованіе принадлежало только самой старшей по возрасту весталкѣ.

Впрочемъ древніе авторы не даютъ намъ опредѣленныхъ, ясныхъ и обстоятельныхъ указаній какъ относительно упомянутыхъ трехъ періодовъ тридцатилѣтняго служенія весталокъ, такъ и взаимнаго отношенія ихъ и дѣятельности по возрастамъ и степенямъ и чередованія въ отправленіи главныхъ обязанностей. Нѣчто прибавляютъ къ нашимъ даннымъ свѣдѣніямъ по этому вопросу надписи, одна CIL. n. 2135. и двѣ изъ найденныхъ при послѣднихъ раскопкахъ атрія Весты (см. Lanciani, *Atrio di Vesta*). Одна сдѣланная въ 257 г., какъ обозначено на другой сторонѣ предѣстала (Valeriano Aug. III et Gallieno Aug. III Coss). Вотъ эта надпись):

¹⁾ Слово *maximatus* не встрѣчается ни у одного древняго писателя и вообще впервые теперь для обозначенія старшинства весталки, найдено въ одной надписи открытой при послѣднихъ раскопкахъ атрія Весты. Вотъ эта надпись:

COELIAE. CLAUDIANAE. V. V.
MAX. SANCTISSIMAE. RELIGI
OSISSIMAE. AC. SVPER. OM
NES. PISSIMAE. CVIVS. OPE
RA. SACRVM. CVBERNAN
TE. VESTA. MATRE. MAXI.
MATVS SVI. X. X. CONPLEBIT.
AVRELIVS. ERVCIVSVS. CIL.
ENS. ET. CANDIDATVS. BENIG
NITATAE. EIVS. PROBATVS.
SIC. XX. SIC. XXX. FELICITER.

²⁾ У Тацита *Ann. XI, 32: Vibidia virginum Vestalium vetustissima*. Овидій, *Fast. IV, 639* говоритъ: „*Ignе cremat vitulos quae natu maxima virgo*“.

Жрицы, служившія Благой богинѣ (В. dea), насколько можно заключать изъ отрывочныхъ упоминаній о нихъ, составляли родъ духовной коллегии, какъ и весталки; во главѣ ея стояла (одна?) „магистра“; упоминаются между ними также *ministrae*. См. Преллеръ, *R. Mythologie u Roscher, Lexicon der gr. und röm. Mythologie*, ст. *Bona dea*.

FL. PVBLICIAE. V. V. MAX.
 SANCTISSIMAE. AC. RELIGIOSIS.
 SIMAE. QVAE PER. OMNES. GRADVS.
 SACERDOTII. APVT. DIVINA. ALTARIA
 OMNIVM DEORVM. ET. AD. AETERNOS IGNES
 DIEBVS NOCTIBVSQUE. PIA MENTE. RITE.
 DESERVIENS. MERITO. AD HVNC.
 LOCVM. CVM AETATE. PERVENIT
 BAREIUS. ZOTICUS. CVM. FLAVIA
 VERECVNDА SVA. OB EXIMIAM. EIVS.
 ERGA SE. BENEVOLENTIAM. PRAESTANTIAMQ.

Въ другой надписи (Lanciani, 19) въ честь этой-же великой весталки находимъ также упоминаніе всѣхъ степеней жречества, именно въ ней стоитъ: cuius sanctissimam et religiosam curam sacrorum, quam per omnes gradus sacerdotii laudabili administratione operatur, numen sanctissimae Vestae matris comprobavit.

„Такъ какъ дѣвушки избирались въ раннемъ дѣтствѣ, говоритъ Ланчани, то могло случаться вслѣдствіе ранней смерти нѣкоторыхъ, что весталка достигала старшинства (maximatus) весьма молодою; но вообще говоря, потому ли что затворницы довольно долговѣчны, или потому, что немногія между ними оставляли служеніе по истеченіи законнаго тридцатилѣтія, Vestalis maxima присоединяла къ достоинству, присущему ея сану, также то, которое даетъ почтенная сѣдина. Изъ сопоставленія почетныхъ надписей Юніи—Торкватѣ (CIL., VI, 2127 и 2128) выходитъ, что, послѣ 64 лѣтъ служенія она еще не достигла старшинства. Терентія Флявола достигла его сорокъ лѣтъ спустя послѣ посвященія ей надписи CIL., VI, п. 2130, которая была поставлена въ 254 году. Очевидно, что какъ Юніи Торкватѣ, такъ и Т. Фляволѣ предшествовали аббатессы весталки такого-же желѣзнаго здоровья“.

Старѣйшая весталка, самая опытная, играла главную и руководящую роль при священнодѣйствіяхъ (Овидій, Fast., IV, 635) и пользовалась наибольшимъ почетомъ и вліяніемъ. Мессалина, предвидя свою гибель, проситъ заступничества передъ великимъ понтификомъ Клавдіемъ именно у старѣйшей дѣвы Весты, Вибидіи. До насъ дошло нѣкоторое количество надписей въ честь virgines Vestales maximae; онѣ выставлены были въ ихъ обители и нѣкоторыя выражаютъ признательность имъ за ихъ успѣшное ходатайство и заступничество. Старшія весталки наравнѣ съ консулами, префектомъ столицы и rex sacrorum изъяты ихъ цензорской власти

Валеріана въ декретѣ, коимъ этому императору предоставлена была цензура (Требеллій Полліонъ). Казенные рабы (*servi publici*), состоящіе при храмѣ и атриѣ Весты, при отпущеніи на волю получали имя старѣйшей весталки (*liberti* и *libertae virginum Vestalium*).

Обязанности весталокъ. Культъ Весты.

Весталки были жрицами одной богини и главныя ихъ обязанности касались культа Весты, но кромѣ этого онѣ принимали участіе и въ другихъ религіозныхъ актахъ и притомъ въ нѣкоторыхъ регулярно повторявшихся каждый годъ и въ нѣкоторыхъ экстраординарныхъ случаяхъ. Мы будемъ сначала говорить объ ихъ служеніи Вестѣ.

Главный предметъ въ храмѣ Весты и вообще въ культѣ ея составлялъ неугасаемый, вѣчный ея огонь. Въ виду особенно выдающагося наченія этого вѣчнаго огня у Римлянъ и его знаменитаго культа, кажется, будетъ полезно, прежде чѣмъ говорить объ этомъ послѣднемъ, указать на подобные же обряды у другихъ народовъ и такимъ путемъ попытаться опредѣлить ихъ начало и причину ихъ возникновенія.

Что огонь долженъ былъ поражать первобытнаго человѣка и представляться ему чѣмъ-то божественнымъ и потому сталъ предметомъ его поклоненія, это очень понятно, естественно. Но что вызвало религіозный обычай поддерживать непрерывно огонь въ частномъ домѣ или въ храмѣ, каковъ его смыслъ?

„Огонь домашняго очага—говоритъ Прейнеръ—былъ священнымъ и непрерывнымъ, конечно потому, что огонь по своей природѣ казался священнымъ и служилъ жертвеннымъ огнемъ“... Вѣчные огни суть существенно огни культа жертвъ, символы непрерывнаго культа боговъ ¹⁾.“ Шеманнъ также видитъ въ поддержаніи въ храмахъ вѣчнаго огня какъ бы родъ непрерывной жертвы ¹⁾.

Въ Зевсѣ, высокомъ, чистомъ, сіяющемъ богѣ неба, предполагаетъ Прейнеръ, и въ возносящемся къ нему чистомъ, вѣчно живучемъ, огнѣ можно видѣть древнѣйшіе символы вѣры и культа Индо-Германцевъ. Древнѣйшимъ божествомъ ихъ было де небо, небесный сводъ, оно же и у Грековъ считалась главнымъ мѣстопробываніемъ боговъ, когда изъ него выдѣлилось конкретное лицо, отецъ боговъ и людей; у Евреевъ богъ есть владыка небесныхъ силъ и для насъ жилище бога въ особен-

¹⁾ Die ewigen Feuer wesentlich Cultusfeuer, Symbole des immerwährenden Cultus sind).

номъ смыслъ есть небо, которое и мы смѣшиваемъ обыкновенно съ видимымъ небомъ; естественно же поэтому у язычника являлось простое и возвышенное представленіе, что пламя, восходящее отъ земли къ высокому небу, несло туда его молитвы и дары, слѣдовательно являлось Посредникомъ между человѣкомъ и божествомъ. Собственно и первоначально пламя возсылалось къ вышнимъ божествамъ; мы же находимъ вѣчные огни также иногда въ храмахъ напр. подземнымъ богамъ, и жертвы имъ сожигались; въ этихъ случаяхъ—полагаетъ Преинеръ—пламя выражало уже только общее отвлеченное понятіе приношенія. Затѣмъ, продолжаетъ онъ, остается еще кромѣ этой отвлеченной идеи приношенія только одинъ конкретный моментъ, именно что съ чистымъ, блистающимъ, живымъ огнемъ приносится богамъ нѣчто имъ пріятное, родственное (но составлялъ ли огонь самъ по себѣ жертву?). Эта мысль несомнѣнно также имѣла мѣсто при неугасаемыхъ жертвенныхъ огняхъ Altarfeuern) и лампадахъ. „Именно непрерывное продолженіе союза между людьми и богами—такъ заканчиваетъ Преинеръ главу о значеніи вѣчнаго огня, должны были обеспечивать вѣчные огни, *ἐστίαι*, коихъ пламя возносилась къ богамъ какъ въ частномъ домѣ, такъ и государственномъ (пританеѣ, храмѣ ¹⁾).

Такія и подобныя представленія о вѣчномъ огнѣ во всякомъ случаѣ могли имѣть мѣсто только уже на болѣе высокой стадіи религіознаго развитія народа и едва-ли когда были общенародными. Мы думаемъ, что вообще не было при этомъ такихъ ясныхъ представленій о символическомъ значеніи обряда. Потому ли или потому ли только погашеніе огня Весты считалось столь зловѣщимъ, что этимъ прерывалось общеніе человѣка съ божествомъ? Древніе говорятъ только, что такой случай считался крайне зловѣщимъ, что съ вѣчнымъ огнемъ связано самое существованіе государства. Естественнѣе предположить и объяснить дѣло такъ ²⁾, что погашеніе огня считалось въ данное время зло-

¹⁾ Въ другомъ мѣстѣ стр. 282., сказавъ, что государство находилось въ величайшей опасности—по вѣрованію Римлянъ—когда погасалъ огонь Весты, онъ поясняетъ: „Dann ist der Cult und damit die Verbindung des Staats mit der Gottheit von Seiten der Menschen her unterbrochen“.

²⁾ Объясненіе, ниже приводимое, даетъ Фразеръ въ выше названной статьѣ, изъ которой главнымъ образомъ мы заимствуемъ данныя; объясненіе это не имѣ впервые дано (Фразеръ указываетъ между пр. на Fritsch, Die Eingeborenen Süd—Africas, 1872) и вообще оно легко каждому приходитъ въ

вѣщимъ потому, что и прежде всегда у предковъ оно считалось такимъ-же; а то, что погашеніе огня грозило бѣдою и поддерживаніе его было залогомъ благополучія, указываетъ, надо полагать, на то, что вѣкогда поддержаніе постоянного огня имѣло весьма существенное, для каждаго очевидное значеніе для жизни человѣка.

Итакъ нужно знать, что вызвало обычай поддерживанія постоянного огня, не извѣстно-ли примѣровъ существованія этого обычая еще не получившаго религіознаго освященія култоваго характера?

Что начало этого обычая восходитъ къ первобытной стадіи человѣческой культуры, видно изъ того, что въ случаѣ погашенія и вообще священный огонь возобновлялся самымъ примитивнымъ образомъ, именно посредствомъ тренія двухъ кусковъ дерева одинъ о другой или буравленія (Tailor, *Early History of Mankind*, p. 23 f.; Klemm, *Culturwissenschaft*, *Das Feuer* p. 67; A. Kuhn, *Die Herabkunft des Feuers*, p. 12). Поэтому первоначальное значеніе римскаго обычая нѣсколько уяснится отъ сравненія его съ подобными же обычаями у народовъ, стоящихъ на низкой ступени развитія.

Путешественникъ Андерсовъ сообщаетъ, что въ южной Африкѣ у племени Дамара (Damaras) дочь главы племени является тѣмъ-же, чѣмъ была весталка у Римлянъ.

Кромѣ служенія вообще при жертвоношеніяхъ на ея обязанности лежитъ поддерживать священный огонь. Около шатра главы племени поддерживается постоянно пылающій огонь; а въ случаѣ дождя и вообще дурной погоды онъ переносился въ жилище жрицы (дочери его); когда надо было переимѣнить мѣсто стоянки, то она идетъ впереди воловъ съ частью этого чистаго огня, самымъ тщательнымъ образомъ охраняя его отъ погашенія. Когда огонь погасъ, то это считается большимъ бѣдствіемъ, все племя въ траурѣ собирается, и приносится много умиловительныхъ жертвъ (скотъ); затѣмъ возобновляютъ огонь, добывая его посредствомъ тренія кусковъ дерева. Когда часть племени выдѣляется, то часть священнаго огня дается вождю этой эмиграціи, и обязанности весталки тогда передаются дочери этого вождя ¹⁾.

голову и въ тоже время вполне научно, подтверждается научными изслѣдованіями. Мы приводимъ также названія нѣкоторыхъ сочиненій, которыми пользовался Фразеръ; эти указанія могутъ быть полезны иному читателю.

¹⁾ Фразеръ, какъ выше сказано, доказываетъ что греческій пританей и храмъ Весты въ Римѣ были первоначальными жилищами царя и это послѣд-

Итакъ мы видѣли обычай поддерживать неугасаемый огонь у дикаго племени африканскаго; но онъ носить уже религіозный характеръ; но у дикарей же мы встрѣчаемъ этотъ обычай, еще не получившій религіознаго освященія, и теперь первоначальная его *raison d'être* для насъ ясна. Надо вспомнить, что, тогда какъ напр. воду человекъ встрѣчаетъ во многихъ мѣстахъ безъ труда, огонь ему приходилось добывать и только въ рѣдкихъ случаяхъ могъ онъ его взять изъ сопки или вулкана ¹⁾; и огнемъ, падающимъ съ неба не такъ легко овладѣть, какъ собрать дождевую воду. Дикарямъ обыкновенно приходится добывать огонь посредствомъ тренія двухъ кусковъ дерева одинъ о другой или сверленія.

Процессъ этотъ труденъ, особенно въ сырую погоду; поэтому имъ приходится поддерживать всегда огонь (Taylor, New Zealand and its inhabitants 1870; Fubbeck, Origin of Civilisation); это наконецъ является вполне необходимою, когда дикіе совсѣмъ не знаютъ и способовъ добыванія огня; а примѣры такихъ дикарей извѣстны.

Постепенно обычай поддерживать неугасаемый огонь получилъ другой характеръ; не вызываемый болѣе необходимою, онъ держался по преданію въ силу вѣковой привычки, получилъ характеръ религіознаго установленія, и какъ нѣкогда погашеніе огня у дикаго народа нарушало совершенно нормальный ходъ его жизни, было несчастіемъ, такъ впоследствии погашеніе вѣчнаго священнаго таинственнаго огня грозило, по вѣрованію, гибелью государству или дому.

„Разъ обычай храненія постоянного огня возникъ, говоритъ Фразеръ, въ концѣ концовъ его, такъ сказать, канонизація была неизбежною.

нее имѣло круглую форму и весталки были дочерью моря. Въ данномъ мѣстѣ онъ особенно указываетъ на полную аналогію этихъ обычаевъ и под. съ тѣмъ, что было, по его мнѣнію, въ Римѣ въ древнейшее время и въ Греціи. Въ обоихъ случаяхъ жилище главы племени круглой формы съ зонтиковидною крышею; въ его жилищѣ (или внѣ его—въ хорошую погоду) пылаетъ вѣчный огонь, поддерживаемый весталкою, его дочерью; его погашеніе считается великимъ бѣдствомъ, и грозящее бѣдство должно быть отвращено жертвами, возобновляется огонь посредствомъ тренія и пр. Совершенно тоже въ древнѣйшее время въ Римѣ.

1) Мэнъ предполагаетъ, что жители Андаманскихъ острововъ добыли себѣ первоначально огонь изъ одного ихъ двухъ вулкановъ этихъ о-вовъ. Ср. Пашель, *Völkerkunde*, 1885, стр. 188. Можетъ быть, и небо Промея была вершина какого нибудь высокаго вулкана.

Среди массы немнящаго челоѣчества установившіеся обычаи получаютъ такое-же важное значеніе, какое мы придаемъ неизмѣннымъ законамъ природы; время возвышаетъ ихъ смыслъ и освящаетъ то, что обыкновенно, пока наконецъ люди не стануть вѣрить, какъ вѣрили въ Римѣ, что существованіе великой державы зависитъ отъ поведенія одной дѣвушки “.

Андаманскіе островитяне по свидѣтельству Мена, E. H. Man (близко знакомому съ ихъ бытомъ, его сочиненіе *Aboriginal Inhabitants of the Andaman Islands*, 1885), никогда не были знакомы съ способами искусственнаго добыванія огня и посему принимаютъ всѣ предосторожности для предотвращенія погашенія его. Оставляя на нѣсколько дней свое становище, они берутъ съ собою одинъ или нѣсколько тлѣющихъ кусковъ дерева, когда сырая погода, то обвертываютъ ихъ листовою; и кромѣ этого они кладутъ большое горящее полѣно или большую кучу хворосту въ какомъ—нибудь защищенномъ мѣстѣ, гдѣ огонь поддерживался въ продолженіи нѣсколькихъ дней—для этого всегда выбираюсь соотвѣтственное дерево—и легко могъ быть разведенъ. Упомянутый авторъ свидѣтельствуеъ, что огонь этотъ у Андаманцевъ не священный, поддерживаетъ его тотъ кому въ данномъ случаѣ удобнѣе, его погашеніе не сопровождалось суевѣрнымъ страхомъ. Тасманійцы (*Tasmanians*) не помнили, чтобы они когда либо добывали огонь, и способъ добыванія посредствомъ тренія имъ неизвѣстенъ; поэтому они никогда не допускали у себя огню погаснуть/при передвиженіяхъ женщины носли головню съ огнемъ; къ ихъ обязанностямъ относилось поддержаніе неугасаемаго огня.

Обычай поддерживать постоянный огонь былъ вызванъ и обусловливался первоначально практическою необходимостію; но не во всѣхъ мѣстахъ добываніе огня было одинаково трудно и погашеніе его въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ по мѣстнымъ условіямъ должно было сопровождаться особенно дурными послѣдствіями; соотвѣственно этому, можно предполагать, и обычай поддерживать священный неугасаемый огонь (первоначально обыкновенный огонь) въ иныхъ странахъ или мѣстностяхъ былъ болѣе или менѣе распространенъ и укоренился.

Въ частности по отношенію къ Лаціуму и Риму указываютъ на одно такое естественное мѣстное условіе, которое будто бы способствовало въкорененію обычая поддерживать постоянный огонь въ этихъ мѣстахъ.

Именно Момзенъ (*Римская исторія*, I) указываетъ на нездоровый характеръ этой мѣстности. Извѣстно, что лихорадка всегда была и теперь есть самая распространенная болѣзнь въ Италіи и между прочимъ

въ древнемъ Лаціумѣ и Римѣ она была эндемическою болѣзнію и при томъ въ злокачественной формѣ; можетъ быть, и опустошительныя эпидеміи, pestilentiae Рима, о которыхъ не разъ упоминали лѣтописцы и историки Рима, представляли видъ злокачественной лихорадки (febris malarica). Древніе вообще жалуются на нездоровый воздухъ Рима; Фронтинъ утверждаетъ, что прекрасное водоснабженіе Рима улучшило его гигиеническія условія, его воздухъ (см. наше Водоснабженіе др. Рима I, 278); Цицеронъ I, 26, выставяя мудрость основателя города, говоритъ все же, что онъ выбралъ здоровое мѣсто *въ нездоровой мѣстности* (locum in regione pestilenti salubrem ¹⁾). Моммзенъ полагаетъ, что культъ очага въ Лаціумѣ обуславливался или вызванъ именно гигиеническими условіями (mit gesundheitspolizeilichen Rücksichten zusammenhängend). „Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ онъ, ничто столь вѣрно не защищаетъ отъ aria cattiva (дурнаго воздуха), какъ пошеніе шкуръ животныхъ и пылающій огонь; этимъ объясняется, почему римскій поселянинъ ходитъ постоянно одѣтый въ тяжелую шерстяную одежду и всегда поддерживаетъ огонь на своемъ очагѣ ²⁾“. Г. Ниссенъ (Italische Landeskunde I, стр. 414.) говоритъ: „Наилучшую защиту противъ яда (лихорадочнаго) представляетъ во первыхъ умѣренный и воздержный образъ жизни, затѣмъ шерстяная одежда, предохраняющая отъ сырости и простуды, наконецъ огонь очага и сплоченное поселеніе. Жители отдѣльно лежащихъ дворовъ, а также тѣ, коимъ приходится проводить ночь на открытомъ воздухѣ въ мѣстахъ съ лихорадочнымъ воздухомъ никогда не преминутъ развести огонь, чтобы удалить дурной воздухъ. Послѣдній по опыту, сдѣланному въ Италіи и другихъ странахъ безчисленное число разъ, наименѣе дѣйствуетъ тамъ, гдѣ дымится наибольшее число огней, гдѣ населеніе живетъ скученно“ Итакъ огонь хранилъ человѣка какъ въ жилищѣ, такъ и внѣ его отъ смертоноснаго духа лихорадки.

У Грековъ поддерживали священный неугасаемый огонь какъ въ пританеяхъ, такъ и въ нѣкоторыхъ храмахъ (Плутархъ, Numa), такъ напр. извѣстна неугасаемая лампада въ Эрехтеонѣ въ Аѳинахъ (Прейнеръ, 196). У Литовцевъ въ храмѣ Прауримы горѣлъ неугасаемый огонь; его поддерживали дѣвушки, давашія обѣтъ цѣломудрія. У древнихъ

¹⁾ См. Иорданъ, Topographie I, I, 148.

²⁾ Всякому, путешествовавшему по Италіи, особенно хорошо памятли предостереженія этого рода.

Кельтовъ также поддерживался священный огонь (дѣвами). Въ Кильдарѣ въ Ирландіи священныя дѣвы поддерживали вѣчный огонь, посвященный Св. Бригитѣ (Гриммъ, D. Myth. 1).

Въ Перу дѣвы Солнца хранили сиященный огонь, и его погашеніе было дурнымъ знаменіемъ. Дѣва, не сдержавшая обѣта цѣломудрія, зарывалась живою въ землю. Въ Куско дѣвы были дочери Инки и его родственниковъ, въ провинціяхъ, можетъ быть, дочери знатнѣйшихъ лицъ, но главная дѣва была непременно царской крови. Бѣглый преступникъ, которому удавалось припасть къ ногамъ дѣвы Солнца во время торжественной процессіи ихъ по улицамъ, избѣгалъ наказанія. Въ Мексикѣ въ большихъ храмахъ передъ каждою капеллою стоялъ каменный очагъ съ вѣчнымъ огнемъ, который поддерживали дѣвы и жрецы; случайное погашеніе огня считалось зловѣщимъ; жрицы (иногда онѣ служили съ отроческихъ лѣтъ) иногда давали обѣтъ дѣвства, и за невоздержаніе полагалась смерть. У Ирокезцевъ также было нѣчто въ родѣ института весталокъ, погашеніе священнаго огня, по ихъ вѣрованію, грозило ихъ національному бытію. Фразеръ указываетъ еще на обычай поддерживать неугасаемый огонь на Юкатанѣ и въ Луизианѣ.

Верховное наблюденіе за подрежаніемъ непрерывнаго огня, имѣвшаго столь важное, существенное значеніе, въ древнѣйшее время принадлежало главѣ племени или поселенія ²⁾, соотвѣтственно этому и впоследствии священный огонь поддерживается отъ государства, въ домѣ ли царя, въ пританѣ или храмѣ; но въ домѣ какъ первоначально простой огонь такъ впоследствии священный могли хранить и частныя лица въ домахъ. „Обычай, существовавшій и существующій, поддерживать вѣчный огонь

¹⁾ Garcilasso della Vega, Royal Commentaries of the Ynkas, ^{Markham's} Markham'a. Гарсилассо былъ сыномъ принцессы Инки и родился около 10 лѣтъ спустя послѣ завоеванія Перу Испанцами. Объ этихъ дѣвахъ Солнца говоритъ и Бутковский въ концѣ своей книжки „Весталки etc.“

²⁾ Если глава племени поддерживалъ огонь въ своемъ домѣ, разсуждаетъ Фразеръ, то естественно, что огонь сталъ разсматриваться какъ символъ и принадлежность царя, и потому огонь носили иногда передъ царемъ, какъ нѣкогда въ старину передъ его предшественникомъ, вождемъ кочующей орды. Огонь носили передъ азіатскими царями (Ксеноф., Киропедія, VIII, 3, 12. Амм. Марцеллинъ, XXIII, 8, 3 4; Кв. Курцій, III, 3, 7.), а отъ нихъ обычай былъ усвоенъ позднѣйшими римскими императорами. Передъ спартанскими царями на войнѣ носили огонь изъ ихъ домовъ и не гасили его (Respubl. Laced., 13.).

въ частныхъ домахъ, говоритъ Фразеръ, подтверждаетъ то положеніе, что первоначальною причиною, вызвавшею храненіе огня, была необходимость. Прибавимъ, что въ частномъ домашнемъ быту языческая старина вообще сохраняется весьма долго, послѣ того какъ она вытѣснена изъ, государственной жизни.

Обычай хранить неугасаемый огонь въ частныхъ домахъ весьма распространенъ; среди Индо-европейскихъ народовъ онъ встрѣчается отъ Шотландіи до Индостана, и не только у этой вѣтви народовъ. Въ Новой Зеландіи средняя часть крыши поддерживается въ центрѣ жилища столбомъ, нижняя часть котораго обдѣлана и представляетъ подобіе человѣческой фигуры и должна изображать родоначальника семьи; непосредственно передъ изображеніемъ предка находится очагъ, на которомъ непрерывно поддерживается огонь. „Вотъ Веста и Ларъ вмѣстѣ“, замѣчаетъ Фразеръ. У Индейцевъ Гвіаны огонь обыкновенно поддерживается непрерывно въ каждомъ домѣ. Въ хижинѣ Лапландца онъ горитъ безъ перерыва лѣто и зиму. На Корей огонь постоянный поддерживаютъ съ величайшею осторожностію, чтобы онъ могъ переходить отъ поколѣнія къ поколѣнію; а погашеніе его считается зловѣщимъ знаменіемъ. Въ Ведахъ говорится о поддержаніи вѣчнаго огня, и нынѣ въ Бенаресѣ благочестивые брамины поддерживаютъ огонь въ своихъ домахъ. У древнихъ Иранцевъ тоже существовалъ этотъ обычай ¹⁾.

У древнихъ классическихъ народовъ обычай поддерживать огонь въ домахъ также существовалъ ²⁾.

У древнихъ Римлянъ существовалъ несомнѣнно обычай поддерживать постоянный огонь въ частныхъ домахъ, но у древнихъ авторовъ—можетъ быть, случайно—сохранилось о немъ немного у поминанійи Прей-

¹⁾ Но сѣверо-германскій обычай мы указали выше на стр. 16. (сл. Преллера. У южныхъ Славянъ въ настоящее время.) въ очагѣ поселанина поддерживается постоянно, погашеніе его считается зловѣщимъ (Kraus, Sitte und Brauch der Südslaven, 1885.)

²⁾ Прейнеръ, 262: „Die Scheit vor Löschung des Feuers auch im Privat-haus ist offenbar graeco-italisch“. Фразеръ видитъ слѣды языческой старины у Грековъ въ обычаѣ поддерживать неугасаемый огонь въ лампадахъ передъ иконами; онъ будто у Грековъ весьма строго соблюдается; погашеніе огня дурное знаменіе; огонь переносить и въ новый домъ.

перь считаетъ несомнѣннымъ, что обычай этотъ не былъ всеобщимъ и не выполнялся строго ¹⁾

Мы выше указали на обычай поддерживать постоянный огонь въ домѣ у разныхъ народовъ, видѣли, какъ жители нынѣшней *Campania di Roma* поддерживаютъ всегда огонь въ своемъ жилищѣ и почему; но самый замѣчательный примѣръ въ этомъ родѣ, яркій и живой остатокъ старины находимъ тоже въ Италіи, въ Калабріи—поддерживаніе постоянного огня на очагѣ въ частныхъ жилищахъ, напоминающее древній „вѣчный огонь“ храма Весты. По свидѣтельству Винченцо Дорсо (*La tradizione greco—latina negli usi e nelle credenze popolari della Calabria citeriore. Cosenza 1884*) въ домѣ поселянина Калабріи огонь на очагѣ поддерживается всегда непрерывно, даже въ лѣтнюю жару, его гасятъ только въ случаѣ смерти въ семьѣ; вообще его погашеніе считается дурнымъ преднаменованіемъ; попеченіе объ огнѣ поручается специально заботамъ дѣвушекъ семьи и онѣ приходятъ въ ужасъ и уныніе, когда случайно огонь погасаетъ. „Вотъ предъ нами весталки въ зачаточномъ состояніи, восклицаетъ Фразеръ по этому поводу—„и довольно раввитая Веста“. У Калабрійцевъ также существуетъ такой видъ клятвы: кланущій-

¹⁾ Тибулъ I, 1, 6: *Me mea paupertas vita traducat inerti, Dum meus assiduo luceat igne focus*. Марціалъ (X, 47) говоритъ, что для счастливой жизни нужны между прочимъ: *Non ingratus ager, focus perennis*. Арнобій (писатель IV вѣка) *Adversus nationes*, II, 67 упрекаетъ Римлянъ въ томъ, что они все еще поддерживаютъ внутри жилищъ постоянный огонь (*in penetralibus perpetuos fovetis focus*). Прейнеръ, 233.

Г. Иорданъ въ только что (сентябрь 1886) вышедшемъ сочиненіи „*Der Tempel der Vesta und das Haus der Vestalinnen*“—имъ мы поэтому могли пользоваться только для остальной части нашей работы—указываетъ еще стр. 61) на Катона *De re rust.*, 143 и *Moretum*. У Катона въ указанномъ мѣстѣ говорится, что жена завѣдующаго имѣніемъ (*villicus*) должна ежедневно передъ отходомъ ко сну очистить очагъ, затѣмъ въ извѣстные дни и въ праздники возлагать на него вѣнокъ и пр; въ *Moretum* (ст. 8 сл.) говорится что на очагѣ поселянина и ночью тлѣетъ искра огня и угромъ снова раздувается въ пламя. „Это понятныя указанія доказывающія, что забота о под- (держаніи всегда огня на очагѣ и въ Италіи есть дѣло хозяйки и это же, даетъ надежное основаніе для объясненія дѣвичьяго служенія Вестѣ. (Иорданъ).

ся быстро схватывает пальцами немного огня и говорить: „Клянусь этимъ свѣтомъ, огнемъ божіимъ“.

Переходимъ къ государственному культу вѣчнаго огня въ Римѣ, наиболѣе извѣстному и знаменитому изъ всѣхъ подобныхъ огней древняго и новаго языческаго міра.

Прежде всего на обязанности весталокъ лежало поддерживать днемъ и ночью непрерывно этотъ священный неугасаемый огонь ¹⁾. пылавшій на жертвенникѣ (ara Vestalis, ἱεράρις у Діонисія и др.) въ храмѣ Весты, государственнымъ очагъ (focus publicus). Это главная ихъ обязанность въ сферѣ культа Весты и вообще, въ то-же время она и самая трудная.

„Virgines Vestales in urbe custodiunt ignem foci publici sempiternum“ (Вестины дѣвы да хранятъ въ городѣ вѣчный огонь государственнаго очага) гласитъ законоположеніе у Цицерона (De legibus III, 8, 20). Въ приведенной выше надписи о старшей весталкѣ Флавіи Публиціи говорится, что она на всѣхъ ступеняхъ своего служенія съ чистыми мыслями и какъ подобаетъ служила у вѣчнаго огня денно и ночно (ad aeternos ignes diebus noctibusque pia mente rite deserviens).

Цицеронъ (pro. Fonteio) говоритъ о весталкѣ Фонтеѣ, что она своими трудами и ночными бдѣніями поддерживала священный огонь (ignis nocturnis Fonteiae laboribus vigiliisque servatus). Сенека философъ (De providentia, V, 3 Haase), говоря о томъ, что не должно казаться страннымъ, если хорошій человѣкъ иногда теряетъ здоровье, а дурной и распутный наслаждается вожделѣннымъ здравіемъ, указываетъ между прочимъ на примѣръ весталокъ: знаменитыя дѣвы должны де по ночамъ вставать для отправленія своего служенія, а запятнанныя позоромъ наслаждаются глубокимъ сномъ: non est iniquum nobilissimas virgines ad sacra facienda noctibus excitari, altissimo somno inquinatas frui? Здѣсь имѣются въ виду и жертвоприношенія на очагъ Весты и под., но главнымъ образомъ, полагаемъ, поддерживаніе священнаго огня.

1) Хотя огонь этотъ и погасалъ иногда, однако всегда онъ называется вѣчнымъ, неугасаемымъ (ignis aeternus, sempiternus, perpetuus, πῦρ, ἀσβεστόν; ἄφθιτον, ἀθάνατον, ἀελῶνον) или boni ominis causa или какъ отличный отъ обыкновеннаго огня Сама Веста поэтому тоже называется вѣчною (aeterna) на надписяхъ и у Горация, Carm, III, 5, 11.

При этомъ требовалась самая неусыпная бдительность. Несомнѣнно, что при исполненіи этой обязанности весталки чередовались и что поддерживаніе огня ввѣрялось всегда одной во время ея дежурства, какъ соотвѣтственно тому одна весталка и подвергалась наказанію въ случаѣ погашенія огня (см. custodia въ ниже приводимомъ мѣстѣ Ливія; Діонисій II, 58 также говорятъ: τὸ πῦρ δὲ ἐκλίνοντος δι' ἀληγορίαν τινὰ τῆς τότε φυλάττουσας Αἰμιλίας, которая поручила на время наблюдать вмѣсто себя за огнемъ своей „ученицѣ“). Но какъ весталки справлялись съ этого трудною обязанностію при другихъ обязанностяхъ своего служенія, особенно когда въ ихъ коллегіи случалось нѣсколько малолѣтнихъ или престарѣлыхъ, мы, за неимѣніемъ извѣстій объ этомъ, не можемъ себѣ уяснить.

„Огонь на очагѣ (Весты), разсуждаетъ Іорданъ ¹⁾, есть конечно же огонь изъ дровъ (Holzfeuer). Безпрерывное горѣніе его—конечно, не одно только тлѣніе—требуетъ аккуратнаго подкладыванія дровъ и отъ времени до времени убиранія золы. Это въ свою очередь требуетъ постоянного надзора и что такой былъ и ввѣрялся только одной весталкѣ, очевидно изъ случаевъ наказанія одной весталки за допущеніе погашенія огня. Теперь вспомнимъ о многочисленныхъ занятіяхъ этихъ дѣвъ и о вновь принятыхъ 6—10—лѣтнихъ дѣтяхъ, и развѣ не слѣдуетъ поставить вопросъ, могли ли шесть дѣвъ безъ помощи прислуги выполнять непрерывное свое служеніе днемъ и ночью? ²⁾ А если мнѣ указываютъ на

¹⁾ Der Tempel der Vesta und das Haus d. Vestalinnen, 61.

²⁾ Принимая во вниманіе именно такіе случаи, невозможно, какъ мы уже выше говорили, допустить строгаго дѣленія тридцатилѣтія каждой весталки на періодъ ученія и учительства, дѣленія, о которомъ говорятъ древніе. Судя по надписи весталка per omnes gradus sacerdotiі служила у священнаго огня (т. е. отбывала дежурство при жертвенникѣ Весты). У Діонисія Эмилиа, служившая Вестѣ уже почти 30 лѣтъ, обязана дежурить.

Іорданъ (стр. 57) называетъ преданіе о строгомъ дѣленіи тридцатилѣтія весталки ein Hirngespinnst der Subengelehrten“, gedankenlose Theorie; онъ напрасно впрочемъ думаетъ, что никто кромѣ его не обратилъ вниманія на несобразности въ этомъ преданіи. Онъ предполагаетъ для прямѣра такую комбинацію состава коллегіи весталокъ, вполне де возможную, при которой въ силу сообщаемаго древними строгаго разграниченія функцій между весталками разныхъ возрастовъ оказалось бы 5 учащихся весталокъ, одна учащая и одна выполняющая служеніе (срв. у насъ стр. 42). Онъ указываетъ между пре-

такую же и, может быть, болѣе тяжелую работу сидѣлокъ при больныхъ, то въ отвѣтъ на это слѣдовало указать на два обстоятельства. во первыхъ, что болѣе продолжительные періоды отдыха и даже раннее прекращеніе дѣятельности съ одной стороны, а съ другой дѣтскій возрастъ членовъ коллегіи, иногда и старость другихъ—эго, конечно, существенно различныя условія для перенесенія якобы одинаковаго бремени, чѣмъ тѣ, въ которыхъ находятся наши сестры милосердія“.

Объ ассистенціи какихъ нибудь прислужницъ весталкамъ при исполненіи ими главной ихъ обязанности по крайней мѣрѣ нѣтъ ни одного упоминанія въ нашихъ источникахъ; вѣдь только женщины могли бы имъ помогать.

Несомнѣнно, что служеніе весталокъ было трудное; но не даромъ же и считались онѣ святыми дѣвами и пользовались чрезвычайнымъ уваженіемъ, почетомъ и привилегіями; онѣ были кромѣ того вполне обеспечены въ матеріальномъ отношеніи, свободны отъ всякихъ семейныхъ заботъ и всецѣло могли посвящать себя служенію Весты (и другимъ богамъ), къ требованіямъ котораго и првыкли съ малыхъ лѣтъ.

Если священный огонь въ храмѣ Весты по чему—либо погасалъ, то во всякомъ случаѣ это было въ высшей степени дурнымъ и зловѣщимъ знаменіемъ (*prodigium*), благоденствіе и самое существованіе государства Римскаго было таинственно связаны съ этимъ фатальнымъ огнемъ, *fatalia tumina Vestae*, какъ его называетъ Проперцій, — *custos imperii*, стражемъ державы (Флоръ) ¹⁾. Когда такое несчастіе случалось,

чимъ, что поразительная разница въ возрастѣ весталокъ, которая де должна была встрѣчаться нерѣдко выражается и различною величиною фигуръ весталокъ на медаляхъ (онъ прибавляетъ: *Ich wüsste wenigstens nicht, was sonst die „quattro Vestales accompagnées des enfants“ vor dem Tempel der Vesta—Cohen 3. S. 353—bedeuten sollten*). Фантазии объ упомянутомъ дѣленіи по его мнѣнію возникли вслѣдствіе того, что объ арсаи и interna института весталокъ распространялись нелѣпыя побасенки, какъ въ новое время о тайнахъ франкмасонства. Странно, что Иорданъ при этомъ даже и не упоминаетъ объ *omnes gradus sacerdotii* весталокъ въ надписяхъ. Тутъ уже не было мѣста фантазіямъ. Вѣроятно, при нормальномъ составѣ коллегіи этимъ степенямъ соответствовали въ извѣстной степени и функціи.

¹⁾ Діонисій II, 67: πολλὰ μὲν εἶναι καὶ ἄλλα δοκεῖ μὲνύματα τῆς οὐχ ὁσίως ὑπερετούσης (весталки) τοῖς ἱεροῖς, μάλιστα δὲ ἡ σβέσις τοῦ πυρὸς ἦν ὑπὲρ ἅπαντα τὰ δεινὰ Φωρυῖοι δαδοῖναι αἰφνιδίον τῆς πόλεως σημεῖον ὑπολαμβάνοντες, ἀπ' ἧς ποτ' ἀν αἰτίας

всѣмъ народомъ овладѣвалъ страхъ и смущеніе, общественныя и частныя дѣла прекращались, дежурившая весталка, если по ея небрежности погасалъ огонь, подвергалась наказанію, именно сѣченію по спинѣ, которое выполнялъ великій понтификъ (или другое лицо по его приказанію ¹⁾), приносились богамъ умиловительныя жертвы. Во время Ганнибаловской войны, именно въ 206 году, какъ рассказываетъ Титъ Ливій, при возбужденномъ настроеніи населенія о многихъ чудесныхъ знаменіяхъ сообщено было въ Римъ властямъ: въ Римѣ и другихъ городахъ молнія ударила въ нѣкоторые храмы, у города Автія видѣли два солнца, близъ Рима вдругъ заговорилъ быкъ и жертвенникъ Нептуна въ Римѣ во Фламиніевомъ циркѣ покрывся обильнымъ потомъ; на всякій случай въ виду знаменій принесены были богамъ жертвы и совершены молебствія. Но болѣе всѣхъ этихъ знаменій навело страхъ на всѣхъ то, что погасъ огонь въ храмѣ Весты, по приказанію великаго понтифика была сѣчена весталка, коей очередь была, въ ту ночь, когда погасъ огонь. Хотя это случилось, продолжаетъ Ливій, не потому, чтобы боги посылали знаменія, а единственно по нерадѣнію человѣческому, однако рѣшено было для отвращенія дурнаго знаменія привести большія жертвы и совершить молебеніе у храма Весты ²⁾.

γένηται, καὶ πολλαῖς αὐτὸ Θεραπευαῖς ἐξίλας κόμενοι κατάγωσι πάλιν εἰς τὸ ἱερόν. Веста допускала иногда само погашеніе своего огня, какъ выраженіе своего гнѣва на народъ, или когда онъ былъ оскверненъ нечистотою жрицы.

1) Въ эпитомѣ Валеріевыхъ *Facta et dicta memorabilia* Юлія Париса (изд. Гальма) говорится: *P. Licinius virginem Vestalem per victorem flagro admonuit, quod quadam nocte parum diligens ignis aeterni custos fuisset.* По Фесту (мѣсто приводимъ на слѣд. стр.) и Плутарху наказывалъ самъ понтификъ великій (τοῦ μεγίστου ποντίφικος καλῶζοντος ἔστιν ὅτε καὶ γυμνὴν τήν πλημμελήσαντα Σόνης ἐν παλινσχιῳ παρατεγουμένης.)

2) XXVIII, 11: *plus omnibus aut nuntiatis peregre aut visis domi prodigiis terruit animos hominum ignis in aede Vestae exstinctus; caesaque flagro est Vestalis, cujuscu stodia eius noctis fuerat jussu P. Licinii pontificis. id quamquam nihil portentibus deis, ceterum negligentia humana acciderat, tamen et hostiis majoribus procurari et supplicationem ad Vestae haberi placuit.* (Жертвенныя животныя, имѣвшія уже оба ряда зубовъ, назывались *maiores* (до того *lactenes*); притомъ *hostiae* составляли *pecudes* т. е. мелкій скотъ (противоп. *victimae*—*armenta*). Другой подобный случай передаетъ Діонисій (II, 58): однажды погасъ священный огонь вслѣдствіе небрежности наблюдавшей за нимъ (τῆς τότε αὐτὸ φιλαττόνης) весталки Эмилиі, которая поручила наблюденіе

Конечно, столь выдающіяся, чрезвычайныя событія, какъ погашеніе огня Весты, заносились въ государственную лѣтопись и въ историческія сочиненія. Въ 41 книгѣ Т. Ливій сообщалъ еще одинъ случай погашенія огня; начало этой книги не сохранилось, а въ эпитомѣ ея стоитъ: *Ignis in aede Vestae extinctus est*. Во время войны съ Митридатомъ и междоусобной также погасалъ огонь Весты и даже совсѣмъ исчезалъ жертвенникъ ¹⁾. См. также Обсеквентъ.

Какъ вообще чистѣйшій огонь Весты требовалось беречь отъ всякаго оскверненія, посредственнаго и непосредственнаго, такъ и возобновить его, когда онъ погасалъ, нельзя было, заимствуя тотъ, который служилъ уже обыкновеннымъ житейскимъ потребностямъ человѣка и тѣмъ уже былъ оскверненъ. Такъ и жертвенныя животныя должны были быть не испытанныя ярма и не рожавшія, воду для жертвоприношенія должно было брать изъ рѣкъ и источниковъ; культъ же Весты изъ государственнаго требовалъ особенной чистоты во всемъ, ей служить могли только непорочныя дѣвы. Огонь необходимо было добыть чистый, какъ-бы прямо отъ природы.

Для этой цѣли употреблялся самый первобытный способъ добыванія огня, именно посредствомъ тренія одного куска дерева (т. наз. счастливаго, т. е. приносящаго плодъ) о другой; когда такимъ образомъ получалась искра, весталка подхватывала его въ мѣдное рѣшето и поспѣшно относила на жертвенникъ Весты. Это сообщилъ Фестъ (стр. 106. М.) въ слѣдующихъ словахъ: *Ignis Vestae si quando interstinctus esset, virgines verberibus afficiebantur a pontifice, quibus mos erat tabulam (clabulam?) felicitis materiae tatebrare, quousque exceptum ignem cribro aeneo virgo in aedem ferret*.

Кажется, изъ этого мѣста слѣдуетъ заключать, что огонь сказаннымъ способомъ добывалъ самъ великій понтификъ или понтифики (такъ думаетъ и Прейнеръ, стр. 316); намъ кажется несомнѣннымъ только.

другой дѣвъ изъ недавно избранныхъ и только что выучившихся и вотъ—разсказываютъ, поднялась великая тревога по всему городу, и понтифики изслѣдовали, не осквернила ли чѣмъ весталка священнаго огня. О тѣхъ-же двухъ случаяхъ говорить и Валерій-Максимъ (46 и 7).

²⁾ Плутархъ Numa: παρὰ τὰ Μιτρίδατιχα καὶ τὸν ἐμφύλιον Ῥωμαίων πόλεμον ἀμα τῷ βωμῷ τὸ πῦρ ἔανίσθη. (Срв. Луканъ. Phag., Горацій Carm. I, 2) упоминаетъ случай тоже изъ эпохи междоусобныхъ войнъ, когда наводненіе Тибра, само по себѣ уже грозное знаменіе, грозило свести храмъ Весты (и слѣдовательно погасить огонь въ немъ).

что здѣсь мы имѣемъ неумѣлое сохраненіе и передачу первоначальнаго текста. Изъ послѣднихъ словъ его выходитъ а также изъ (Діонисія выше прив. мѣста: *καὶν κατὰρουν εἰς τὸ ἱερόν*), что актъ этотъ имѣлъ мѣсто внѣ храма Весты; но Овидій—правда о регулярномъ возобновленіи огня Весты 1 марта—сообщаетъ (Fast. III, 143), что огонь возобновляется въ таинственномъ *храмѣ*, такъ что никто этого священнаго акта не могъ видѣть (*dicitur fieri ignis*); но онъ не прибавляетъ, какимъ именно образомъ обновляли огонь въ данномъ случаѣ.

Такъ какъ Фестъ говоритъ *только объ одномъ* первобытномъ способѣ возобновленія огня, то естественно предположить, что этотъ способъ я употреблялся всегда или до его времени, и это тѣмъ болѣе, что Римляне отличались необыкновеннымъ консерватизмомъ въ вопросахъ культа ¹⁾.

Однако Плутархъ (2 вѣка н. Р. X. Numa 9), говоря объ огнѣ Весты, Аэины и Дельфійскаго Аполлона, утверждаетъ, что въ случаѣ погашенія огня возжигается чистое иламя отъ лучей солнца

¹⁾ Выше мы уже указывали на такой способъ добыванія огня у нѣкоторыхъ дикихъ народовъ. Ср. Jordan, D. Tempel der Vesta und das Haus der V., стр. 79 и 80. Добываніе огня посредствомъ тренія дерева о дерево весьма долго было въ обычаѣ у Германцевъ и Кельтовъ. „И у Германцевъ тоже, говоритъ Я. Гриммъ въ Deutsche Mythologie, 569, для священнодѣйствій считался негоднымъ огонь, который нѣкоторое время употреблялся у людей; какъ вода для жертвоприношеній должна была быть почерпнута изъ источниковъ, такъ нужно было вмѣсто обыкновеннаго огня, какъ бы устарѣвшаго употреблять новый. Его называли дикимъ огнемъ въ противоположность домашнему прирученному огню, какъ домашнее животное. Высѣканіе огня изъ камня, хотя даетъ именно новый огонь, однако почему-то не употреблялось въ данномъ случаѣ, а имѣло мѣсто обыкновенно торжественное добываніе огня изъ дерева посредствомъ тренія. Этотъ огонь изстари зовется *podfur*, *Nothfeuer* и обряды добыванія го почти несомнѣнно ведутъ начало изъ язычества“. Гриммъ описываетъ нѣсколько разновидностей этого способа добыванія огня, приктиковавшихся въ средніе вѣка и въ новое время въ разныхъ мѣстностяхъ Германіи, Голландіи, а также Шотландіи и др. Слову *Nothfeuer* можно дать въ данномъ случаѣ его обыкновенное значеніе, при чемъ *Noth* могло обозначать именно падежъ скота (*Seuche*) случаяхъ вѣдь именно въ такихъ: прибѣгали къ *Nothfeuer*; но Гриммъ предлагаетъ другое объясненіе, производя это слово отъ корня *hniudan*, *quassare*, *terere*, *tundere*, такъ что *Nothfeuer* означало бы огонь добытый посредствомъ тренія и под.

и притомъ обыкновенно посредствомъ металлическаго (откуда Гриммъ взялъ *thönerne Gefässe*)? сосуда въ формѣ конуса. Въ него клали немного легко возгорающейся матеріи и зажигали посредствомъ канцентрированнаго отраженія солнечныхъ лучей. Другое свидѣтельство о употребленіи огня Весты въ Римѣ въ болѣе позднее время (IV в) находимъ въ одной рѣчи императора Юліана ¹⁾:

Рядомъ съ этимъ искусственнымъ способомъ добыванія огня, предполагающимъ уже высокую степень культуры и введенномъ въ Римъ только около времени Пяутарха, мы полагаемъ, существовать и болѣе простой, первобытный, хотя-бы съ приспособленіями, дѣлавшими добываніе легкимъ. Вѣдь конечно важно было возобновить погасшій огонь не медленно; а отъ лучей солнца его добыть можно было только въ хорошую погоду. ²⁾.

Г. Иорданъ (*Der Tempel der Vesta* и пр., 80) полагаетъ, что въ случаѣ, если огонь погасалъ по винѣ весталки, новый огонь должны были добыть описаннымъ первобытнымъ способомъ сами весталки, а не великій понтификъ, онъ выводитъ это изъ вышеприведеннаго мѣста Феста, онъ читаетъ: *virgines verberibus afficebantur a pontefice; quibus mos erat...* (относя *quibus* къ *virgines*).

Мало этого, онъ утверждаетъ, что добываніе огня первобытнымъ способомъ, имѣло де мѣсто именно только въ случаяхъ, когда таковой погасалъ по винѣ весталки, и служило вмѣстѣ и наказаніемъ для виновной. „Когда свидѣтельство, говоритъ онъ, къ сожалѣнію сохраненное дурно и неполно, гласитъ, что дѣвы были наказываемы ударами, если огонь въ храмѣ погасалъ вслѣдствіе ихъ небреженія, и что онѣ тогда—для вящаго искупленія вины, можемъ мы прибавить—вмѣсто того, чтобы зажечь огонь съ собственнаго очага должны были добывать его первобытнымъ способомъ посредствомъ тренія куска дерева о дощечку изъ т. наз. счастливаго дерева, то слѣдуетъ безъ дальнѣйшихъ разсужденій сдѣлать тотъ выводъ, что

¹⁾ Or. IV p. 289: ἄσβεστον ἐξ ἡλίου φυλάττουσι φλόγα παρ' ἑνὸς παρ' ἡμῖν ἱερᾷ. См. Прейиеръ, стр. 284.

²⁾ Въ Перу священный огонь Солнца ежегодно возобновляется, именно его зажигали отъ лучей солнца посредствомъ вогнутаго зркала, но въ дурную погоду (въ городѣ Куско по пословицѣ было 13 мѣсяцевъ дождя въ году) огонь добывали посредствомъ тренія дерева о дерево, (Фразеръ).—Существовали у Римлянъ также преданія о случаяхъ возобновленія огня Весты чудеснымъ образомъ по волѣ богини, желавшей защитить свою невинную служительницу (Дюнисій, II, 57).

регулярное возобновление огня въ началѣ года уже производилось не этимъ способомъ, а огонь брали съ очага (дома весталокъ): это уже по тому одному, что этотъ процессъ тренья былъ въ высшей степени тяжелымъ дѣломъ и въ эпохи, когда онъ уже все болѣе и болѣе выходилъ изъ употребленія, былъ прямо наказаніемъ". Съ этими выводами и предположеніями Иордана никоимъ образомъ нельзя согласиться. Во-первыхъ въ словахъ Феста, „дурно переданныхъ“, какъ признаетъ и Иорданъ, „*quibus mos est*“ надо понимать о понтификахъ не смотря на предшествующее „*pontifice*“. Какое наказаніе полагалось виновной весталкѣ, ясно и отдѣльно сказано, и *mos erat* нельзя поставить тамъ, гдѣ слѣдовало бы ожидать *quibus* *roepa erat praeterea* или что вибудь подобное. Титъ Ливій тоже вѣдь говорить только объ одномъ наказаніи весталки: *caesa est virgis a pontifice maximo*, да и ниего (Фестъ, Діонисій, Плутархъ) нигдѣ о какомъ-либо другомъ наказаніи въ подобномъ случаѣ не упоминаетъ. Да и одно было уже жестокое. Далѣе, возобновленіе огня должна была выполнять, конечно, виновная весталка; но было ли удобно добываніе чистаго огня Весты поручать этой, наказанной уже ударами, грѣшницѣ? Затѣмъ, что было, когда такая весталка совсѣмъ устранялась отъ саста? или огонь погасалъ не по винѣ весталки? Наконецъ странно, и нельзя не обратить вниманія на то, что Иорданъ при этомъ совсѣмъ игнорируетъ извѣстія древнихъ о другомъ способѣ возобновленія огня Весты. Если добываніе огня стариннымъ способомъ служило также и наказаніемъ для весталки, то тѣмъ болѣе было причинъ сохранять этотъ обрядъ: вѣдь зарывали же весталокъ живыми и при императорахъ.

Откуда Иорданъ взялъ, что 1 марта весталки приносили новый огонь на жертвенникъ Весты именно изъ своего жилища—если уже допустить, что дѣйствительно его не возобновляли одинаковымъ способомъ во всѣхъ случаяхъ? „Въ Римѣ, говоритъ онъ, были старинныя предписанія относительно того, при какихъ условіяхъ можно было переносить очажный огонь одного дома въ другой. Изъ дома Юпитерова фламينا можно было брать огонь только для сакральныхъ цѣлей (Геллій, 15, 7). Такое-же предписаніе было и для весталокъ: изъ своего дома, *atrium Vestae*, онѣ несутъ въ началѣ года огонь, взятый, какъ увидимъ (это заключеніе мы уже привели) съ собственнаго очага, храма Весты. Поддержаніе неугасимаго огня въ храмѣ Весты есть только повтореніе обычая храпенія огня въ частныхъ домахъ.“

Иорданъ свое предположеніе основываетъ на другомъ предположеніи и слишкомъ много дѣлаетъ выводовъ *ex silentio*. Еслибы онъ дѣйствитель-

но доказаль, что известное возобновленіе огня въ известныхъ случаяхъ весталкою служило и наказаніемъ для послѣдней, то далѣе „ohne Westeres“ слѣдовало бы только, что 1 марта огонь возобновлялся не весталкою или весталками, но вѣроятно тѣмъ-же первобытнымъ способомъ или посредствомъ (вѣдь объ этихъ лишь способахъ говорятъ древніе). А такъ какъ не вѣроятно вообще, чтобы весталки когда либо сами выполняли процессъ добыванія огня, то остается самымъ вѣроятнымъ, что и 1 марта огонь возобновлялъ самъ великій понтификъ однимъ изъ названныхъ способовъ, но добывалъ новый огонь, а не бралъ какой-бы ни было другой. Далѣе можно предполагать, и только предполагать, что изъ дома весталокъ можно было брать огонь только для жертвоприношеній также какъ изъ дома Юпитерова фламينا; но дальнѣйшее предположеніе, что этотъ обыкновенный огонь переносили *na oiaiz Vestis in храмъ*, намъ кажется совершенно неосновательнымъ какъ по общимъ соображеніямъ, такъ и въ виду хоть немногихъ положительныхъ данныхъ по этому вопросу. Какъ этотъ огонь можно было считать и называть *новымъ* огнемъ Весты (*novus ignis* у Овидія; Срв. Макробій I, 12, 6), т. е., разумѣется лучшимъ, болѣе чистымъ прежняго стараго огня Весты? Овидій вѣдь говорить, что возобновленное пламя получаетъ новую силу. Онъ-же прямо свидѣтельствуетъ, что 1 марта *творится* новый огонь въ храмъ (*fieri dicitur novus ignis, ne-inferri*). Толкованіе *aedes Vestae* въ смыслѣ всего комплекса зданій Весты самъ Иорданъ выставяетъ, какъ странное, невозможное. Діонисій говоритъ: *κατὰ φύσιν εἰς τὸ ἱερὸν* (огонь), но какъ разъ о возобновленіи огня въ исключительныхъ случаяхъ, а не 1 марта.

Регулярно ежегодно огонь въ храмъ Весты возобновлялся, замѣнялся новымъ первого марта, такъ какъ это былъ первый день новаго года древнѣйшаго календаря¹⁾. Овидій Fast III, 141 (см. ниже). Макробій, I, 12, 6: говоритъ о немъ: *Huius (т. е. марта) primo die ignem po-*

¹⁾ Съ 153 года до Р. X. консулы стали регулярно вступать въ должность 1 января; этотъ день поэтому сталъ мало по малу приниматься за начало года вообще и этотъ порядокъ былъ окончательнo навсегда установленъ Юліанскимъ календаремъ. Старое начало года съ весны, 1 марта (соответственно которому июль и августъ сначала назывались *Quintilis* и *Sex-tilis* и всегда *September, October, November, December*) однако всегда характеризовалось нѣкими обрядовыми и др. дѣйствіями, въ томъ числѣ обновленіемъ огня Весты (См. Преллеръ, R. M., I, 361 ст.).

vum Vestae aris accendebantur incipiente anno cura denovo servandi novati ignis inciperet. Солинъ говоритъ о томъ же: Romani initio annum decem mensibus computaverunt a Martio auspicantes, adeo ut eius die prima de aris Vestalibus ignes accendernet, mutarent veteribus virides laureas“ и пр.

Изъ послѣдняго свидѣтельства выходитъ, что 1-го марта возобновляли также огонь въ частныхъ домахъ, заимствуя его изъ храма Весты. Слова Макробія: Vestae aris accendebant можно понимать различно, и если относить ихъ къ домашнимъ очагамъ, то мѣсто это свидѣтельствовало бы также о храненіи у Римлянъ неугасаемаго огня въ частныхъ домахъ. На островѣ Лемносъ (Λῆμος) также однажды въ году обновляли огонь, именно: во всѣхъ домахъ огни гасились и новый чистый огонь привозили съ острова Делоса, и отъ него каждый у себя въ домѣ или мастерской разводилъ новый огонь.

Мы говорили прежде всего и распространялись особенно о вѣчномъ огнѣ, такъ какъ онъ составлялъ главный предметъ въ культѣ и храмѣ Весты и слѣдовательно и въ служеніи весталокъ. Тогда какъ объ этомъ огнѣ сохранилось довольно много упоминаній у древнихъ авторовъ, о культовомъ изображеніи, идолѣ богини въ храмѣ Весты, напротивъ, ихъ сравнительно мало, они необстоятельны и довольно противорѣчивы, такъ что даже относительно самаго существованія изображенія Весты въ храмѣ ея возможны сомнѣнія.

Цицеронъ первый упоминаетъ объ идолѣ (simulacrum) Весты именно въ (De deor. nat. III, 38, 80 и De orat. III, 3, 10) сообщаетъ, что великій понтификъ Сцевола былъ убитъ (въ 91 году) передъ изображеніемъ Весты, но, гдѣ именно находилось это изображеніе, не поясняетъ. Объ этомъ событіи упоминаютъ и другие писатели, и по однимъ Сцевола былъ убитъ передъ самымъ зданіемъ сената (куріею) или въ самомъ зданіи, ¹⁾ по другимъ непосредственно передъ храмомъ Весты, у жертвенника или у изображенія Весты; одно извѣстіе (эпитома Ливія 85) говоритъ, что вѣстибулѣ храма Весты, и гдѣ въ мѣстѣ убійства не названъ самый храмъ Весты. Приходится предполагать, что въ это время изображеніе Весты находилось непосредственно у храма ея.

Овидій (Fast. VI, 295) уже прямо и весьма рѣшительно утверж-

¹⁾ Аппіанъ B. Civ. I, 88, Веллей Патеркулъ II, 36, 2, и др.

даетъ, что въ храмѣ Весты изображенія богини нѣтъ и что ни Веста, ни огонь не имѣютъ образа, что не было никакого другаго символа богини кромѣ огня. (Ср. Fast. VI, 234 и III, 45). Онъ говоритъ:

Esse diu stultus Vestae simulacra putavi,
Mox didici curvo nulla subesse tholo:
Ignis inextinctus templo celatur in illo,
Effigiem nullam Vesta nec ignis habet.

Другія данныя по этому вопросу, по видимому, противорѣчащія свидѣтельству Овидія, относятся къ послѣдующему времени имперіи. Именно на медаляхъ, начиная отъ императора Тита до Септимія—Севера (медаль Юліи Домны) черезъ открытую дверь видно храма изображеніе богини (нѣкоторыя изображенія очень отчетливы). Приходится заключать, что или въ это время уже было изображеніе Весты въ ея храмѣ, или что оно находилось собственно возлѣ храма, какъ, вѣроятно, и во времена Цицерона, но что рѣзчики монетныхъ штемпелей помѣщали его въ самомъ храмѣ, какъ и другія (извѣстно, что въ архитектурныхъ изображеніяхъ на римскихъ монетахъ и медаляхъ часто встрѣчаются неточности). При послѣднихъ раскопкахъ вмѣстѣ съ домомъ весталокъ—это зданіе времени Адріана—открыта эдикула у самаго входа въ домъ и слѣдовательно, также совсѣмъ не далеко и отъ храма Весты; въ ней несомнѣнно находилась статуя Весты ¹⁾.

Итакъ въ храмѣ Весты не было священнаго изображенія богини, и вообще оно въ культѣ не имѣло значенія, особенно въ болѣе древнюю эпоху (объ изображеніяхъ Весты на римскихъ монетахъ и пр. у насъ будетъ рѣчь въ другомъ мѣстѣ). Еще до позднѣйшихъ временъ живо сохранялось воспоминаніе о томъ, что какъ знаменитый камень былъ символомъ Юпитера, такъ focus Vestalis—Весты, два символа до такой степени важны въ религіи Рима, что Августинъ, предостерегая отъ отпаденія отъ христіанства моръ, противопоставить именно этимъ двумъ святынямъ единого истиннаго Бога (De civ. Dei, II, 29).

Онъ обращается въ этой главѣ (De abiciendo cultu deorum cohortatio ad Romanos) съ увѣщаніемъ къ Римлянамъ, indoles Romana lau-

¹⁾ См. объ изображеніяхъ Весты у Юрдана, Der Tempel der Vesta und das Haus der Vestalinnen, 68 и у Преинера, Hestia-Vesta, 320 и 321.

dabilis, progenies Regulorum и пр., и говоритъ между прочимъ: „Nunc jam caelestem (patriam) arripe, pro qua minimum laborabis, et in ea veraciter semperque regnabis. Illic enim tibi non Vestalis focus, non lapis Capitolinus, sed Deus unus et verus

...nec metas rerum nec tempora ponit,
Imperium sine fine dabit“.

(Вѣчный огонь Весты, а также Юпитеръ Капитолійскій—святини, считавшіяся стражами римской державы, pignora imperii). Тотъ-же отецъ церкви въ другомъ мѣстѣ (De c. D., III, 28), говоря объ убіеніи Муція-Сцевола (см. выше), ни слова не говоритъ объ идолѣ Весты, а только упоминаетъ ея жертвенникъ и огонь; именно онъ говоритъ: „Mucius Scaevola pontifex, quoniam nihil apud Romanos templo Vestae sanctius habebatur, aram ipsam amplexus occisus est, ignemque illum, qui perpetua cura virginum imper ardebat, suo paene sanguine exstinxit“.

У Римлянъ и другихъ имъ родственныхъ Италиковъ долгое время не было челоѣкообразныхъ идоловъ божествъ, а почитались, какъ символы ихъ, разные предметы ¹⁾. Тоже было и у Грековъ первоначально, въ древнѣйшее время, но у нихъ антропоморфизмъ развился гораздо раньше.

Въ римской же религіи и культъ онъ утвердился, подъ вліяніемъ греческой культуры и отчасти этрусской, довольно поздно: первые челоѣкообразные идолы введены были у нихъ, по преданію, въ эпоху Тарквиніевъ. Но и позже рядомъ съ другимъ изображеніями почитаемы были и символы древнѣйшихъ римскихъ божествъ. Юпитеръ почитался первоначально подъ видомъ камня Jupiter Lapis. Весьма важною клятвою считалась у Римлянъ клятва именемъ Юпитера Камня или камнемъ Юпитера (См. Полибій, III, 25; Циц., ad Famil. VII, 12; Геллій, I, 21, 4; Павелъ діаконъ Mith. стр. 115). Въ цѣлѣ храма Юпитера на

¹⁾ Августинъ, De c. D., IV, 31: Varro dicit antiquos Romanos plus annos centum et septuaginta deos sine simulacro coluisse. Срв. VII, 5. Плутархъ говоритъ о Нумѣ (гл. 8): οὗτος διεκάλυψε ἀνδρῶπιον εἰκόνα ἑαὴν Ῥωμαίους ἱομύσαι. Οὐδ' ἦν πρὸ αὐτοῖς οὔτε γραπτὸν, οὔτε πλαστὸν εἶδος θεοῦ πρότερον; ἀλλ' ἐν ἑκάστῳ ἐβδόμηκοντα τοῖς πρώτοις ἔτεσι γαροῦς, μὲν οἰκοδομοῦμενοι καὶ καλιάδας ἱερεῖς ἱστῶντας, ἀγάλμα δὲ οὐδὲν ἐμῶρφον ποιοῦμενοι, διέτελλον.

Капитоліѣ всегда находился священный камень (о немъ-то и говоритъ Августинъ); надъ нимъ было отверстіе въ крышѣ храма. Позднѣйшіе толкователи видѣли въ немъ бога Термина (Чура), которому приносились жертвы всегда подъ открытымъ небомъ. Но вѣроятно, это былъ именно символъ Юпитера, который также между прочимъ имѣлъ эпитетъ *Terminus, Terminalis, Рубежный*. Потому въ извѣстномъ преданіи древнихъ, будто передъ закладкою храма Юпитера на Капитоліѣ при экзаѹраціи уже стоявшихъ на этомъ мѣстѣ храмомъ богъ Терминъ не захотѣлъ покинуть своего мѣста и его оставили здѣсь, Швевлеръ видитъ только этиологической мнѣ, позднѣйшее объясненіе причины существованія камня во храмѣ Юпитера К. (см. *Schwegler, R. Geschichte, I, 680 и 794. Marquardt, Staatsverwaltung, III, Jordan, Topographie, I, 2., Preller, R. Myth., I, 114 сл.*).

Извѣстно также священное копы, представлявшее Марса. Но вѣроятно наидолѣе держался и наяснѣе этотъ древній символизмъ сохранился въ культѣ Весты, этомъ исконномъ латинскомъ культѣ, и въ другихъ отношеніяхъ сохранявшемъ много оригинальныхъ чертъ.

Весту представляло чистое пламя; Овидій говоритъ:

Nec tu aliud Vestam quam puram intellige flammam.

Несомнѣнно, кромѣ священнаго огня были въ храмѣ Весты и другія святыни, которыя хранить должны были весталки. О нихъ немало есть упоминаній у древнихъ, но вслѣдствіе особенной таинственности культа Весты, недоступности ея „таинственнаго храма“ сами древніе не имѣли о нихъ яснаго понятія.

Не разъ сообщается у авторовъ, что при пожарѣ храма или когда огонь грозитъ ему изъ него выносятся священные предметы (*sacra*, *сакра*). Во время Гальскаго пожара-такъ рассказываетъ Ливій (VI 40)—народъ бѣжалъ изъ города, фламийъ Квирина и Вестинны дѣвы, видя, что домъ ихъ своихъ личныхъ дѣлахъ, заботились о спасеніи святыни (*sacra*); нѣкоторые священные предметы были спрятаны въ бочки и зарыты въ землю у дома упомянутого фламия (это мѣсто, на которое грѣшно было плевать, получило будто тогда названіе *Doliola*), а остальные отвезли въ городъ Цере (срв. Плутархъ, *Самилл.* и Павелъ діаконъ).

Во время первой Каррагенской войны, именно въ 241 году до Р. Х., во время пожара храма Весты великій понтифіиъ Луцій Цецилій Метеллъ вынесъ изъ огня оставленные въ храмѣ весталками святыни Ве-

сты и лишился при этомъ зрѣнія. За такой подвигъ самоотверженія ему возданы были большія почести и подпись подъ его статуею на Капитоліѣ напоминала потомкамъ о его религіозности и воздаяніи ему благодарныхъ согражданъ. Объ этомъ событіи весьма часто упоминають древніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ числѣ спасенныхъ святынь называется Palladium.

Древніе называютъ второю послѣ огня святынею храма Весты Палладіумъ, т. е. идолъ Аѣины Паллады. Это почитаніе Аѣины въ храмѣ Весты, конечно, есть уже результатъ воздѣйствія греческой религіи и сказаній на римскую; но, съ какого именно времени было дѣйствительно въ храмѣ Весты изображеніе Аѣины, — оно какъ и другія святыни этого храма было недоступно публикѣ — нѣтъ возможности рѣшить. Писатели конца республиканскаго періода не разъ и въ весьма опредѣленныхъ выраженіяхъ говорятъ о немъ, чтобы можно было сомнѣваться въ существованіи его. Оно не разъ упоминается вмѣстѣ съ священнымъ огнемъ, какъ таинственный залогъ благоденствія и существованія Рима. Цицеронъ (Pro Scauro 38 — это первое упоминаніе о Палладіѣ) говоритъ, что Метеллъ вынесъ изъ пламени изображеніе Паллады, которое, какъ залогъ благоденствія Рима и державы, хранится въ храмѣ Весты (Palladium illud quod quasi pignus salutis nostrae atque imperii custodiis Vestae continetur). Въ другомъ мѣстѣ (Philip. XI, 10, 24) онъ говоритъ тоже и прибавляетъ, что это изображеніе упало съ неба (signum, quod de coelo delapsum Vestae custodiis continetur, quo salvo salvi sumus futuri). Ливій называетъ его роковымъ залогомъ римской власти (XXVI, 27, 14, Vestae aedem petitam et aeternos ignes et conditum in penetrali fatale pignus imperii Romani). У писателей императорскаго періода также не разъ упоминается Палладій и въ началѣ этого періода часто на монетахъ Веста изображается съ Палладіемъ въ одной рукѣ. Однако Діонисій Галикарн. (II, 61), а позже Плутархъ (Numa 9, Cam. 20) не могли сообщить ничего опредѣленнаго и несомнѣннаго о Палладіѣ и другихъ святыняхъ Весты (кромѣ огня), невѣдомыхъ для народа, скрываемыхъ. Только при Коммодѣ впервые будто видѣли Римляне таинственный Палладій, когда во время пожара въ 191 году выносили его изъ храма (Геродианъ, I, 14, 4) въ императорскій дворецъ. Объ Элагабалѣ сообщаютъ (Геродианъ V, 6, и Лампридій, Heliog. 6), что онъ взялъ Палладій изъ храма Весты и даже будто помѣстилъ въ своей спальнѣ. Этотъ императоръ искалъ въ этомъ храмѣ penetrale sacrum — хранившееся, — ся въ извѣстномъ сосудѣ; но такихъ сосудовъ совершенно одинаковыхъ на-

точно было тамъ: нѣсколько, и въ пайденномъ имъ не оказалось искомага. Последняя судьба Палладія также покрыта мистическимъ мракомъ; было преданіе, что императоръ Константинъ Великій зарылъ его подъ своею статуею на форумѣ новаго Рима.

Изъ вышеприведеннаго о Паладіѣ, несомнѣнно, слѣдуетъ заключить, что какъ весталкамъ, такъ и понтификамъ или великому понтифику, коимъ были доступны сокровенныя святыни Весты, строжайше воспрещалось что бы то ни было сообщать о нихъ постороннимъ.

Видно, эти завѣтныя тайны, столь важныя по вѣрованію для блага народа, хранились съ истинно римскою *fides*. ¹⁾

Нѣкоторые ученые полагаютъ, что въ храмѣ Весты почитались также Пенаты, *Penates publici* ²⁾.

Наконецъ въ храмѣ Весты была священная змѣя, которую кормили и досматривали весталки; впрочемъ о ней упоминанія сохранились только отъ болѣе поздняго времени. Именно Тертулліанъ (150—230) говоритъ: *Romae quidem, quae ignis illius inextinguibilis imaginem tractant, auspicia poepae suae cum ipso dracone curantes, de virginitate censentur*. Яснѣе выражается писатель 4 вѣка Паулинъ (353—431), бывшій язычникъ, а потомъ христіанинъ и съ 409 году епископъ Ноли, *Nolanus*) въ слѣдующихъ словахъ (*Poem. adv. paganos*, ст. 142):

Additur hic aliud: Vestae quas virgines aiunt
Quinquennis epulas audis portare draconi,
Qui tamen aut non est, aut si est, diabolus ipse est.

Юстъ Липсіѣй нашелъ упоминаніе объ этомъ змѣѣ въ *Acta* папы

¹⁾ Иорданъ относится, очень скептически къ таинственнымъ святынямъ, якобы хранившимся въ храмѣ Весты. Онъ говоритъ: *Vor allen Dingen gebe ich gar nichts auf die angeblich „unsägbarren Heiligthümer“ und die „Pfänder des Reiches“, die in dem penetrali gewesen sein sollen*. Палладій, по его мнѣнію, не былъ древнимъ. Срв. *Madvig Verfassung und Verwaltung II*, 674.

²⁾ Такъ думаетъ Марквардтъ и Мадвигъ, *Verf. u. Verwalt.* напротивъ Иорданъ полагаетъ, что Тацитъ *Annal. XV*, 41 имѣетъ въ виду храмъ Пенатовъ.—Хранили весталки въ храмѣ между прочимъ и. *fascinus*, столь распространенный у Римлянъ амулетъ противъ всякой злой силы и вліянія; несомнѣнно, онъ былъ закрытъ подобно тому, какъ у мальчиковъ въ ихъ *bullae*. Плиніи N., H. XXXIII 39: *Fascinus, imperatorum quoque, non solum infantium*

Сильвестра: in Silvestri pontificis actis quibusdam legitur Draconis eum ora clausisse et perpetuo ergastulo mancipasse: cui Kalendis singulis a virginibus Vestae supeditari solita sint alimenta (Thesaurus antiqu. Rom. Грефэ. Прейнеръ Vestia-Vesta, 337). Откуда явился этотъ драконъ въ культѣ Весты? Со змѣею изображалась Вона Деа и въ храмѣ ея держали прирученныхъ змѣй. (Извѣстно, что эта богиня имѣла нѣкоторыя черты, общія съ Вестою, и весталки принимали важное участіе въ ея культѣ). Находился онъ не въ храмѣ Весты? Впрочемъ змѣя была обыкновеннымъ домашнимъ животнымъ у Римлянъ и служила символомъ домашнимъ геніевъ (Преллеръ, R. M., I, 116).

Особенно змѣи почитались въ храмахъ божествъ здоровья (змѣя Эскулапія въ его храмѣ на insula Tiberina). Въ храмѣ Вона деа, какъ извѣстно, также хранились жрицами разныя лѣкарственныя травы. Знаменитъ былъ еще при императорахъ культъ дракона у храма (въ пещерѣ) Юноны Соспиты (подательницы здоровья) въ городѣ Ланувіѣ, недалеко отъ Рима, и особенно привлекало множество любопытныхъ торжественное пошеи въ его пещеру корма *двушниками*, совершавшееся ежегодно весною. Объ этомъ говорятъ Эліанъ Hist. anim. XI, 6 и Проперцій VII, 4. (См. интересную статью Беттигера: Die Jungfernpriebe in der Drachenhöhle zu Lanuvium въ 3 томѣ его Kleinere Schriften).

Завѣтныя таинственныя святыни (кромя огня Весты) хранились въ особомъ отдѣленіи храма, называвшемся *penus Vestae*; здѣсь же хранились и необходимыя заготовленія для жертвоприношеній, приготовляемые весталками (см. о нихъ ниже).

Это мѣсто не было отдѣлено стѣною, а только отгорожено, закрыто со всѣхъ сторонъ занавѣсами и покрывами ¹⁾, такъ что въ немъ хранившіяся святыни были защищены отъ пыли и не доступны были взорамъ даже тѣхъ лицъ, которыя могли посѣщать храмъ Весты.

Penus Vestae (такъ сказать святая святыхъ въ храмѣ) была доступна

custos, qui inter sacra Romana a Vestalibus colitur, et currus triumphantium sub his pendens defendit medicus invidiae.

¹⁾ Фестъ 250 а, 34: *penus vocatur locus intimus in aede Vestae tegitibus saeptus qui certis diebus circa Vestalia in. aperitur.* Въ этомъ мѣстѣ Феста и въ другомъ (158b, 28: ... *intus in aede Vestae in penu exteriore*) очень ясно говорится, что *penus V.* находился въ храмѣ Весты, слѣдовательно, не въ домѣ (атріѣ) весталокъ, какъ нѣкоторые ученые полагаютъ.

только весталкамъ, или, по другому свидѣтельству, весталкамъ и понтификамъ (вѣроятно, только великому понтифику): Мужчинѣ, вступавшему въ это мѣсто, грозила смертная казнь. Плиній старшій сообщаетъ (N. H. VII), что упомянутый уже нами великій понтификъ, спасая изъ огня святыни Весты, лишился зрѣнія, такъ какъ де онъ видѣлъ то, чего не долженъ былъ видѣть ни одинъ мужчина (другіе писатели привосходятъ иныя причины его слѣпоты. Ср. Овидій, Fasti, VI, 435). Но въ жизнеописаніи Геліогабала (гл. 6) говорится, что penus V. доступенъ весталкамъ и понтификамъ ¹⁾. Дозволялось ли женщинамъ кромѣ весталокъ проникать въ penus Vestae и видѣть находившіяся тамъ святыни? Одинъ разъ въ году, въ праздникъ Весты penus Vestae „открывался“ на нѣсколько дней, и въ эти дни римскія матроны шли босикомъ къ храму Весты (Овидій), значить, онѣ входили въ храмъ и, слѣдовательно (?), могли видѣть раскрытый penus Vestae. Но намъ сообщаютъ древніе о передней, внѣшней части его (penus exterior) и внутренней. Намъ кажется весьма вѣроятнымъ мнѣніе Прейнера (стр. 268), что послѣдняя никогда не показывалась даже и женщинамъ.

Для мужчинъ (исключая понтификовъ) самый храмъ Весты былъ никогда не доступенъ. Овидій, которому будто сами боги являлись и объясняли значеніе непонятныхъ чертъ ихъ культа, говоритъ, что Весты не видѣлъ и нельзя видѣть ея мужчинѣ (non equidem vidi te, dea, nec fueras conspicienda viro). Онъ долго ошибочно полагалъ, что въ храмѣ Весты есть статуя богини, конечно потому, что не могъ заглянуть въ этотъ „таинственный храмъ, какъ онъ его называетъ (arcana aedes). Странно читать у Марквардта (3 изд.): Kein Mann (darf) zur Nachtzeit im Tempel sein (Dionys. II, 67.) ²⁾.

Таинственный храмъ Весты, въ которомъ находились заветныя святыни римскаго народа столь великой важности для государства, понятно, былъ мѣстомъ особенно святымъ для каждого Римлянина и не-

1) In penum Vestae, quod solae virgines solique pontifices adeunt, irrupit.

2) Никомъ образомъ, слѣдовательно, не могъ имѣть въ храмѣ Весты помѣщенія рабъ, служившій при храмѣ, какъ то утверждаетъ г. Модестовъ въ прим. къ „Исторіямъ“ Тацита, кн. 1., гл. 43. Притомъ же храмъ В. былъ очень небольшихъ размѣровъ.

прикосновеннымъ Блаженный Августинъ (De с. D, III, 18) говоритъ: *Nihil apud Romanos templo Vestae sanctius habebatur* (Ничто у Римлянъ: не считалось священнѣе храма Весты) ¹⁾).

Храмъ Весты былъ особенно надежнымъ мѣстомъ убѣжища для лицъ гонимыхъ и терпящихъ насиліе; домъ служительницъ ея также охраняло отъ всякаго посягательства имя богини.

Преторъ Семпроній-Азелліонъ спасался отъ ярости ростовщиковъ, коихъ возбудилъ противъ себя суровымъ приговоромъ; не найдя безопасности у одного жертвенника на форумѣ, онъ старается укрыться подъ кровъ Весты (Аппіанъ, *Civ.*, I, 54). Пизонъ, избранный Гальбой въ преемники, спасаясь отъ убійцъ, направился къ храму Весты; впрочемъ онъ уже не надѣялся и на святость этого мѣста ²⁾).

Каждый день весталки должны были приносить жертвы своей богинѣ и молиться за весь народъ. Жертвоприношенія Вестѣ въ ея храмѣ отличались первобытною простотою; какъ и жертвы въ культѣ домашнего очага. Поэтому Проперцій называетъ Весту *бѣдною*. Въ самой простой глиняной посудѣ безъ всякихъ украшеній (*puga patella* у Овидія значитъ *non caelata*) весталки приносили на жертвенникъ (очагъ) богини простыя жертвы; самыя простыя кушанья приготовляли онѣ и хранили въ самой сокровенной части храма (*penus Vestae*) для жертвоприношеній. Главнымъ жертвеннымъ приношеніемъ была *muries* т. е. кашка изъ грубой истолченной соли, сваренная въ глиняномъ горшкѣ, и *mola salsa* т. е. крупа изъ полбы, высушенная истолченная съ солью (эго-же самое приносилось также и въ жертву Пенатамъ).

При раскопкахъ дома весталокъ найдена была небольшая ручная мельница (*mola versatilis*) въ одномъ изъ помѣщеній ея а также ихъ

¹⁾ Прејнеръ: In der Aedes Vestae ist gewissermassen der Götteschutz lebendig concentrirt.

²⁾ Тацитъ, *Hist.*, I, 43: *Piso in aedem Vestae pervasit, exceptusque misericordia publici servi et contubernio eius abdidus non religione nec caerimoniis, sed latebra imminens exitium differebat.... protractus Piso in foribus templi trucidatur.* Странно, что Г. Модестовъ не увѣренъ, что здѣсь идетъ рѣчь объ обычаѣ не осквернять насиліемъ священное мѣсто. Прејнеръ объ *asylum* храма Весты говоритъ: *Wie sehr im Vesta-Cultus der römische Gottesdienst selbst sich gipfelt, sieht man auch daraus, dass der Vestatempel ein ganz besonders heiliges Asyl war: wenn alle Altäre Schutz bieten, so musste es doch der am meisten thun, welcher Focus publicus sempiternus war.*

кладовая (*cella reparia*); въ ней найдено было три большія вазы изъ жженой глины, вкопанныя въ землю; въ одной изъ нихъ оказалось блюдо-тоже изъ жженой глины. Онѣ принадлежатъ позднѣйшему времени имперіи, но имѣютъ форму сосудовъ самой древней эпохи. Профессоръ Г. Иорданъ ¹⁾ считаетъ несомнѣннымъ, что эти сосуды имѣли сакральное назначеніе и, весьма вѣроятно, служили для приготовленія и храненія упомянутой *mola salsa*.

Кромѣ того весталки обязаны были готовить и для всѣхъ жертвоприношеній жертвенную муку (*mola salsa*) съ особыми обрядностями.

Ежедневно весталки окропляли посредствомъ особаго кропила ²⁾ и тщательно очищали храмъ Весты отъ всякаго сору и нечистоты, а также украшали храмъ лавромъ. Лавръ имѣлъ по вѣрованію древнихъ очищающую силу. Культъ Весты требовалъ во всемъ величайшей чистоты.

Какъ для очищенія храма, священной утвари, для содержанія въ чистотѣ тѣла, такъ и для приготовленія жертвенныхъ нужна была весталкамъ вода. Вода играла въ культѣ Весты весьма важную роль, такой же чистый и очищающій элементъ, какъ и огонь, и вмѣстѣ съ огнемъ составляющій первую потребность домашняго хозяйства и вообще для жизни человѣка. Женихъ встрѣчалъ свою новую жену въ своемъ домѣ съ огнемъ и водою, опалу Римлянинъ называлъ *aquae et ignis interdictio*. „Нума поручилъ весталкамъ, говоритъ лексикографъ Свиды, имѣть попеченіе объ огнѣ и водѣ ³⁾).

1) *Bullettino dell. istituto di corr. arch.*, 1885, № V di maggio.

2) Это кропило встрѣчается часто на монетахъ и медаляхъ въ числѣ священной утвари, а также на фризахъ храмовъ.

3) *Νομάς τὰς Ἑστιάδας παρ' ἑνός τοῦ πυρός καὶ ὕδατος τὴν ἐπιμέλειαν ἔχειν ἐπέτρεψεν*. Г. Иорданъ (*Der Tempel der Vesta* и пр., 63) рѣзко отвергаетъ обыкновенное мнѣніе, что вода въ культѣ Весты и для весталокъ играла особенно важную роль. Онъ говоритъ: „Bedeutungsvoll“ ist das Wasser für die Vestalinnen grade so, wie für alle, die mit dem Kult zu thun haben, der Auftrag Numas an die Vestalinnen „für Feuer und Wasser zu sorgen“ ist eine klägliche Erfindung. Doch wird man die Zeichendeuter nicht bekehren. По нашему мнѣнію это сообщеніе Свиды отнюдь не „жлкое измышленіе“. Нельзя вѣдь отрицать того, что культъ Весты требовалъ во всемъ особенной и внѣшней чистоты и вода нужна была особенно весталкамъ для ежедневныхъ окропленій храма, омовеній и пр. Далѣе не безъ причины мѣсто для храма Юпитера омывали водою именно весталки. Онѣ же, какъ несомнѣнно засвидѣтельство-

Какъ огонь, такъ и воду для культа Весты необходимо было доставать самую чистую, которую посылаетъ изъ своихъ нѣдръ земля, и не оскверненную человѣческимъ употребленіемъ или добытую какъ-нибудь искусственно. Дозволялось употреблять только текущую воду источниковъ или рѣкъ и ни въ какомъ случаѣ нельзя было употреблять воды водопроводовъ, ¹⁾ шедшей по трубамъ, хотя вода большинства водопроводовъ Рима была именно родниковая, двухъ рѣчная и только въ одномъ озерная ²⁾. Въ Лавиніѣ весталки черпали воду изъ рѣчки Ну-

вано, однѣ являются въ преданіи священными водоносками и особенно близкое отношеніе имѣли къ источнику Эгеріи, столь извѣстному въ легендѣ о Нумѣ. Ничего такого о другихъ жрицахъ, не говоря уже о жрецахъ, не сообщается. Намъ кажется несомнѣннымъ, что весталки ближе всѣхъ другихъ жрицъ стояли къ культу воды; мы не колеблемся предположить, что онѣ принимали участіе въ культѣ Ютурны (ей построенъ былъ даже храмъ на Марсовомъ полѣ), Фонта и под. Культъ воды не имѣлъ такого особаго центра, какимъ былъ храмъ Весты для культа очажнаго огня; культъ Весты былъ въ извѣстной степени центромъ и для культа воды. Несомнѣнно вѣдь изъ свидѣтельствъ древнихъ, что культъ родниковъ въ Римѣ былъ весьма распространенъ (Иорданъ, *Top.* I, 1 стр. 123 и 134: *die Quellgottheiten eine alte und weitverzweigte Verehrung genossen*). Родниковъ было въ Римѣ много и изъ нихъ нѣкоторые особенно были извѣстны, въ томъ числѣ нѣкоторые цѣлебные. Не даромъ и въ легендѣ о Нумѣ является нимфа источника. Далѣе, демоны многихъ источниковъ у Римлянъ были женскія божества (*weiblich fürsorgende Heil- und Geburtsgottheiten*) и вслѣдствіе очищающей и цѣлительной силы ихъ воды въ особенности пользовались почитаніемъ со стороны женщинъ и дѣвушекъ. Что же удивительнаго, если весталки, чистыя дѣвы Весты, хранительницы очажнаго огня, одного существеннаго элемента особенно заботились и о чистыхъ водахъ родниковъ, что имъ поручена была вообще *ὑδατος ἐπιμέλεια*? Доказываетъ же Иорданъ, что онѣ представляли собою у государственнаго очага хозяйку дома (онѣ „*sorgen an Stelle der Hausfrau für das Feuer*“, *Haumütter des römischen Staats*“) и были единственными жрицами древнѣйшаго Рима.

¹⁾ Фестъ, 161: *aquam jugem vel quamlibet praeterquam quae per fistulas venit, addunt*. Тацитъ. *Hist.* IV, 53 говоритъ о водѣ, которою весталки омыли мѣсто для новаго храма Юпитера на Капитоліѣ: *aqua e fontibus amnibusque hausta*.

²⁾ Впрочемъ и вообще для цѣлей культа употреблялась у Римлянъ текучая вода рѣкъ или источниковъ (*aqua manualis*).

миція въ Римѣ весталки въ сказаніяхъ являются тоже черпающими и носящими воду изъ рѣки (Тибра) и вообще стоящими въ близкомъ отношеніи къ Тибру, но по крайней мѣрѣ преимущественно здѣсь онѣ употребляли воду родниковую.

Въ Римѣ всегда было достаточно родниковъ, даже при существованіи нѣсколькихъ водопроводовъ, дававшихъ огромную массу воды, поддерживались и старинные родники (см. свидѣтельство Галена въ нашемъ „Водоснабженіи, Рима“); но по свидѣтельству Плутарха (Нума, 13), весталки носили воду только изъ источника Эгеріи въ роцѣ Камень ¹⁾ (хотя источникъ Ютурны находился близъ самаго храма Весты, а нѣсколько дальше—Люперкальскій у Палатина). Воду Эгеріи предписалъ будто самъ Нума употреблять въ культѣ Весты по внушенію нимфы Эгеріи.

Этотъ источникъ находился въ южной части города у Целійскаго холма, недалеко отъ Капенскихъ воротъ, отъ которыхъ начиналась Аппіева дорога. Это мѣсто всегда извѣстно было обиліемъ родниковой воды.

1) Въ Аѳинахъ въ культѣ, какъ свидѣт. Фукидидъ (II, 15), употреблялась вода источника Каллиррой (это единственный источникъ въ городѣ): τῇ κρήνῃ τῇ νῦν μὲν τῶν τυράννων οὕτω σκευασάντων Ἐυνεακρούσης καλουμένη, τὸ δὲ πάλαι φανεράν τῶν πηγῶν οὕτων Καλλιρρόῃ ὀνομασμένη ἐκεῖνοί τε (древнѣйшіе) ἐγγύς οὔσῃ τὰ πλείστου ἄξια ἐχρῶντο, νῦν ἔτι ἀπὸ τοῦ ἀρχαίου πρό τε γαμικῶν καὶ ἔς ἄλλα τῶν ἱερῶν νομιζέται τῇ ὑδάτι χρῆσθαι.

Въ культѣ вообще строго соблюдались обычаи глубокой старины, всякое нововведеніе въ культѣ было негодно богамъ. Поэтому-то нельзя было также употреблять весталкамъ и безъ сомнѣнія также вообще для цѣлей культа воду проведенную искусственно, quae per fistulas venit. Строго запрещалось употреблять въ культѣ орудія изъ желѣза (водопроводныя fistulae были обыкновенно свинцовыя); такъ Юпитерова фламينا можно было брить только мѣдною бритвою; изъ протоколовъ Полевыхъ братьевъ (fratres Arvales) знаемъ, что они приносили ѹмилостивительныя жертвы богинѣ (dea Dia), когда въ ея священной роцѣ для чего-нибудь употребляли желѣзное орудіе; не было ничего желѣзною въ старинномъ Свайномъ мостѣ на Тибрѣ (pons Sublicius).

Желѣзо было продуктомъ болѣе поздняго культурнаго періода. Несомнѣнно также остатками изъ древнѣйшаго культурнаго періода являются въ культѣ добываніе огня примитивнымъ способомъ, употребленіе простыхъ глиняныхъ сосудовъ, подбы для добыванія жертвенной муки, толченіе зерна и под.

Обстоятельно разсматриваетъ его гидрографію и говорить о древнихъ fons Camenarum и fons Apollinis Ланчани въ Le acque e gli aquedoti, стр. 11 сл.; (см. также Преллеръ R. Mythologie, II.) Источникъ Эгеріи былъ болѣе значительный, а источники Камень, вѣроятно, меньше и находились не далеко отъ него. Это мѣсто въ древнѣйшее время покрыто было лѣсомъ (lucus Camenarum); здѣсь, по преданію, Нума имѣлъ свиданія съ нимфою Эгеріею (Ливій, I); но съ теченіемъ времени съ расширеніемъ города мѣсто потеряло свой прежній идиллическій характеръ, окружено было постройками и пр.; ближайшая улица называлась vicus Camenarum ¹⁾).

Вода источниковъ этого мѣста была очень хорошаго качества (Витрувій, VIII, 3, 1); кромѣ того Эгеріи приносили жертвы беременныя женщины, какъ помогавшей при родахъ ²⁾. Ежедневно утромъ весталки должны были приносить воду для храма и вообще цѣлей культа изъ источника ³⁾. Чтобы вода эта никогда и въ сосудахъ не была неподвижною, стоячею, весталки для ношенія воды употребляли особые сосуды, кувшины заостренные снизу, такъ что ихъ нельзя было ставить ⁴⁾, почему

¹⁾ Ювеналь III. 11:

Substitit ad veteres arcus madidamque Capenam.
Hic, ubi nocturnae Numa constituebat amicae,
Nunc sacri fontes nemus et delubra locantur
Judaeis
Omnis enim populo mercedem reddere jussa est
Arbor, ejectis mendicat silva Camenis.
In vallem Egerliae descendimus et speluncas
Dissimiles veris: quando praesentius esset
Numen aquae, viridisubi margine clauderet undas
Herba nec ingenuum violarents marmora tofum.

²⁾ Павелъ, 17, Egeriae nymphae sacrificabant praegnantes, quod eam putabant facile conceptum alrum egevere.

³⁾ „Едвали вѣроятно, говорить Иорданъ, чтобы весталки старинный обрядъ носить каждое утро ~~саме~~ воду изъ этихъ источниковъ сохраняли и при имперіи. Надо представить себѣ движеніе въ большемъ городѣ Римѣ при Антонинахъ и вспомнить при этомъ, какъ возобновленная Августомъ коллегія Полевыхъ братьевъ сокращала себѣ удобно соотвѣтственно времени обязанность выполненія большаго обхожденія священной черты города. Такъ что вѣроятно, по крайней мѣрѣ со времени Андріана, выполненію упомянутой обязанности весталокъ много помогали слуги.

⁴⁾ Они назывались futile. Сервій къ Эн. XI, 339: futile vas quoddam est lato

весталки вынуждены были носить ихъ въ рукахъ или на головѣ, какъ и теперь носятъ кувшины съ водою Римлянки; сосуды эти, какъ и остал-ная утварь въ культѣ Весты были изъ глины самой простой формы и отдѣлки (*fictilis urna* у Овидія *Fast*, III, 14). У поэтовъ часто весталки являются представленыносящими воду. Такъ у Овидія (*Fast*. III, 11). Рея Сильвія идетъ за водою къ рѣкѣ:

Ilia Vestalis
Sacra lavaturas mane petebat aquas.
Ventum erat ad molli declivem tramite ripam;
Ponitur e summa fictilis urna coma.

У Проперція (V, 4, 13) Тарпея беретъ воду изъ источника на мѣ-стѣ позднѣйшаго форума:

. ubi unnc curia saepta,
Bellicus ex illo bibebat equus.
Hinc Tarpeia deae fontem libavit: at illi
Urgebat medium fictilis urna caput.

И на медаляхъ весталки иногда изображаются съ урною на головѣ передъ храмомъ богини (см. Прейнеръ и Йорданъ, *Der Tempel der Vesta* и пр.).

Весталка Тукція въ доказательство своей невинности принесла въ рѣшетъ воды изъ Тибра на форумъ.

Не только для храма Весты, но и для своего жилища, для своихъ потребностей, освѣженія воздуха и под. весталки не должны были употреблять воды изъ водопроводовъ; онѣ однѣ только не могли пользоваться удобствами прекраснаго водоснабженія города. Этотъ строгій религіоз-ный консерватизмъ Рима въ данномъ случаѣ подтверждается и рас-копками, произведенными на мѣстѣ ихъ жилища. Во всемъ атріѣ Весты не найдено никакихъ слѣдовъ водопроводныхъ приспособленій.

Только въ перистилѣ найденъ большой водоемъ, но онъ не былъ колодезъ, и только, какъ видно изъ всего его устройства, могъ слу-жить вмѣстилищемъ для воды, которая приносилась изъ источниковъ (Йорданъ); онъ соединенъ только съ водосточнымъ каналомъ.

ore fundo angusto, qua utebantur in sacris Vestae, quia aqua ad sacra hau-ta in terra non ponitur, quod si fiat, piaculum est. excogitatum est vas, quod stare non posset, sed positum statim effunderetur.

Переходимъ къ *годиннымъ регулярнымъ функциямъ весталокъ* въ сферѣ ихъ культа.

Перваго марта въ храмѣ Весты гасился старый священный огонь, добывался новый выше описаннымъ способомъ (его возжигалъ великій понтификъ при весталкахъ), чтобы, какъ говорить Макробій, съ началомъ новаго года опять началось храненіе огня (*ut incipiente anno cura denuo servati ignis inciperet*). Въ этотъ-же день возобновлялись лавровыя вѣтви въ храмѣ Весты, равно какъ въ домахъ фламинновъ, въ регіи и на зданіи сената (куріи). Овидій говоритъ о первомъ днѣ марта (*Fast. III, 137*):

Laurea flaminibus, quae toto perstitit anno,
Tollitur et frondes sunt in honore novae.
Janua tunc regis posita viret arbore Phoebe,
Ante tuas fit idem, curia prisca, fores.
Adde, quod arcana fieri novus ignis in aede
Dicitur et vires flamma refecta capit.

Вѣчно зеленое дерево Феба (лавръ) служило символомъ нестарѣющей жизни и силы, а также чистоты (напротивъ мрачный кипарисъ, дерево Плутона, былъ символомъ смерти, осквернявшей человѣка и всякую святыню).

6-го марта при Августѣ весталки приносили жертву Вестѣ въ воспоминаніе того, что въ этотъ день (въ 12 году до Р. Х.) Августъ принималъ санъ великаго понтифика, т. е. вообще первосвященника и вмѣстѣ специально блюстителя культа Весты.

28 апрѣля праздновали день основанія Палатинскаго храма Весты, построеннаго Августомъ. Именно Августъ, сдѣлавшись великимъ понтификомъ и не желая жить въ регіи, близъ храма Весты (великій понтификъ долженъ былъ жить въ этомъ зданіи) выстроилъ въ своемъ дворцѣ храмъ или капеллу Вестѣ (*Vesta Palatina, Vesta domestica*. Овидій).

Главный праздникъ въ честь Весты (*Vestalia*) весталки праздновали 9 іюня. Обряды празднества отличались простотою и чистотою во всемъ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ выражалось отношеніе Весты къ семейной жизни и приготовленію главной пищи человѣка.

Собственно праздникъ Весты продолжался одинъ день, 9 число, но уже перваго іюня отворялся храмъ Весты, какъ значитъ въ календаряхъ подъ этимъ числомъ (*Vesta aperitur*); открыта Веста была до 15

числа этого мѣсяца; 15 числа іюня храмъ Весты заперался). *Vesta clauditur*). Все это время таинственный храмъ ея былъ открытъ, но самая совравенная часть его только семь дней и то только для замужнихъ женщинъ гражданокъ (матронъ). Эта часть храма, *penus Vestae*, открывалась 7 числа и была открыта до 15 числа. Въ эти дни происходило очищеніе всего храма Весты. Его тщательно выметали, вымывали и вообще удаляли изъ него всякую нечистоту. Дни эти считались *religiosi*, т. е. неблагопріятными по религіознымъ причинамъ. Въ эти дни матроны шли босикомъ въ храмъ богини ¹⁾ и молили ее о дарованіи всякаго благословія для ихъ домовъ, ихъ домашнихъ очаговъ и хозяйствъ; онѣ приносили на жертвенникъ Весты, очагъ государства, въ самыхъ простыхъ сосудахъ самыя простыя кушанья, какія онѣ обыкновенно приносили въ жертву и въ домахъ на домашнихъ очагахъ Лару и Пенатамъ (Овидій, *Fast.*, VI, 391). Весталки приносили въ жертву богинѣ *mola salsa*, которую онѣ и приготовляли именно въ теченіе этихъ дней.

Въ эти дни очищенія приходился и главный праздникъ Весты (по Овидію на 3-е число іюня). Каждое семейство въ этотъ праздникъ въ воспоминаніе старинной простоты жизни кушало не въ особомъ триклиніѣ, но у домашнего очага предъ лицомъ своихъ Пенатовъ, при чемъ не возлежали на софахъ (*lecti*), а сидѣли на стульяхъ, и пищу, какъ выше описано, относил матрона на простомъ глиняномъ блюдѣ въ храмъ Вестѣ, какъ приношеніе богинѣ. Овидій *Fast.*, VI 309 говоритъ объ этихъ приношеніяхъ:

*Venit in hos annos aliquid de more vetusto:
Fert missos Vestae pura patella cibos.*

Этотъ-же день былъ въ особенности праздникомъ для мельниковъ, булочниковъ и хлѣбопекотъ ²⁾. Мельницы, каменья и мельничныхъ,

¹⁾ Овидій (*Fasti*, IV, 393) упоминаетъ, что ему однажды случилось видѣть эту процессію и онъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на нее:

*Forte revertebar festis Vestalibus illa,
Qua novā Romano nunc via juncta foro est.
Huc pede matronam vidi descendere nudo:
Obstipui, tacitus sustinuique gradum.*

²⁾ а также праздникомъ въ честь Юпитера *Fornacalis* или *Pistor*.

ословъ украшали вѣнками изъ цвѣтовъ; осламъ кромѣ того вѣшали на шею на шнурахъ небольшіе хлѣбы; въ этотъ день эти животныя, разумѣется, не употреблялись ни для какой работы; разукрасивъ, какъ сказано, ихъ водили по городу.

Проперцій V, 1, 121 имѣетъ въ виду этотъ обрядъ, говоря:

Vesta coronatis pauper gaudebat asellis.

Овидій, *Fast.*, VI 313 такъ описываетъ его и объясняетъ:

*Ecce coronatis panis dependet asellis,
Et velant scabras florida certa molas.
Sola prius furnis torrebant farra coloni,
Suppositum cineri panem focus ipse parabat,
Strataque erat tepido tegula quassa solo.
Inde focum servat pistor dominamque focorum,
Et quae pumiceas versat asella molas.*

Такая роль осла въ культѣ Весты и чествованіе его вызвано было, понятно, важнымъ значеніемъ этого животнаго для мельницы, слѣдовательно приготовленія хлѣба и вообще въ хозяйственной жизни. Древніе приводили въ объясненіе и другой еще мотивъ, именно осель будто-бы спасъ когда-то чистѣйшую дѣву Весту отъ похотливаго Пріапа, разбудивъ ее своимъ ревомъ (Овидій, *Fast.* IV, 311). Этотъ мифъ однако греческаго происхожденія. Сохранилось изображеніе Весты съ ослomъ; также форму осла имѣли лампы въ храмѣ Весты.

Продолжаемъ сказанное объ очищеніи храма Весты. Соръ изъ храма Весты (пепелъ съ жертвенника и пр.) нельзя было смѣшивать съ соромъ изъ другихъ мѣстъ и бросать въ какое угодно мѣсто; его переносили съ извѣстною церемоніею къ т. наз. Грязнымъ воротамъ (*porta Stercoraria*), находившимся у средины Капитолійскаго спуска, у храма Сатурна а, отсюда затѣмъ его бросали въ Тибръ; по крайней мѣрѣ Овидій (*Fast.* VI, 713) говорятъ о времени этого перенесенія:

*Haec est illa dies, qua tu purgamina Vestae,
Thybri, per Etruscas in mare mittis aquas.*

Этотъ заключительный актъ очищенія храма происходилъ именно 15 числа, когда запирался также храмъ; въ календаряхъ подъ этимъ числомъ стоитъ (кромѣ *Vesta clauditur*): *Stercoratio Vestae*. День

этотъ былъ *religiosus* только до полудня, пока не былъ брошенъ въ Тибръ упомянутый соръ, а затѣмъ уже можно было творить судъ, справлять свадьбы и под.: Веста была опять чиста; это въ календарѣ обозначалось словами: Q (*uando*) St (*ercus*) D (*elatum*) F (*as*).

Упомянемъ еще, что съ 1 июня до очищенія храма Весты жена Юпитерова фламмы, фламминка, не должна была все это время расчесывать волосъ, обрѣзывать себѣ ногтей и прикасаться къ своему мужу. Овидій объ этомъ говоритъ:

Donec ab Iliaca placidus purgamina Vesta
Detulerit flavis in mare Thybris aquis,
Non mihi detonsos crines depectere buxo,
Non unguis ferro subsecuisse licet,
Non tetigisse virum, quamvis Iovis ille sacerdos,
Quamvis perpetua sit mihi lege datus.

Функции весталокъ внѣ сферы культа Весты.

Кромѣ этихъ случаевъ, относящихся къ культу Весты, весталки не разъ въ году фигурировали при другихъ священнодѣйствіяхъ и религіозно государственныхъ актахъ, какъ регулярныхъ, такъ и чрезвычайныхъ. Веста была богинею всякаго жертвеннаго огня, она вмѣстѣ съ Яномъ, богомъ всякаго начала, всегда призывалась и умоляема была жертвами. Такое значеніе Весты для всего культа перешло и на служительницъ ея, весталокъ, которыя упоминаются часто, какъ принимающія участіе въ разныхъ священнодѣйствіяхъ, не относящихся къ культу Весты; часто совмѣстно съ понтификами онѣ молятся за римскій народъ или выполняютъ извѣсныя весьма важныя священнодѣйствія. ¹⁾ Діонисій Галикарнаскій (II, 67) говоритъ о множествѣ священнодѣйствій весталокъ. Мы выше видѣли, что одна старшая весталка въ надписи восхваляется за достойное служеніе у жертвенниковъ всѣхъ боговъ, *apud divina altaria omnium deorum rite deserviens*.

¹⁾ Прейнеръ (*Hestia-Vesta* 314) такъ объясняетъ дѣятельность весталокъ внѣ сферы ихъ спеціальнаго культа (Ср. выше его мнѣніе о вѣчномъ огнѣ) *Die Vesta p. R. Quiritium ist es, die den Götterschutz der hohen Roma vermittelt, wie darum auch ihre Dienerinnen in erster Linie erscheinen, wo besonderer Anlass ist, für das gesamte Volk zu opfern und zu beten oder Gelübde zu bringen.*

Весталки принимали участіе въ жертвоприношеніяхъ Юпитеру въ иды каждаго мѣсяца, особенно мартовскія иды. Ежемѣсячно приносилась въ жертву Юпитеру на Капитоліѣ овца, *ovis Idulis* (*ovis alba grandior*—Овидій). Жертвоприношеніе совершалъ *фламинъ* Юпитера (или *sacerdotes*) съ понтификами и весталками. Это было весьма важное регулярное жертвоприношеніе. Но едва-ли процессію въ эти дни (именно на Капитоліѣ съ участіемъ весталокъ имѣлъ въ виду Гораціѣ въ своемъ Памятникѣ, говоря, что слава его будетъ расти, пока только будетъ подыматься на Капитоліѣ съ молчаливою дѣвою понтификъ:

*Crescam laude recens, dum Capitolium
Scandet cum tacita virgine pontifex.*

5 апрѣля весталки совершали *Fordicidia*; именно беременная корова приносилась въ жертву Землѣ (*Tellus*) частью на Замкѣ (*Арх*, часть Капитолійскаго холма), частью въ каждой куріи; а старшая весталка сожигала вынутаго изъ нея теленка; образовавшійся изъ него пепелъ хранили у себя весталки. Въ день праздника Палилій, годовщину основанія Рима, 21 апрѣля, народъ получалъ отъ нихъ этотъ пепелъ, а также кровь т. наз. октябрьскаго коня и другія люстраціонныя средства для религіознаго очищенія (люстрацій).

Весталки приготовляли и хранили жертвенную муку, т. н. соленую муку (*mola salsa*) *mola casta* для всѣхъ жертвъ.

Въ маѣ, именно отъ 7 до 14 числа, онѣ заняты были между прочимъ приготовленіемъ этой жертвенной муки. Въ это время уже приносились въ жертву богамъ начатки плодовъ земныхъ, и вотъ три старѣйшія весталки получали колосья полбы ¹⁾ и складывали ихъ въ корзины; затѣмъ весталки сушили ихъ (Сервій Бук. VIII, 82; Фестъ, *Mola*). Три раза въ годъ, именно въ прадникъ Луперкалій, 15 февраля, въ прадникъ Весталій, именно 9 іюня и въ сентябрскія иды (13 числа) изъ муки весталки приготовляли уже *mola salsa*, соленую муку. Для этой цѣли

¹⁾ Изъ хлѣбныхъ зеренъ въ древнѣйшее время Римляне главнымъ образомъ сѣяли полбу (*far*, *ador*) и зерна ея не мололи, а толкли въ ступахъ. Позже полба особенно осталась въ употребленіи въ культѣ. Плиніѣ N. H. XVIII, 62 говоритъ: *populum Romanum farre tantum et frumento* (пшеница) *CCC annis usum Verrius tradit*,

употребляли каменную соль; сначала ее толкли въ ступѣхъ, затѣмъ всыпали въ глиняный сосудъ, закрывали и задѣлывали его гипсомъ и сплавляли ее въ песокъ въ одинъ кусокъ, потомъ разрѣзывали его желѣзною пилою и уже потомъ въ сосудъ держали ее въ *penus Vestae* (см. выше).

При приготовленіи *mola salsa* такимъ образомъ приготовленную соль разводили въ водѣ ключевой или какой другой, но только не изъ водопровода.

15 мая (иды) весталки принимали участіе въ процессіи и жертвѣ Аргеевъ. Это было весьма древнее и величайшей важности жертвоприношеніе за весь народъ, величайшая очистительная жертва. Понтифики и другіе знатнѣйшіе жрецы и весталки въ сопровожденіи преторовъ и гражданъ отправлялись на древнѣйшій мостъ въ Римѣ, священный Свайный мостъ (*pons Sublicius*), и съ него бросали 1) въ Тибръ 24 куклы изъ ситника, представлявшія подобіе человѣческихъ фигуръ со связанными руками и ногами. Кто были собственно эти Аргеи, древніе сами не знали, равно, какому божеству приносились эти жертвы; но они считаютъ эту жертву искупительною и полагаютъ, что куклы замѣняли первоначально приносившіяся въ данномъ случаѣ человѣческія жертвы. Нѣкоторые новые ученые также видятъ въ этомъ жертвоприношеніи воспоминаніе о человѣческихъ жертвахъ; полагаютъ, что жертва приносилась Тибру.

4 іюля весталки (съ магистратами и жрецами) принимали участіе въ жертвоприношеніи у жертвенника Августава Мира (*Rex Augusta*), на Марсовомъ полѣ, который былъ сооруженъ по поводу возвращенія Августа въ Римъ въ 12 году до Р. X. (*Mon. Ancyr.*).

21 августа весталки приносили вмѣстѣ съ фламинонъ Квирина жертвы Консу,

а 25 числа вмѣстѣ съ великимъ понтификомъ таинственную жертву богинѣ *Ops Consivia* въ *regii*. Къ святынямъ этой богини имѣли доступъ только *sacerdos publicus* (конечно, великій понтификъ) и весталки.

1) По Овидію (*Fast. V, 625*) бросала ихъ весталка, „*virgo*“ (конечно старшая): *Tam quoque priscorum Virgo simulacra virorum Mittere roboreo scirpea ponte solet.*

2) Плутархъ, *Qu* 14 86: τῇ μὲν τοῦτο (въ маѣ) τὸν μέγιστον ποιοῦνται τῶν καθαρῶν οὐ μὲν εἰδωλὰ ριπτοῦντες εἰς τὸν ποταμὸν, πάλαι δὲ ἀνθρώπους. Пруденцій *C. Symm. II, 1103*: *quod redimunt vitam populi procerumque salutem.*

13 сентября въ третій разъ въ году весталки готовили *mola salsa*.

12 октября онѣ принимали участіе въ жертвоприношеній у жертвенника *Fortunae Reducis* у Капенскихъ воротъ, сооруженнаго въ память дня возвращенія Августа изъ Сиріи въ 18 г. до Р. X. (*Monum. Ancyg.*).

Въ декабрѣ, именно въ ночь съ 3 на 4 число, весталки участвовали въ таинственной ночномъ празднествѣ въ честь Благой богини, *Bona dea* ¹⁾.

Его справляли въ домѣ консула или столичнаго претора (*pr. urbanus*) *pro omni populo* исключительно женщины, знатнѣйшія дамы Рима, и непременно вмѣстѣ съ ними весталки. Устраивала праздникъ жена или мать хозяина дома (?); ни одинъ мужчина не долженъ былъ присутствовать (такъ что и хозяинъ дома проводилъ эту ночь гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ) и слышать имя богини. Собравшіяся дамы между прочимъ выполняли подѣ звуки струнныхъ и духовыхъ инструментовъ извѣстныя религіозныя пляски ²⁾. Въ 63 году до Р. X. этотъ праздникъ справлялся въ

¹⁾ Этой богинѣ, которая призывалась также подѣ именемъ *Ops*, *Maia*, *Fauna*, весталка Клавдія построила храмъ на Авентинѣ; день основанія этого храма праздновался 1 мая, когда молили ее объ отвращеніи землетрясеній.

²⁾ Г. Юрданъ (*Der Tempel der Vesta und das Haus der Vestalinnen*, 52 и 56) выставляетъ и доказываетъ интересное оригинальное мнѣніе относительно роли весталокъ въ культѣ Благой богини и названномъ ея главномъ празднествѣ. Всѣ де изслѣдователи не замѣтили того, что не матроны, а Вестины дѣвы суть лица, устраивающія это празднество; матроны же только де ассистируютъ имъ при этомъ (*У Цицерона De har. resp.* 17, 37 жертвоприношение *fit per virgines Vestales, fit pro populo*; у него же *Ad. Attic.* I, 13, 2. *idque sacrificium cum virgines instaurant*; срв. 12, 3. Этому де не противорѣчить мѣсто Асконія въ комм. *Clodiana: per virgines V. et matronas honestissimas*; а позднѣйшія свидѣтельства въ виду этихъ не имѣютъ значенія. И вообще де особыхъ специальныхъ *жрицъ* этой богини не было: на римскомъ празднествѣ ея присутствуютъ кромѣ весталокъ просто *матроны*; хотя же надписи свидѣлствуютъ, что въ Римѣ было *collegium sacerdotum Bonae Deae* съ „магистроу“ во главѣ, а также въ Аквилѣ, умбрскомъ Тудерѣ, но въ другихъ мѣстахъ почитали ее *mulieres*. Отсюда Юрданъ выводитъ заключеніе, что это не были коллегіи государственныхъ или муниципальныхъ

домъ консула Цицерона, который толяко что въ засѣданіи сената разоблачилъ преступныя замыслы Катилины. Когда послѣ принесенія жертвы думали, что огонь на жертвенникѣ уже погасъ, изъ пепла вдругъ поднялось яркое пламя. Всѣ матроны видѣли въ этомъ для данныхъ тревожныхъ обстоятельствъ и дѣятельности Цицерона зловѣщее предзнаменованіе, но весталки увидѣли въ этомъ напротивъ благоприятное знаменіе и велѣли Терентію, женѣ Цицерона, сказать супругу, чтобы онъ выполнилъ, что задумалъ для блага отечества: боги де сохранять консула и онъ приобрететъ этимъ себѣ славу. Въ числѣ весталокъ была въ это время сестра Терентія Фабія. См. Друманъ *Geschichte R.* стр. 502. Есть еще извѣстіе о гаданіи по священному огню. (Луканъ I, 551).

Выше мы упомянули два случая участія весталокъ въ жертвоприношеніяхъ въ дни, установленные въ память нѣкоторыхъ событій изъ жизни Августа. Но онѣ при имперіи вообще возносили молитвы и совершали жертвы богинѣ или участвовали въ нихъ ежегодно въ опредѣленные дни за государя и членовъ его семейства.

Въ началѣ года, въ январѣ всенародно возносились молитвы и давались обѣты за благоденствіе государства и здравіе государя и его семейства. Съ 38 года послѣ Р. X. (можетъ быть и раньше, но для предыдущихъ годовъ нѣтъ свидѣтельствъ) и впослѣдствіи всегда, до 7-го вѣка *днемъ обѣтовъ и моленій за государя* было 3-го января (*Votorum pincipatio, vota publica, vota*). Этотъ день праздновался во всемъ римскомъ государствѣ; въ Римѣ магистраты, понтифики и другія жреческія коллегіи возносили молитвы, приносили жертвы и давали обѣты за здравіе императора. Понтифики, надо полагать, ассистовали консуламъ на Капitolіи, какъ то всегда они дѣлали напр и перваго января. Несомнѣнно, что въ этотъ высокаторжественный день весталки молились о благоденствіи государя: вѣдь ихъ молитвы считались особенно дѣйствительными; можетъ быть, онѣ не только молились, приносили жертвы и пр. въ храмъ Весты, но участвовали и въ церемоніи даванія обѣтовъ понтификами.

Въ одномъ календарѣ (CIL, X, n. 8375) находимъ, что въ день рожденія Друза должно быть *supplicatio Vestae*; отсюда выходитъ, что вообще въ дни рожденія лицъ императорской фамиліи весталки молились

жрицъ, а просто женская корпорація религіознаго характера, имѣвшая цѣлю именно культъ названной богини.

за нихъ (Марквардтъ). Когда Ливія при Клавдіѣ причислена была къ сонму богинь, то весталки должны были приносить ей жертвы.

Мы указали случаи участія весталокъ въ священнодѣйствіяхъ въ ихъ спеціальнаго культа, случаи, регулярно повторявшіеся ежегодно. Относительно празднествъ и священнодѣйствій, въ которыхъ весталки принимали регулярно участіе, совершенно справедливо замѣчаетъ Прейнеръ, что онѣ почти всѣ древнѣйшаго происхожденія, исконно-римскія „Итакъ дѣвы Весты, говоритъ онъ на стр. 312., принимали участіе въ чествованіи другихъ боговъ pro populo Romano и при томъ изъ празднествъ, участіе въ которыхъ намъ сообщается,—участіе въ другихъ мы можемъ предполагать, ¹⁾ такъ какъ наши свѣдѣнія несомнѣнно не полны—почти всѣ принадлежатъ древнѣйшей римской религіи, въ особенности жертвоприношеніе Аргеевъ, Октябрскаго коня, Париліи въ годовщину основанія города... жертвоприношеніе Благой богинѣ..., наконецъ Фордидиѣ, Луперкаліи, Описконсвіи, Консуалии“.

Не мало было наконецъ случаевъ экстраординарныхъ, чрезвычайныхъ въ которыхъ весталки функционировали однѣ или совмѣстно съ другими жрецами. Такъ онѣ не только ежедневно возносили мольбы за весь народъ, но къ ихъ мольбамъ обращались въ случаяхъ всенародныхъ бѣдствій или при зловѣщихъ предзнаменованіяхъ; въ такихъ случаяхъ онѣ молились объ отвращеніи бѣдствій и давали обѣты за весь народъ. Молитвы весталокъ, по вѣрованію народа, были особенно пріятны богамъ и помогали („*efficacia vota*“); имъ приписывали особенную, чудесную силу.

У Римлянъ было не мало легендъ о томъ, какъ Веста, виявъ мольбы своихъ жрицъ, чудесно спасала ихъ въ крайней опасности.

Такія легенды подробно передаетъ Діонисій Гал. (II, 68 сл.), вкратцѣ Валерій-Максимъ; онѣ интересны между прочимъ и по подробностямъ, касающимся культа и жрицъ. Когда священный огонь погасъ въ дежурство Эмилии, въ то время какъ она поручила наблюденіе за огнемъ другой дѣвѣ, только что научившейся служенію (это именно ея ученица, *discipula Aemiliae* у Валерія), по всему городу было смятеніе, а понтифики изслѣдовали, не осквернили ли чѣмъ чистый огонь весталки. Эмилиа будучи невинной будто-бы въ присутствіи жрецовъ (понтификовъ) и осталь-

¹⁾ Мы выше высказали предположеніе о ближайшемъ отношеніи весталокъ къ культу водныхъ божествъ. Вѣдь этотъ культъ тоже былъ въ Римѣ очень древній.

ныхъ весталокъ, простерши руки къ жертвеннику, обратилась къ Вестѣ съ такою молитвою: „Веста, хранительница города Рима, если я чисто и надлежащимъ образомъ служила тебѣ почти тридцать лѣтъ, чистая душою и тѣломъ, то явись мнѣ, помощи и не допусти, чтобы твоя жрица погибла злою смертію; если же я совершила что нечестивое, то грозящее городу за такое беззаконіе бѣдствіе да будетъ отвращено моею казнію.“ Сказавъ это, она будто оторвала кусокъ льняной (sic) одежды, въ которой была, и бросила его на жертвенникъ,—и вотъ изъ давно охлаждѣвшаго пепла вспыхнуло сильное пламя и зажгло матерію. Такимъ образомъ не нужно было прибѣгать къ умилостивленію боговъ и добывать новый огонь.

Весталка Тукція также чудесно избавилась отъ грозившей ей опасности (Діонисій, II, 69). На нее былъ сдѣланъ несправедливый доносъ. Она сказала, что оправдаетъ себя дѣломъ и въ сопровожденіи многочисленной толпы народа пошла къ Тибру, зачерпнула въ рѣшето воды, принесла назадъ на форумъ и вылила ее передъ понтификами; ея обвинитель послѣ этого будто-бы пропалъ безслѣдно¹⁾.

Въ этомъ-же родѣ легенда о весталкѣ Квинтѣ Клавдіи, переданная поэтически живописно Овидіемъ (Fast., IV, 29; срв. Ливій XXIX, 14). Во время второй Карфагенской войны Римскій сенатъ отправилъ посольство въ Пессинунтъ во Фригіи, которое должно было привести въ Римъ изъ этого города идолъ (камень) Кибелы; ему удалось получить этотъ священный камень и онъ привезенъ былъ уже въ устьѣ Тибра; здѣсь корабль, его везшій, сѣлъ на мель и нельзя было его никакими усиліями сдвинуть съ мѣста. Встрѣтить святыню прибыли въ Остію между прочимъ и весталки. Между ними красавица Клавдія пользовалась дурною репураціею, хотя несправедливо. Чтобы отвратить отъ себя страшную, грозившую ей, опасность обвиненія въ нарушеніи цѣломудрія, она молила Кибелу осудить ее, если она ви-

1) Діонисій прибавляетъ, что могъ бы привести еще много случаевъ проленія силы богини. Онъ-же (II, 68) свидѣтельствуетъ, что въ подобныя легенды народъ вѣрилъ въ его время и у историковъ много говорилось о нихъ: Πάνο ἀξίον καὶ τὴν ἐπιφάνειαν ἱστορεῖσαι τῆς θεᾶς, ἣν ἐπεδείξατο ταῖς ἀδίκως ἐγκληθεῖσαι παρθένοις, πεπίστευται γὰρ ὑπὸ Ῥωμαίων εἰ καὶ παράδοξα ἐστὶ, καὶ πολλοὶ πεποιήνται λόγον ὑπὲρ αὐτῶν οἱ συγγραφεῖς.

новна, а въ противномъ случаѣ, послѣдовать за ея чистыми руками, и затѣмъ потянула канатъ корабля, и корабль двинулся съ мѣста ¹⁾).

Вѣрили, что весталки своими заклинаніями могли удерживать бѣглыхъ рабовъ, если послѣдніе были еще въ городѣ ²⁾. Когда въ войско Секста Помпея во время его боѣрбы противъ Октавіана собиралось изъ всѣхъ частей Италіи громадное количество бѣглыхъ рабовъ, весталки дѣлали обѣты, чтобы прекратились побѣги рабовъ.

Извѣстный апологетъ язычества (4 вѣка) Симмахъ въ посланіи къ императорамъ Валентиніану, Θεодосію и Аркадію между прочимъ такъ говорить въ защиту правъ весталокъ: „Что за польза посвящать свое чистое тѣло для общаго благоденствія и поддерживать небесною защитою вѣчность державы, давать за всѣхъ много—могущіе обѣты и не имѣть правъ наравнѣ со всѣми?“ ³⁾ Цицеронъ въ концѣ рѣчи за Фонтее указываетъ судьямъ на то, что для подсудимаго просить снисхожденія сестра его весталка, которая де столько лѣтъ молила боговъ за нихъ, судей и ихъ дѣтей (*quae pro vobis liberisque vestris tot annos in dis placandis occupata est*).

Весталки принимали участіе въ общенародномъ молебствіи, устроенномъ Цицерономъ для избавленія государства отъ опасности во время заговора Катилины.

Горацийъ въ одной одѣ (I, 2) по поводу междоусобій, приведшихъ государство на край гибели, восклицаетъ:

1) О Клавдіи и Тукціи говоритъ Проперцій (V, II, 51):

Vel tu, quae quondam movisti fune Cybelen,
Vel cui, commissos cum Vesta reposceret ignes,
Exhibuit vivos carbasus alba focos.

Сохранились также на монетахъ изображенія Тукціи съ рѣшетомъ и Клавдіи тянущей судно.

2) Плиній, N. H., XXVII, 13: *Vestales nostras hodie credimus nondum egressa urbe mancipia fugitiva retinere in loco precatone*. Кассій-Діонъ, XLVIII, 19.

3) Ер. X, 61: *Quid juvat salutis publicae castum corpus dicare et imperii aeternitatem coelestibus fulcire praesidiis, armis vestris amicas applicare virtutes, pro omnibus efficacia vota suscipere et jus cum omnibus non habere?*

„Какого бога долженъ призывать народъ на помощь погибающему государству? Какою мольбою святымъ дѣвамъ утомлять Весту, не внемлющую болѣе ихъ пѣснопѣніямъ?“

Quem vocet divum populus ruentis
Imperi rebus? prece qua fatigent
Virgines sanctae minus audientem
Carmina Vestam?

Въ случаяхъ эпидемій весталки обращались съ молитвою также и къ Аполлону; начало такой молитвы сохранилъ намъ Макробій ¹⁾.

Тацитъ Hist. IV, 53 сохранилъ извѣстіе объ участіи весталокъ при основаніи храма. Именно онъ говоритъ о возобновленіи императоромъ Веспасіаномъ храма Юпитера Капитолійскаго въ 70 году послѣ Р. X. Въ этой церемоніи въ присутствіи многихъ жрецовъ, правительственныхъ лицъ и народа онъ выѣстъ съ дѣвушками и мальчиками, у которыхъ были въ живыхъ родители, омыли все мѣсто, назначенное для храма, рѣчною и родниковою водою ²⁾. Плиній Старшій (N. H., XV, 78) сообщаетъ, что одна древняя смоковница была срублена только тогда, когда предварительно весталки совершили жертвоприношеніе (*sacro a Vestalibus facto*).

Весталки присутствовали при выборахъ великаго понтифіка и на торжественныхъ религіозныхъ пиршествахъ понтификовъ и другихъ жрецовъ.

Уже упомянуто выше о присутствіи весталокъ при встрѣчѣ идола Кибелы въ Осгій. Конечно, онѣ присутствовали и при другихъ подобныхъ случаяхъ. Также и при особенно торжественныхъ и почетныхъ всенародныхъ встрѣчахъ знаменитыхъ государственныхъ людей и проводяхъ

1) Saturn I, 17: Eadem opinio sospitalis et medici dei in nostris quoque sacris fovetur. Namque virgines Vestales ita indignant:

Apollo medice,
Appolo paean.

2) XI Kalendas Iulias serena luce spatium omne, quod templo dicabatur, evinctum vittis coronisque ingressi milites, quis fausta nomina, felicibus ramis, virgines Vestales cum pueris puellisque patrimis matrimisque aquae fontibus amnibusque hausta perluere.

ихъ остатковъ фигурировали весталки. Сулла умеръ на югѣ Италіи, но похороненъ въ Римѣ; на долю грознаго и счастливаго диктатора и по смерти выпали необыкновенныя, царскія почести: его прахъ былъ принесенъ въ Римъ и здѣсь въ знакъ особаго почтенія къ покойному его несли на своихъ плечахъ попеременно сенаторы и весталки.

Когда молодой Октавіанъ Цезарь вступалъ въ Римъ, чтобы принять наслѣдство Цезаря, его встрѣтили между прочимъ и весталки. Мать и сестра его, которыя скрывались въ жилищѣ весталокъ, съ весталками вышли къ нему на встрѣчу.

Весталки присутствовали и должны были присутствовать на публичныхъ зрѣлищахъ въ театрѣ, амфітеатрѣ и циркѣ, какъ и другіе жрецы.

Можетъ быть, онѣ должны были участвовать также въ триумфальныхъ шествіяхъ (См. Guhl u. Koner, D. Leben der Gr. u. R., стр. 705 изд. 4. Срв. Световій, Nero 12 ¹⁾

1) Весталки, конечно, играли главную роль при молебствіяхъ у храма Весты (*supplicationes ad Vestae*).

По свидѣтельству Пруденція (*Contra Symm.* II, 1107: *supter humum lustrales testibus umbris in flammam jugulant pecudes et murmura miscent*), весталки приносили жертвы подземнымъ богамъ. Рейнъ (*Pauly, Realencykl., Vestales*) считаетъ вѣроятнымъ, что эти жертвоприношенія имѣютъ въ виду и Сенека *De provid.* 5 (*sacra nocturna весталокъ*). Но, такъ какъ Сенека говоритъ о ежедневныхъ регулярныхъ трудахъ и бодрствованіяхъ весталокъ, то мы привели это мѣсто, говоря о служеніи весталокъ въ храмѣ Весты, у ея жертвенника (См. выше стр. 58).

Образъ жизни весталокъ. *Castitas*.

*Pudicitia, tu prisca religione conservatos
Vestae focus incolis.*

Итакъ мы видѣли, что обязанности и функціи служенія весталокъ были разнообразны. Теперь посмотримъ, какой образъ жизни онѣ должны были обязательно всегда вести, какимъ требованіямъ онѣ подчинялись относительно образа жизни и поведенія, каковъ былъ, такъ сказать, ихъ уставъ.

Наряду съ необыкновенною аккуратностью и бдительностью въ исполненіи обязанностей служенія первое и самое существенное, что отъ нихъ всегда безусловно требовалось и благодаря чему онѣ главнымъ образомъ стояли въ глазахъ народа столь высоко (*sanctae virgines, sanctissimum sacerdotium*) ¹⁾, это было, соотвѣтственно характеру богини и культа ея, безпорочность и чистота въ обширнѣйшемъ смыслѣ слова, нравственная и тѣлесная.

Всякій частный человѣкъ долженъ былъ приближаться къ божеству чистымъ: *ad deos caste adeunto* (Циц., *De legibus*). Для жрецовъ, надо полагать, были обязательны въ этомъ отношеніи болѣе строгія предписанія. Однако и они касались вѣроятно главнымъ образомъ внѣшности, тѣла и дѣйствій; притомъ мы знаемъ болѣе только относительно предписаній, коимъ долженъ былъ всегда слѣдовать въ своей жизни фламинъ Юпитера (*flamen Dialis*); они были дѣйствительно весьма строгі. Но наиболѣе строгі, обширны и замѣчательны тѣ требованія относительно чистоты, которымъ подчинены были дѣвы Весты (*Einen ganz speziellen Charakter hat die eine völlige Ausnahme bildende weibliche Priesterschaft der Vestalinnen*. Мадвигъ). Для нихъ были, конечно, обязательны общія предписанія для всѣхъ жрецовъ; но, какъ жрицы, онѣ кромѣ того должны представлять собою идеалъ женской чистоты и непорочности. Въ

¹⁾ Титъ Ливій I, 20 говоритъ, что Нума весталокъ *vir ginitate aliisque caerimoniis venerabiles ac sanctas feciti*.

глазахъ Римлянина не было ничего болѣе святаго и чистаго, какъ храмъ Весты, ея жертвенникъ и вѣчный огонь. Веста самая чистая и и стыдливая богиня, о ней и ея жертвенникъ говорили, когда хотѣли обозначить высшую степень чистоты (Веста называется *sancta*. Priap. XXXI, 2: *licebit ipsa sis pudicior Vesta*. Поэтъ Аўзоній *Ad Gratianum caes. c. 18* говоритъ: *Operto conclavis tui (императора) non sanctior ara Vestalis*). Такой богинѣ служили весталки и притомъ всегда находились у ея святилища (*assiduae templi antistites*); поэтому и онѣ должны были всегда стремиться къ этой идеальной чистотѣ, во всемъ проявлять ее, быть чистыми изъ чистыхъ, избѣгая са-момалѣйшаго оскверненія. У Сенеки (*Contr. I, 2*) законъ относительно избранія весталки гласитъ: *Sacerdos casta e castis, pura e puris sit*. Огонь Весты погасалъ, когда къ очагу ея приближалась, его касалась потерявшая чистоту жрица. Въ сохранившихся надписяхъ, поставленныхъ старшимъ весталкамъ, восхваляется ихъ непорочность, чистота (*castitas, pudicitia, egregia morum disciplina*), имъ придаются эпитеты: *sanctissima, piissima, religiosissima* и т. под. На весталокъ Римляне указывали, какъ на представительницъ идеальной женской чистоты ¹⁾).

Уже отъ рожденія и вообще, какъ выше упомянуто, весталки не должны были имѣть на тѣлѣ никакого порока ²⁾. Брались на служеніе Вестѣ дѣвочки въ весьма раннемъ возрастѣ, возрастѣ невинности, и съ

1) У Проперція V, II одна матрона говорить о себѣ, что отъ ея со-сѣдства не будетъ осквернена даже весталка:

Quaelibet austeras de me ferat urna tabellas:
Turpior adsessu non erit ulla meo,
Vel tu, quae tardam movisti fune Cybelen,
Claudia, turritae rara ministra deae,
Vel cui, commissos cum Vesta reposcere ignes,
Exhibuit vivos carbasus alba focos.

Срв. Овидій, *Amor III, 7*:

Sic flammas aditura pias aeterna sacerdos
Surgit, et a fratre verenda soror.

2) Сенека, *Controv. I, 2*: *Ambitiosa lex est: ad sacerdotium non ullas (nisiintegrea) non sanctitatis tantum, sed felicitatis admittit; inquit in majores, in corpus, in vitam,*

этого времени жили въ домѣ Весты. Несомнѣнно, утвержденію въ весталкахъ чистоты много способствовало и это обстоятельство. Но съ этою-ли цѣлью установлено было такое правило для избранія? Отчего не избирались дѣвушки, достигшія зрѣлости т. е. по крайней мѣрѣ имѣвшія полныхъ двѣнадцать лѣтъ? Въ послѣднее время разсматривалъ этотъ вопросъ Іорданъ (Tempel der Vesta и пр., 84). Онъ пришелъ къ заключенію, что сакральный обычай брать на служеніе Вестѣ несовершеннолѣтнихъ дѣвочекъ возникъ у Римлянъ подъ вліяніемъ Грековъ, у которыхъ несовершеннолѣтнія въ качествѣ жрицъ встрѣчались часто въ нѣкоторыхъ культахъ. По его мнѣнію институтъ весталокъ, какимъ мы его знаемъ (reorganisierter Vestadienst), возникъ сравнительно въ позднее время, именно въ началѣ республики.

Съ момента перехода въ домъ весталокъ новая весталка отрѣшалась отъ семьи, принадлежала богинѣ и всецѣло посвящала себя служенію Весты и другимъ богамъ; и все время, пока оставалась жрицею, должна была оставаться дѣвственницею ¹⁾. Весталки потому чаще всего и называются дѣвами, дѣвственницами Весты (virgines Vestales, Vestae innupta sacerdos, παρθένοι, ἀειπαρθένοι). Слово „весталка“ было синонимомъ дѣвственницы. Не разъ у древнихъ авторовъ весталка обозначается просто словомъ virgo. Ихъ жилище называетъ Марціалъ virginea domus, Геродианъ—ἱερὸς παρθεῖον. Официальное обозначеніе ихъ сана чаще всего встрѣчающееся—virgo Vestalis (Прейнеръ, Іорданъ). Христіанскіе западные писатели особенно часто обращаютъ вниманіе на эту особенность института весталокъ.

Почему храненіе огня Весты поручалось дѣвамъ?

Уже древніе пытались объяснить причину этого.

Сама Веста всегда является дѣвственницею, такой ея характеръ постоянно выставляется древними язычниками и отцами церкви. Если Вестѣ и придавался въ культѣ и языкѣ жрецовъ, на монетахъ и пр. эпитетъ „матери“ (Vesta mater), то это не значитъ, чтобы она представлялась дѣйствительно матерью, по крайней мѣрѣ въ болѣе древнее время. Эпитетъ

1) Въ сказаніи о Реѣ Сильвіи почти во всѣхъ случаяхъ говорится о пожизненномъ дѣвствѣ весталокъ. Въ Римѣ право послѣ 30 лѣтъ служенія оставлять жречество и даже выходить замужъ дано было будто впервые по особому закону (lex Horatia) весталкѣ Тараціи за то, что она подарила народу участокъ земли, campum Tiberinum или Martium. Геллій, VII (VI), 7.

„матери“ и могъ быть приданъ каждой богинѣ, какъ pater каждому богу; собственно въ римской мифологіи не было генеалогіи боговъ ¹⁾.

„Что удивительнаго, говорить Овидій, если дѣва (богиня) любитъ дѣвственницъ служительницъ и допускаетъ къ своимъ святынямъ только чистыя руки (чистыхъ дѣвъ)?“ Далѣе, рассуждаетъ онъ, Веста есть чистое пламя, ничего не рождаетъ; посему то Веста естественно дѣва, не рождающихся, и служатъ ей дѣвственницы.

Cur sit virginibus, quaeris, dea culta ministris?
Ex Ope Iunonem memorant Cereremque creatas
Semine Saturni. tertia Vesta fuit.
Utraque nupserunt, ambae peperisse feruntur,
De tribus impatiens restitit una viri.
Quid mirum, virgo si virgine laeta ministra
Admittit castas ad sua sacra manus?
Nec tu aliud Vestam, quam vivam intellige flammam,
Nataque de flamma corpora nulla vides.
Iure igitur virgo est, quae semina nulla remittit
Nec capit, et comites virginitatis habet.

Такія же объясненія приводятъ и другіе древніе авторы. Діонисій Галик. говорятъ, что храненіе огня поручено дѣвамъ, полагаютъ нѣкоторые, потому, что огонь есть нѣчто чистое, а дѣва непорочное, а самой чистѣйшей святынѣ угодно самое чистое среди людей ²⁾. По Плутарху (Numa 9) Нума поручилъ дѣвамъ огонь Весты или потому, что огонь и дѣва представляютъ общій характеръ чистоты, или потому, что они бесплодны ³⁾.

¹⁾ Такое толкованіе сочетанія Vesta Mater даетъ уже Преллеръ въ R. Mythologie, болѣе обстоятельно обосновываетъ его Йорданъ (Der Tempel der Vesta и пр.). Прейнеръ (Hestia-Vesta, стр. 336), напротивъ, находилъ это мнѣніе неосновательнымъ.

²⁾ II, 66: τινὲς μὲν... τὴν φιλακὴν αὐτοῦ (огня παρθένοις ἀνακείσθαι μᾶλλον ἢ ἀνδράσιν οἴονται κατὰ τὸ εἶδος, ὅτι πῦρ μὲν ἀμίαντον, παρθένος δ' ἀφθαρτον, τῇ δ' ἀγνωστῶ τῶν θεῶν τὸ καθαρώτατον τῶν θνητῶν φίλον.

³⁾ Цидеронъ De legibus, II, 12, 29: Cum Vesta quasi focum urbis... complexa sit, ei colendae virgines praesint, ut advigiletur facilius ad custodiam ignis et sentiant mulieres naturam feminarum omnem castitatem pati.

Весталки должны были строго блюсти свое дѣвическое цѣломудріе, нарушение котораго влекло за собою самую страшную казнь. Имъ строго воспрещалось всякое сколько нибудь свободное обращеніе съ мужчинами, легкомысленные разговоры, малѣйшее излишество въ одеждѣ и туалетѣ и вообще все, что могло обнаруживать въ весталкѣ дѣвушкѣ желаніе нравиться. Весталка не должна была возбуждать малѣйшаго подозрѣнія, наблюдать строгость и скромность во всемъ, въ рѣчи, одеждѣ и пр.

Весталка Постумія была въ 421 году обвиняема въ нарушеніи обѣта цѣломудрія; она была въ дѣйствительности невинна, но была заподозрѣна вслѣдствіе того, что позволяла себѣ нѣкоторую нарядность и свободу въ обращеніи (*ab suspicione propter cultum amoeniorem ingeniumque liberius, quam virginem decet, parum abhorrens*). Она была оправдана. Но великій понтификъ велѣлъ ей воздерживаться отъ шутокъ и вообще въ св оей наружности обнаруживать лучше чистоту, пристойность, чѣмъ изящество (Ливій, IV, 44). Весталка Минуція, уличенная въ нарушеніи цѣломудрія и погибшая ужасною смертію въ 290 году, тоже возбудила первоначально противъ себя подозрѣніе своею нарядностью, *suspecta primo propter mundiores cultum* (Ливій. VIII, 15). О Клавдіи Квинтѣ Овидій говоритъ (*Fast.* IV, 307):

*Casta quidem, sed non et credita. rumor iniquus
Laeserat, et falsi criminis acta rea est.
Cultus et ornatis varie prodisse capillis
Obfuit, ad rigidos promptaque lingua senes.
Conscia mens recti fama mendacia risit.*

Сенека риторъ говоритъ объ одномъ вымышленномъ процессѣ весталки. Хотя это только тема для риторическихъ упражненій, но, несомнѣнно, сообщаемое имъ по этому поводу имѣло основаніе въ дѣйствительности и для насъ поэтому интересно.

Одна весталка будто написала такой стихъ:

Felices nuptae! moriar, nisi nubere dulce est. (Счастливы замужнія! Пусть я умру, если не сладко выйти замужъ!)

Предполагаемое обвиненіе таково: весталка обнаружила преступное для нея вожелѣніе; она или ложно клянется или извѣдала уже запретное для нея наслажденіе; весталка пишетъ стихи и речомъ нарушаетъ священную тишину святилища; если уже она хочетъ хвалить бракъ, то пусть повѣствуетъ о Лукреціи и ея смерти. Она достойна казни, если

ей какое либо другое положеніе кажется болѣ завиднымъ, чѣмъ ея жречество. Итакъ она виновна въ нарушеніи цѣломудрія, такъ какъ имѣетъ грѣховное вождѣніе нарушать его. Предполагаемая защита: ей ставить въ вину одинъ стихъ; но за это она заслуживаетъ только внушенія; въ нарушеніи цѣломудрія можетъ быть обвинена только та, коей тѣло осквернено; поэты не всегда то думаютъ и чувствуютъ, что пишутъ; подсудимая жила скромно, воздержно; не видно было на ней роскошныхъ нарядовъ, не позволяла она себѣ вольностей въ разговорахъ съ мужчинами; одна ея вина, что у ней есть талантъ ¹⁾).

Симмахъ (Epist IX, 108) по поводу нѣкоторыхъ слуховъ объ одной весталки говорить; (Ego in sacrae virginis famam nihil patior licere sermonibus. Гораций называетъ весталку *молчаливою дѣвою*, *tacita virgo*) ²⁾).

1) Annaeus Seneca, Excerpta contr. VI, 8 Kiessling: Virgo Vestalis scripsit hunc versum:

Felices nuptae moriar, nisi nubere dulce est.

Rea sit incesti.

Felices nuptae „cupientis est; „pereat, nisi“ affirmantis est; „nubere dulce est“ aut experta iuras aut inexperta peieras; neutrum sacerdotis est. Tibi magistratus suos fasces submittunt, tibi consules praetoresque via cedunt; numquid exigua mercede virgo es? Sacerdos raro iuret nec umquam nisi per suam Vestem. „Moriar“: numquid perpetuus ignis extinctus est?.... Tu carmen scribas, tu verba pedibus emollias et severitatem debitam templo modulatioe frangas?... O te omni supplicio dignam, cui quicquam sacerdotio felicius est. „Dulce est“: quam expressa vox, quam ex imis visceribus emissa non expertae tantum, sed delectatae. Incesta est etiam sine stupro, quae cupit stuprum.

Pars altera. Unus illi versus obicitur.... Multum interest, obiurges an punias. Incesti damnari nulla potest nisi cuius violatum corpus est. Quid tu putas poetas quae sentiunt scribere? Vixit modeste, castigate, non cultus in illa luxuriosior, non conversatio cum viris licentiosior; unum crimen eius vobis confiteor: ingenium habet. Quidni invidet Corneliae, quidni illi, quae Catonem perperit, quidni sacerdotes parientibus?

²⁾ Коментаторъ (Акронъ) такъ объясняетъ слово *tacita* въ данномъ мѣстѣ Горация: Aut verecunda aut (tacente?) pro sacrificio (tacente), consueverant enim sacrificaturae Capitolium tacentes ascendere, sive pro (clara) sacerdotii dignitate (clara). Весталки, несомнѣнно, были *tacitae* κατ' ἐξοχήν.

Какъ строго и ревниво оберегали цѣломудріе и чистоту весталокъ, видно изъ того, что не только онѣ сами не должны были позволять себѣ легкомысленныхъ разговоровъ, но и вообще должно было быть удаляемо отъ ихъ взоровъ все, что могло осквернять ихъ цѣломудріе, возбуждать нечистыя мысли и представленія. Уже знаменитый Катонъ Цензоръ (2 вѣка до Р. Х.) въ своихъ наставленіяхъ убѣждаетъ воздерживаться въ присутствіи сына отъ неприличныхъ рѣчей такъ же осторожно, какъ и *въ присутствіи дѣвъ Весты*. Ср. выше слова Римлянки у Проперція: „отъ моего сосѣдства не будетъ осквернена даже весталка“. Сенека риторъ Controv. I, 2 ¹⁾ говоритъ что въ присутствіи жрицы (Весты) люди воздерживаются отъ всего зазорнаго; не напрасно жрица предшествуетъ ликтору: онъ устранилъ предъ нею съ дороги блудницу (*coram sacerdote obscenis homines abstinent. Non sine causa sacerdoti licitor apparet: occurren tem te illi meretricem summovisset. Выше: tibi quaecumque meretrix prostabit fugiet?*).

Прислужницы, непосредственно служившія весталкамъ, также должны были быть порядочнаго поведенія, ничѣмъ не опороченныя. Прикосновеніе раба къ тѣлу весталки оскверняло его. Осужденная на смерть весталка Корнелія уже спускалась по лѣстницѣ въ приготовленію для нея подземную камеру; въ это время зацѣпился за что-то шлейфъ ея столы и она повернулась и расправила его; а когда палачъ подаль ей руку, она отвергла ее и отскочила, избѣгая нечистаго соприкосновенія. (Плиній М. Ср. Сенека Contr. I, 3: *Veniet ad colendum Romani imperii pignus etiamsi non stupro, at certe carnificis manu incesta*).

У Діонисія Галикарн. весталка Эмілія говоритъ въ молитвѣ, что она чиста душою и тѣломъ (*καὶ ψυχῇ ἕχουσα καὶ σώμα ἄγνόν*).

Конечно, нисколько не удивительно, что мы находимъ напр. у Цицерона довольно высокія понятія о чистотѣ духовной человѣка, какой требуетъ божество. Цицеронъ говоритъ, что то почитаніе боговъ самое лучшее, когда мы чтимъ ихъ чистымъ сердцемъ и устами (*Is cultus deorum optimus est, ut eos pura et voce et mente veneremur*). Онъ же въ своихъ „Законахъ“ говоритъ о чистотѣ (*castimonia*), что подъ этимъ словомъ слѣдуетъ разумѣть прежде всего и главнымъ образомъ

1) Эта контрoверсія Сенеки, какъ и слѣдующая, даетъ нѣкоторые свѣдѣнія относительно римскаго жречества; въ нихъ, какъ и въ VI, 8 рѣчь идетъ о весталкѣ.

чистоту душевную ¹⁾. Но, если и прежде въ какомъ либо культѣ у Римлянъ болѣе или менѣе проводились практически подобныя возвышенныя идеи чистоты, то это именно или преимущественно въ культѣ Весты и его *sanctissimum sacerdotium*. Мы уже говорили выше, что въ римской религіи было болѣе нравственныхъ элементовъ; и вотъ у Римлянъ именно выработался и такъ долго процвѣталъ этотъ культъ огня, культъ самый чистый изъ всѣхъ культовъ язычества, *castissimus cultus* (Симмахъ) („la fede, che brillò della maggiore purezza nel culto pagano“ Маэсъ). Прейнеръ (стр. 430) совершенно основательно говорить объ институтѣ весталокъ: „Несомѣнно, нѣтъ другого болѣе замѣчательнаго явленія въ языческой древности, какъ этотъ среди его въ своемъ родѣ по истинѣ единственный институтъ. Существова искини въ Италіи, онъ удержался до послѣднихъ временъ упадка и гибели язычества съ силою и значеніемъ не ослабѣвающими, даже можно сказать возраставшими начиная, со времени имперіи. Ктѣ не знаетъ, какъ свободны были воззрѣнія древнихъ что касается половой чистоты, и въ особенности религія приняла проституцію подъ свое защищающее, даже можно почти сказать освящающее покровительство. Вѣдь проституировали же свое тѣло гьеродулы въ культѣ Афродиты, какъ служительницы божества и въ честь этого божества! Конечно, такая гьеродулія не нашла себѣ мѣста въ Римѣ, но можно указать на обряды, какіе имѣли мѣсто во время Либералій, Флоралій, чтобы напомнить, какъ грязенъ былъ тотъ фонъ, на которомъ выдается такой институтъ, какъ институтъ весталокъ, отъ которыхъ требовалась безупречная чистота не только въ дѣйствіяхъ, но также и въ одеждѣ, словахъ и мысляхъ. Конечно, когда мы слышимъ о многочисленныхъ процесахъ весталокъ, нарушившихъ обѣтъ цѣломудрія, то это предполагаетъ еще большее количество случаевъ нарушенія этого обѣта. Но тѣ процессы и все повторяющееся примѣненіе самаго страшнаго изъ наказаній зарыванія живыми въ землю, доказываютъ съ другой стороны, съ какою мрачною строгостію Римъ во всѣ времена блюлъ чистоту своего святѣйшаго культа“.

¹⁾ De legg. II, 10: Caste jubet lex adire ad deos, animo videlicet, in quo sunt omnia. Nec tollit castimoniam corporis, sed hoc oportet intelligi, quam multum animus corpori praestet observeturque, ut casto corpore adeatur, multo esse in animis id servandum magis. Nam illud vel asperione aquae vel dierum numero tollitur: animi labes nec diuturnitate evanescere nec amnibus ullis elui potest.

Такъ какъ отъ весталокъ требовались строго нравственная чистота и слѣдовательно полезно и цѣлесообразно было устранить по возможности отъ ихъ взоровъ всякій соблазнъ, то цѣлесообразно было изолировать ихъ въ жилищѣ отъ окружающаго міра и среды. Посмотримъ же, въ какой степени такое удаленіе отъ міра, затворничество, такъ сказать, требовалось уставомъ (*νόμος*), регулировавшимъ ихъ жизнь.

Мы видѣли, что въ храмъ Весты входъ мужчинамъ совсѣмъ былъ воспрещенъ. Но въ жилище весталокъ (*atrium Vestae*) они допускались. Прежде всего и чаще всего *ex officio* посѣщаль жилище весталокъ великій понтификъ, наблюдавшій зорко и строго за образомъ жизни и служеніемъ весталокъ (*ἐπισκοπὸς τῶν ἱερῶν παρ' ἑνὸν*, Плутархъ); онъ дѣлалъ имъ внушенія за малѣйшія уклоненія отъ обязательнаго для нихъ образа жизни и поведенія, пользуясь иногда услугами шпионовъ (весталка Минуція было обвинена по доводу раба, *indice servo*. Ливій, VIII, 15). Официальное жилище великаго понтифика (*regia*) до времени Августа находилось у самаго атрія Весты, было даже смежно съ послѣднимъ (*ἐμμέσυχος*). Конечно, и остальные члены коллегіи понтификовъ имѣли доступъ въ атрій Весты; они тоже, вѣроятно, должны были наблюдать за весталками, и ихъ наблюденіе было необходимо въ случаяхъ, когда великій понтификъ былъ въ отсутствіи. Цезарь напр., уже будучи великимъ понтификомъ, не разъ командовалъ арміей вдали отъ Рима. Равнымъ образомъ одинъ изъ понтификовъ (промагистръ) долженъ былъ замѣнять отсутствующаго императора въ его обязанности постоянного блюстителя культа Весты.

Иногда по особымъ причинамъ и другія жреческія коллегіи посѣщали жилище дѣвъ Весты. Такъ въ немъ засѣдали Полевые братья (*fratres Arvales*) въ 14 году послѣ Р. X.

Есть извѣстіе у писателя IV вѣка послѣ Р. X. и довольно подозрительное, что даже сенатъ иногда собирался въ жилищѣ весталокъ, *atrium Vestae*. (Сепцій къ Энеидѣ VII, 153: *Templum Vestae non erat auri consecratum, ne illuc conveniret senatus, ubi erant virgines. ad atrium Vestae sane conveniebatur quod a fuerat templo, remotum*. См. объ этомъ мѣстѣ Иорданъ, *Topogr.* I, 2, 299 и Виллемсъ, *Le Sénat*, II, 159).

Иорданъ (*Tempel der Vesta*), говоря о весьма значительныхъ размѣрахъ сохранившагося жилища весталокъ, именно средней его, открытой части, собственно атрія или перистилля, указываетъ для объясненія этого между прочимъ и на то, что имъ приходилось принимать въ своемъ атріѣ высокую коллегію понтификовъ и др.

Относительно посѣщенія атрія Весты мужчинами вообще нѣтъ почти ни одного прямаго и неоспоримаго свидѣтельства у древнихъ авторовъ. Діонисій Галик. (II, 67) сообщаетъ, что въ атрій Весты днемъ можно входить всякому желающему, а ночью ни одинъ мужчина не можетъ тамъ оставаться ¹⁾. Аппіанъ въ мѣстѣ, уже разъ нами приведенномъ (Civil. I, 54), противорѣчитъ Діонисію; онъ говоритъ, что преторъ Азеліонъ, не допущенный въ храмъ Весты или его периболъ, скрылся въ какую-то таверну и былъ тамъ убитъ, а нѣкоторые изъ преслѣдовавшихъ его ростовщиковъ, полагая, что онъ убѣжалъ „къ двамъ“, вбѣжали въ мѣсто, куда не дозволялось входить мужчинамъ (значить, въ атрій Весты) ²⁾.

Иорданъ совершенно основательно не придаетъ значенія свидѣтельству иностранца Діонисія, но странно—на приведенное мѣсто Аппіана онъ почему-то даже совсѣмъ не указываетъ. Марквардтъ на основаніи свидѣтельства Аппіана прямо утверждаетъ, что въ домъ весталокъ не могъ входить ни одинъ мужчина. Намъ кажется несомнѣннымъ, что и сообщеніе Аппіана не вполне вѣрно. Иорданъ, не приводящій его, однако вѣрно, кажется, полагаетъ, что посѣщать жилище могли только лица, имѣвшія по своимъ близкимъ отношеніямъ къ весталкамъ на это право (legitimирте Besucher), именно жрецы и близкіе сродственники весталокъ, но послѣдніе всегда подъ строгимъ контролемъ ³⁾.

Насколько дозволены были и какія отлучки весталкамъ изъ ихъ жилища? Мы видѣли выше, что онѣ участвовали во многихъ религіозныхъ церемоніяхъ внѣ культа Весты, слѣдовательно, должны были для цѣлей богослужебныхъ оставлять свое жилище и выступать публично. Есть нѣсколько упоминаній у авторовъ о случаяхъ появленія весталокъ въ публикѣ, не вызванныхъ, по видимому, культовыми мотивами. Такъ напр. одна весталка во время триумфа ея отца сѣла на его колесницу и съ нимъ ѣхала на Капитолій. Большая весталка переводилась изъ атрія Весты въ частный домъ и поручалась попеченіямъ и надзору надежныхъ матронъ. Но, кажется, такія отлучки были крайне рѣд-

¹⁾ Δάιταν ἔχουσαι (весталки) παρὰ τῇ Σεῖρ, ἕνθα δι' ἡμέρας οὐδεὶς μὲν ἀπείργεται βουλόμενος εἰσεῖναι, νυκτὸς δὲ οὐδενὶ τῶν ἀρρέων ἐναυλίσασθαι θέμις.

²⁾ πολλοὶ τῶν διωκόντων 'εἰς πρῆθένους αὐτὸν ἡγούμενοι ἀποφυγεῖν ἐσέδραμον, ἕνθα μὴ Σεῖρις ἦν ἀνδράσιν.

³⁾ Въ знаменитомъ процессѣ весталокъ 114 года до Р. Х. соблазнителями двухъ весталокъ являются братья другихъ весталокъ.

ки и вызывались какими нибудь исключительными причинами. Уже принимая въ соображеніе, полагаетъ Иорданъ, общій характеръ служенія этихъ состоявшихъ подъ строгимъ надзоромъ дѣвъ, легко предположить, что имъ дозволялось оставлять ихъ постоянное жилище лишь для цѣлей богослуженія, къ которымъ вѣдь относится также и участіе ихъ въ публичныхъ играхъ (театръ и пр.). Но кромѣ общихъ соображеній одно данное, добытое послѣдними раскопками жилища весталокъ, по мнѣнію названнаго ученаго, служить почти несомнѣннымъ, прямымъ доказательствомъ тому, что жилище весталокъ и храмъ Весты по образу монастырей изолированы были отъ внѣшняго міра; и посему де уже никто не усумнится въ томъ, что какъ входъ посторонней публики въ это священное мѣсто (*Gesammtheiligthum*), такъ равно и отлучки весталокъ изъ священнаго темена строго контролировались компетентною властью, и такимъ образомъ внѣшнія условія служенія весталокъ такъ близко подходили къ формамъ жизни христіанскихъ монахинь, что можно только удивляться, какъ ихъ не называли „сестрами“, тѣмъ болѣе что въ „братъяхъ полей“ въ Римѣ и братьяхъ Атіедскаго рода въ Игувиѣ сохранены намъ остатки аналогичныхъ представленій отъ древнѣйшаго италійскаго родоваго государства.

Именно разслѣдованіе остатковъ въ жилища весталокъ и храма Весты показали, что все мѣсто съ комплексомъ зданій (*locus Vestae* у Овидія) обведено было периболомъ (*Ummauerung*) и имѣло одинъ только выходъ. Правда, Иорданъ самую эту стѣну (остатки коей сохранились) считаетъ принадлежащею позднѣйшему времени, но входъ, полагаетъ, несомнѣнно старый.

„Не будетъ слишкомъ смѣло, продолжаетъ онъ, если предположимъ, что въ древнѣйшее время существовалъ этотъ периболь, къ воротамъ котораго шла уцѣлѣвшая донныѣ идущая по этому направленію дорога. Однимъ словомъ, кажется, въ самомъ дѣлѣ затворничество для весталокъ существовало отъ древнѣйшаго времени; ворота къ храму и къ монастырю-чтобы употребить здѣсь хотъ разъ для краткости и ясности названіе аналогичнаго учрежденія—были открыты, конечно, только во время празднества богини, во время Весталій“ (*Tempel der Vesta und das Haus der Vestalinnen*, стр. 58 сл.).

Возлѣ жилища весталокъ находилась въ древнѣйшее время (еще при Цицеронѣ) небольшая рощица (*lucus Vestae*), на склонѣ Палатинскаго холма. Въ ней жрицы, вѣроятно, могли гулять. При императорахъ мѣсто это занято было подъ постройки Жилище весталокъ, остат-

ки котораго теперь открыты (это зданіе II вѣка послѣ Р. Х.) весьма значительныхъ размѣровъ, такъ что его обитательницы могли дѣлать въ немъ, у себя дома (въ открытомъ перистилѣ) хоть небольшой моціонъ.

Древніе весьма большое значеніе придавали внѣшней чистотѣ въ культѣ, чистотѣ тѣла, одежды и пр.; естественно, что весталки особенно должны были заботиться и о внѣшней чистотѣ (*castimonia corporis*), опрятности, должны были беречь себя отъ всякой внѣшней нечистоты, избѣгать всего, что могло, по мнѣнію древнихъ, осквернять, дѣлать нечистымъ. Несомнѣнно, въ этомъ отношеніи было много мелочныхъ предписаній и правилъ, которыя онѣ должны были аккуратно выполнять. Такъ, для нихъ обязательны были частыя ежедневныя омовенія и кромѣ того при особенныхъ случаяхъ еще много чрезвычайныхъ очистительныхъ церемоній. Въ ихъ жилищѣ до сихъ поръ сохранились особыя помѣщенія съ приспособленіями для омовеній; особенно хорошо сохранилась одна такая комната въ третьемъ этажѣ („ein fast intaktes reich marmorbekleidetes Badezimmer“. Иорданъ). Мы уже указали на то, что вода была особенно важна въ культѣ Весты.

Мертвое тѣло считалось оскверняющимъ предметомъ и въ особенности оскверняло все священное, а также и служителя божества. Какъ фламивъ Юпитера (см. ниже), такъ, несомнѣнно, и весталки не должны были приближаться къ покойнику и видѣть его. По всей вѣроятности по подобному мотиву заболѣвшая весталка должна была оставлять атріи Весты и переводилась въ частный домъ (Плиній *Epist. XII, 21: virgines... vi morbi atrio Vestae coguntur excedere*).

Одежду весталки должны были носить исключительно бѣлаго цвѣта; ¹⁾ вѣроятно, это должно было быть внѣшнимъ знакомъ ихъ нравственной чистоты („Ihre weisse Kleidung offenbar war Symbol ihrer Reinheit.“ Прейнеръ. Иорданъ, *Tempel d. V.*)

Имъ запрещалось украшать себя цвѣтами, употреблять духи и прибѣгать къ какимъ нибудь *medicamina faciei* (а въ туалетахъ богатыхъ римлянъ, особенно времени имперіи все это играло весьма важную роль). Были ли какія особыя предписанія относительно пищи весталокъ, не знаемъ. Замѣтимъ только, что временное воздержаніе отъ пищи и питья, постъ не имѣлъ мѣста въ религіозной жизни Римлянъ и вообще Ита-

1) Діонисій Галик., II, 68; Валерій-Максимъ, I, 1, 7; Свида II, 1, 1009 Bernh.

ликовъ, какъ средство для достиженія большей чистоты и вообще богоугодное. Посты, по всей вѣроятности, стали впервые извѣстны въ Римѣ со введеніемъ въ Римѣ греческихъ культовъ (особенно культа Цереры—*jejunium Cereris*) и употреблялись потомъ только въ этихъ культахъ, а также культахъ восточнаго происхожденія. Г. Тумасовъ (Религіозно-общественныя учрежденія древняго языческаго Рима, стр. 54.) утверждаетъ, что весталки должны были быть (такъ де требовалъ ихъ уставъ) воздержными въ пищѣ, и именно что онѣ будто въ пищу употребляли хлѣбъ и молоко, а пили только чистую воду. Но у Плутарха *Numa* 10, на котораго онъ при этомъ ссылается, говорится только, что *осужденной на смерть весталкѣ* въ подземной камерѣ, въ которой ее зарывали, ставилось немного необходимой пищи и питья, именно хлѣба, воды, молока и (оливковаго) *масла*. Едва-ли употребленіе вина было запрещено весталкамъ. Весталки присутствовали на торжественныхъ пирахъ понтификовъ и другихъ жрецовъ, которыя (пиршества) отличались необыкновенною роскошью. Христіанскіе писатели могли во всякомъ случаѣ съ нѣкоторымъ правомъ противопоставлять весталокъ, что касается воздержности и умѣренности въ пищѣ, христіанскимъ постницамъ, *sacrae virgines* ¹⁾.

Несомнѣнно, весталки въ частной своей жизни подчинены были весьма многимъ мелочнымъ стѣсненіямъ и предписаніямъ ихъ устава, въ родѣ тѣхъ, какія обязательны были для Юпитерова фламينا и его жены;

1) Эти же писатели находили и порицали нѣкоторую роскошь и въ нарядѣ весталокъ, именно въ томъ нарядѣ, который былъ для нихъ обязателенъ. Конечно, онъ былъ роскошнѣе и величественнѣе одежды христіанскихъ дѣвственницъ. Замѣтимъ здѣсь еще, что христіанскіе апологеты IV вѣка имѣютъ въ виду главнымъ образомъ институтъ весталокъ за послѣднее время его существованія. Римляне, конечно, въ культѣ Весты и другихъ исконно римскихъ божествъ особенно свято хранили старинные обряды и уставы, но были, надо полагать, и въ институтѣ весталокъ нѣкоторыя нововведенія, и въ томъ числѣ касательно образа жизни и одежды весталокъ. Такъ напр. на статуяхъ весталокъ самаго поздняго времени находимъ большую цѣпь. Пруденцій говорить, что у христіанскихъ дѣвственницъ (въ противоположность весталкамъ) *rarae tenuesque epulae et mens sobria semper*. Святой Амвросій (*Epist. ad Valent.*): *Non vittae capiti decus, sed ignobile velamen usui, nobile castitati; non exquisita, sed abdicata lenocinia pulchritudinis; non illa purpurarum insignia, non lusus deliciarum, sed usus jejuniorum*.

намъ онъ далеко не всѣ извѣстны, подобно тому какъ неизвѣстно или недостаточно ясно и многое другое касательно института весталокъ, этой женской жреческой коллегіи, уже для обыкновеннаго Римлянина представлявшейся въ какомъ-то мистическомъ мракѣ, таинственности. ¹⁾

1) Интересно сопоставить съ выше приведеннымъ стѣснительныя предписанія, которымъ долженъ былъ подчиняться въ своемъ образѣ жизни фламине Юпитера (и его жена фламника). Этотъ жрецъ, точно также какъ и весталки (эти женскія фламинны Весты) пользовался необыкновеннымъ почтомъ, но зато чрезвычайно стѣсненъ былъ строгими мелочными сакральными предписаніями въ образѣ жизни. „По рангу онъ былъ между фламинами самый уважаемый; такъ, уже его одежда, внѣшность и появленіе въ публикѣ носили на себѣ печать достоинства и торжественности. Онъ одинъ между всѣми жрецами, хотя сенатъ былъ всегда для него открытъ, не могъ занимать никакой свѣтской должности и домогаться таковой—ограниченіе, долженствовавшее также первоначально выражать его спеціально духовный санъ, но впоследствии при преобладаніи свѣтскихъ интересовъ весьма непріятное для патриціевъ, изъ которыхъ всегда избирались три высшіе фламине. Далѣе фламину Юпитера не дозволялось никогда садиться на лошадь, видѣть внѣ священнаго померія вооруженныхъ людей, давать клятвы (какъ и весталкѣ), имѣть на рукѣ кольцо, имѣть хоть одинъ узелъ на своемъ шлемѣ (арех) или поясѣ и вообще на тѣлѣ; въ его одеждѣ могли быть только пряжки. Волосы и бороду ему могъ стричь и брить только свободный человѣкъ и при томъ мѣднымъ орудіемъ; отрѣзанные ногти или части волосъ нужно были всякій разъ зарывать подъ приносящимъ плоды деревомъ. Онъ не могъ касаться козы, собаки, сыраго мяса, плюща и посвященныхъ мертвымъ бобовъ, даже не могъ называть этихъ предметовъ; также не могъ касаться находящагося въ броженіи тѣста и входить въ бесѣдку изъ виноградной лозы.

Ножки его кровати должны были быть слегка вымазаны глиною, и онъ не могъ провести три ночи подъ рядъ не на этой кровати и никто другой не смѣлъ спать на ней. У ножки этой его кровати, всегда долженъ былъ находиться ковчежецъ съ обыкновенными жертвенными субстанціями. Никогда онъ не долженъ былъ подъ открытымъ небомъ безъ своего апика, снимать его дома разрѣшено было ему позже спеціальнымъ декретомъ понтификовъ; еще Люцій Корнелій-Мѣрула, предупредившій насильственную смерть самоубійствомъ, оставилъ собственноручное удостовѣреніе, что, прежде чѣмъ открыть себѣ жилы, онъ снялъ свой шлемъ.

Далѣе фламине Ю. не долженъ былъ раздѣваться подъ открытымъ небомъ, дабы Юпитеръ не видѣлъ своего жреца обнаженнымъ. Всякій день

Хотя весталки и напоминаютъ въ извѣстной мѣрѣ христіанскихъ затворницъ монахинь, но въ весьма многомъ отличны отъ нихъ соотвѣтственно духу и характеру древней римской религіи.

Эти шесть дѣвъ Весты своимъ служеніемъ обезпечиваютъ государству небесную защиту, стерегутъ залоги его цѣлости и благоденствія, жертвуютъ собою для этой цѣли, пока требуетъ государство; онѣ отрѣшаются отъ прежнихъ связей съ семьей и радостей обыкновенной жизни не для того, чтобы только помышлять о духовномъ самоусовершенствованіи и спасеніи своей души; мы не найдемъ у нихъ вполне того самоотреченія и смиренія, которыя составляютъ столь важную черту нравственнаго идеала христіанки монахини; за ихъ важное служеніе, отреченіе отъ семьи, за ихъ святость государство поставило ихъ высокодало необыкновенныя привилегіи ихъ званію, окружило ихъ почетомъ, и онѣ не могутъ не пользоваться этимъ; онѣ гордятся этимъ, онѣ допускаютъ, что при жизни имъ ставятъ статуи и хвалебныя надписи. Пребывая вообще близъ богини въ своемъ жилищѣ, онѣ по требованію власти являются публично для участія въ разныхъ великихъ религіозныхъ церемоніяхъ и вообще, гдѣ присутствіе и молитвы ихъ считаются необходимыми.

Для цѣлей культа весталки часто появлялись въ торжественныхъ

былъ для него праздникомъ. Огонь изъ его дома можно было брать только для священнодѣйствій. Онъ и его домъ были убѣжищемъ для узниковъ и вѣдомыхъ на казнь пре тупниковъ. Если удавалось такому пасть къ ногамъ Юпитерова фламينا, то казнь не могла быть совершена въ тотъ-же день, и узники, если вступали въ его домъ, немедленно освобождались отъ оковъ. Женился онъ могъ только разъ и съ старинными обрядами конфарреаціи. Разводъ для него былъ невозможенъ; если жена умирала раньше его, то онъ долженъ былъ сложить свой жреческій санъ. Онъ не долженъ былъ вступать на мѣсто, гдѣ находился гробъ, касаться покойника; на проводахъ покойника хотя могъ присутствовать, но не долженъ былъ слышать жалобныхъ напѣвовъ и ихъ сопровождавшихъ флейтъ. Къ этому присоединались еще въ высшей степени строгія предписанія относительно его жреческихъ функцій, во время которыхъ ему должны были помогать или его собственные сыновья, или благородные жертвенные отроки, у коихъ были въ живыхъ родители.“ (Преллеръ). Его жена, *flaminica Dialis*, служила Юнонѣ и тоже въ образѣ жизни, одеждѣ и пр. подчинялась строгимъ предписаніямъ (См. также Marquardt, *Stsyrw.*, III.; Тумасовъ, Религіозно-обществ. учрежденія др. Рима).

случаяхъ публично, между прочимъ и въ театрѣ, амфитеатрѣ и вообще на всенрадныхъ зрѣлищахъ, присутствуютъ на выборахъ понтифика, пиршествахъ жрецовъ, являются иногда даже въ лагерь идущей на Римъ арміи. Конечно, онѣ были изолированы отъ толпы, ѣздили въ экипажѣ, шли въ сопровожденіи ликтора, и не легко было вообще приблизиться къ ихъ священной персонѣ. Но ихъ взоры не были закрыты „velamine“, онѣ должны были бросать взоры на жизнь и людей великаго города, для нихъ могъ представиться соблазнъ ¹⁾. Ихъ появленіе въ публикѣ, окруженныхъ необыкновеннымъ почетомъ, льстило ихъ самолюбію, но въ то же время эта необходимость представляла и опасности, не позволяла ихъ воображенію заснуть. Положеніе ихъ вслѣдствіе этого въ извѣстномъ отношеніи было очень тяжелое, трагическое, тяжелѣе положенія совсѣмъ удаляющихся отъ міра христіанскихъ монахинь (*Maes: é giusto riconoscere che per le Vestali era immensamente più arduo, che nell' attuale solitudine monastica, il serbarsi caste in mezzo al frastuono e al fascino mondano*). Это мы должны помнить, непременно имѣть въ виду при сужденіи о преткновеніяхъ дѣвъ Весты.

Отцы церкви и вообще христіанскіе апологеты часто говорятъ объ институтѣ весталокъ и, конечно, осуждаютъ его, какъ и другія языческія, сакральныя установленія. Отзывъ одного христіанскаго писателя о низкомъ уровнѣ нравственности римскихъ жрецовъ и въ частности весталокъ мы приведемъ въ другомъ мѣстѣ. Римляне сами карали страшно преступныхъ весталокъ. Но здѣсь любопытно указать на тѣ стороны института весталокъ и образа жизни этихъ жрицъ, которыя допускались и даже предписывались языческимъ сакральнымъ закономъ, а со стороны христіанскихъ писателей встрѣтили рѣзкое осужденіе и осмѣяніе, какъ безнравственныя.

1) Жилище ихъ, обведенное стѣною (оно находилось у самой оживленной площади города), представляетъ родъ монастыря и въ немъ онѣ находятъ покой; но онъ нарушается посѣщеніями мужчинъ, понтификовъ и иногда другихъ коллегій. Официальное жилище ихъ шефа (*regia*) было смежно съ атриемъ Весты.

Оно (*regia*) до времени Августа находилось у самаго атрия Весты, даже соединено было (*соединено*) съ послѣднимъ. Ланчани предполагаетъ дверь, которая вела изъ одного зданія въ другое. Онъ говоритъ *Atrio di Vesta, 9: Una sola porta era rimasta aperta al nemico: quella che poneva in comunicazione il claustro di Vesta con la regia del pontefice, e sembra che per questa porta appunto siasi più volte introdotto il peccato. Veggasi Livio XXII, 57,*

Castitas весталокъ съ точки зрѣнія христіанскаго идеала монахини оказывается далеко не чистою. Именно христіанскіе писатели указываютъ на то 1) что дѣвство весталокъ вынужденное и только временное: въ весталки берутъ дѣтей противъ его воли и за нарушение обѣта грозить казнью; 2) что оно, такъ сказать, продажное, что весталки не отрекаются отъ стяжанія и не пренебрегаютъ богатствами и почестями; 3) что онѣ смотрятъ на то, что должно оскорблять ихъ стыдливость или питаетъ грубые инстинкты.

Привожу интересное мѣсто о *virginitas* весталокъ изъ сочиненія *De virginibus* Св. Амросія Медиоланскаго, который и въ другихъ сочиненіяхъ не разъ сравниваетъ весталокъ съ христіанскими *sacrae virgines* (*Sancti Ambrosii episcopi Mediolanensis Opera*-Венеціанское изданіе бенедиктинцевъ e congregatione S. Mauri 1751 года): *Quis mihi praetendit Vestae virgines et Palladis sacerdotes? Qualis ista est non morum pudicitia, sed annorum: quae non perpetuitate sed aetate praescribitur! Petulantior est talis integritas, cujus corruptela seniori servatur aetati. Ipsi docent virgines suas non debere perseverare, nec posse, qui virginitati finem dederunt. Qualis autem est illa religio, ubi pudicae adolescentes jubentur esse impudicae anus? Sed nec illa pudica est, quae lege retinetur, et illa impudica, quae lege dimittitur. O mysteria! o mores; ubi necessitas imponitur castitati, auctoritas libidini datur. Itaque nec casta est, quae metu cogitur nec honesta, quae mercede conducitur: nec pudor ille, qui intemperantium oculorum quotidiano expositus convicio, flagitiosis adspectibus verberatur. Conferuntur immunitates, offeruntur pretia; quasi non hoc maximum petulantiae sit indicium castitatem vendere. Quod pretio promittitur, pretio solvitur pretio addicatur, pretio adnumeratur. Nescit redimere castitatem, quae vendere solet.*

Срв. особенно нѣкоторыя мѣста въ посланіи этого святаго отца къ императору Валентиніану, представляющемъ возраженіе на знаменитую *Relatio* Симмаха.

Христіанскій поэтъ IV вѣка (348—410) Пруденцій (*Aureius Prudentius Clemens*) въ полемическомъ стихотвореніи *Contra Symmachum*, II часть, также дѣлаетъ въ томъ же родѣ нападки на институтъ весталокъ; онъ много говоритъ о присутствіи весталокъ въ амфитеатрѣ и дѣлаетъ имъ упрекъ въ жестосердіи и кровожадности. Ст. 1055 (изд. Дресселя 1864) онъ говоритъ:

Sunt et virginibus pulcerrima praemia nostris,

et pudor et sancto tectus velamine vultus
et privatus honos, nec nota et publica forma
et rarae tenuesque epulae et mens sobria semper
lexque pudicitiae vitae cum fine peracta.

Далѣ въ томъ-же стихотвореніи слѣдуетъ довольно длинное интересное мѣсто противъ института весталокъ, противъ castitas и pudicitia весталокъ. Намъ придется еще и ниже въ нашемъ изложеніи нѣсколько разъ сослаться на него; посему будетъ цѣлесообразно здѣсь привести его сполна.

Quae nunc Vestalis sit virginis honestas,
discutiam, qua lege regat decus omne pudoris.
Ac primum parvae teneris capiuntur in annis,
ante voluntatis propriae quam libera secta
laude pudicitiae fervens et amore deorum
iusta maritandi condempnet vincula sexus.
Captivus pudor ingratis addicitur aris,
nec contempta perit miseris, sed adempta voluptas
corporis intacti, non mens intacta tenetur;
nec requies datur ulla toris, quibus innuba caecum
vulnus et amissas suspirat femina taedas.
Tum quia non totum spes salva interficit ignem,
nam resides quandoque faces adolere licebit
festaque decrepitis obtendere flammea canis,
tempore praescripto membra intemerata requirens
tandem virgineam fastidit Vesta senectam.
Dum thalamis habilis tumuit vigor, inrita nullus
fecundavit amor materno viscera partu:
nubit anus veterana sacro perfuncta labore
desertisque focus, quibus est famulata iuventas,
transfert emeritas ad fulcra iugalia rugas,
discit et in gelido nova nupta tepescere lecto ¹⁾.

1) Христіанскіе писатели, очевидно, нападаютъ болѣе на самый принципъ, на уставъ служенія, разрѣшавшій весталкѣ послѣ 30 лѣтъ служенія вступать въ бракъ. Мы вѣдь видѣли, что, по свидѣтельству Діонисія и Плутарха, весталки обыкновенно до смерти не оставляли служенія Вестѣ

Interea dum torta vagos ligat infula crines
fatalesque adolet prunas innupta sacerdos,
fertur per medias ut publica pompa plattas
pilento residens molli, seque ore relecto
imputat attonitae virgo spectabilis urbi.
Inde ad consessum caveae pudor almus et expers
sanguinis it pietas, hominum visura cruentos
congressus mortisque et vulnera vendita pastu
spectatura sacris oculis: sedet illa verendis
vittarum insignis phaleris fruiturque lanistis.
O tenerum mitemque animum! consurgit ad ictus
et quotiens victor ferrum iugulo inserit, illa
delicias ait esse suas pectusque iacentis
virgo modesta iubet converso pollice rumpi,
ne lateat pars ulla animae vitalibus imis,
altius inpreso dum palpitat ense secutor.
Hoc illud meritum quod continuare feruntur
excubias Latii pro maiestate Palati,
quod redimunt vitam populi procerumque salutem,
perfundunt quia colla comis bene vel bene cingunt
tempora taeniolis et licia crinibus addunt.
Et quia subter humum lustrales testibus umbris
in flammam iugulant pecudes et murmura miscent:
an quoniam podii meliore in parte sedentes,
spectant aeratam faciem, quam crebra tridenti
infecto quatiant hastilia, saucius et quam
vulneribus patulis partem perfundat arenae,
cum fugit et quanto vestigia sanguine signet?

добровольно. См. выше стр. 42. Последняя весталка, видѣвшая уничтоженіе
культа В., является тоже престарѣлою дѣвкою.

UNIVERSITY OF CHICAGO

44 755 426

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРАГО

Судъ надъ весталками и наказанія ихъ. 1
ніе. Храмъ Весты. Домъ весталокъ (atrium Ves
женія весталокъ, одежда весталокъ. Надписи в
при императорахъ и послѣдніе дни его. Общія
ститутъ весталокъ. Иллюстраціи по антикамъ.

Того-же авторъ

Водоснабженіе древняго Рима. 244 стр.
усахъ Кіевского „Сборника статей по класси

UNIVERSITY OF CHICAGO

44 755 426

ВТОРОГО ВЫПУСКА.

оказанія ихъ. Ихъ права, привилегіи и влія-
нство (atrium Vestae). Статуи и другія изобра-
женія. Надписи въ честь весталокъ. Культъ В.
и др. египетскіе. Общія заключенія о культъ В. и ин-
тересныя по антикамъ.

того-же автора:

Рима. 244 стр. Вышло въ первыхъ двухъ вы-
пускахъ по классической древности".